

Э. Валиханов

КЕНЕСАРЫ

КЕНЕСАРЫ

Эдиге
Валиханов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖЗЛ

Annotation

Книга посвящена выдающемуся политическому, государственному и военному деятелю Казахстана — Кенесары Касымову. Восстание, поднятое Кенесары, охватило почти весь Казахстан и длилось десять лет — с 1837 по 1847 год. Идеологические догмы прошлого наложили запрет на историческую правду об этом восстании и его вожде. Однако сегодня с полным основанием можно сказать, что идеи, талант и бесстрашие Кенесары Касымова снискали огромное уважение казахского народа и остались в его исторической памяти как одна из лучших страниц национально-освободительной борьбы казахов в XIX веке. В настоящем издании Кенесары Касымов представлен как духовно богатая и неповторимая личность. Книга предназначена для широкого круга читателей

- [Эдиге Валиханов](#)
  - [ЭПОХА](#)
  - [РАЗРУШЕНИЕ](#)
  - [ВОЙНА](#)
  - [ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЙНЫ](#)
  - [БРОСОК НА ЮГ. ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ](#)
  - [СПОДВИЖНИКИ И ПРОТИВНИКИ КЕНЕСАРЫ](#)
  - [ВТОРАЯ КАЗНЬ КЕНЕСАРЫ](#)
  - [эпилог](#)
-

Эдиге Валиханов
КЕНЕСАРЫ

ЭПОХА

В 1862 году, 21 апреля, в Обществе любителей русской словесности { *В дальнейшем именовалось — Общество любителей российской словесности.* } , в Москве, выступал статный, в гражданском одеянии, с внушительной бородой человек, весь облик которого излучал необыкновенный свет. И свою речь он начал с таких слов: «Во всяком научном и общественном деле, во всем, что касается всех и требует общих убеждений и усилий, порою проявляется ложь, ложное, кривое направление, которое не только временно держится, но и берет верх, пригнетая истину, а с нею и всякое свободное выражение мнений и убеждений. Дело обращается в привычку, в обычай, толпа торит бессознательно пробитую дорожку, а коноводы только покрикивают и понукают. Это длится иногда довольно долго; но, взглядываясь в направление пути и осматриваясь кругом, общество видит наконец, что его ведут вовсе не туда, куда оно надеялось попасть; начинается ропот, сперва вполголоса, потом и вслух, наконец подымается общий голос негодования, и бывшие коноводы исчезают, подавленные и уничтоженные тем же большинством, которое до сего сами держали под своим гнетом. Общее стремление берет иное направление и с жаром подвизается на новой стезе».

Речь держал член-корреспондент Академии наук по классу естественных наук — Владимир Иванович Даль, представляя свой знаменитый впоследствии «Толковый словарь живого великорусского языка».

Мысли, излагаемые Владимиром Ивановичем, относились к предшествующей эпохе — эпохе Николая I. Так, в Напутном слове к «Толковому словарю...» во всеуслышание собиратель русского фольклора Казак Луганский { *Литературный псевдоним В. И. Даля.* } охарактеризовал состояние русского общества, которое на протяжении почти тридцати лет следовало той генеральной линии государства, которая в конце концов стала неприемлемой для страны и для многих ее подданных. Обращаясь только к чистоте русского языка, загнанного «в трущобу», Даль размышлял и над всем общественным развитием страны, когда лучшие ее люди были загнаны в тенета строгой регламентации и несвободы. В четвертом томе «Толкового словаря...», этого выдающегося явления культуры, при объяснении термина «свобода» размашисто выделено: «Свобода, своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения,

неволи, рабства, подчинения чужой воле...» И далее: «Свобода печати, отсутствие цензуры, но может быть ответ перед судом. Свобода мысли, безответственность за мысли, убеждения свои. Свобода слова, позволение выражать мысли свои. Свобода крестьян противопоставляется рабству и крепостному быту».

Чтобы дать такое толкование, почти невозможное в эпоху Николая I, нужны были кардинальные изменения в жизни страны и всего русского общества. Эпоха Александра II, который был назван царем-преобразователем, рушила один за другим бастионы страха и недоверия. Казалось, империя воспряла и вот-вот войдет в концерт европейских держав, а ее лучшие люди мечтали уже о России, свободной от рабства и понукания.

Ныне историческая мысль определяет эпоху Николая I как эпоху «сурового рыцарства» и воздает почести голубым мундирам той давней старины. Но куда же отнести Александра Ивановича Герцена, Николая Гавриловича Чернышевского, Виссариона Григорьевича Белинского, журнал «Современник» и всех тех, кто стремился сломить хребет крепостничества и рабства? Эти имена как-то уже выпадают из трудов ученых мужей от исторической науки.

Сложнейшие проблемы ждут своих объективных исследователей. Канули в Лету горячие споры неостребованных ныне романтиков свободы, и революции ныне не в моде.

А надо сказать, что весь XIX век прошел под неудержимым лозунгом свободы и свободомыслия. Призыв «Свобода, равенство, братство» витал на всем протяжении столетия, и власть имущие уже не могли его отринуть или не обращать на него внимания, каждый из них старался извлечь из пламенного и, добавим, романтизированного призыва свою часть прибыли, утверждая свое реноме.

Слово «гражданин» стало синонимом свободы. Жажда свободы выражалась именно этим словом. Оно звучало как пароль, как руководство к действию. Весь Европейский континент сотрясался от призыва к свободе. Новый свет сплывался во имя свободы. Но свобода, как естественное бытие человека, не может быть абсолютной. Человек — существо общественное, и потому нужно было искать приемлемые формы свободы и для каждого человека, и для общества.

И Европа выдала еще одно слово — «буржуа»: человек свободный, но занятый достижением земных благ, порой даже низменных. И вновь сотрясался континент — от всевластия буржуазности. Предприятия, банки, железные дороги, города и деревни, политика — все склонялось перед

властью денег, перед властью банкнот, векселей, долговых и кредитных обязательств, поставок товаров, больших и малых спекуляций, биржевой игры. Свобода этого пути доставляла удовольствия и наслаждения и требовала власти и еще раз власти над другими. Жажда прибыли и наживы прибирала к рукам весь мир. И появилось новое модное словечко — «колония», откуда можно было черпать вдоволь все, что можно, — золото, серебро, пряности, кофе, чай, алмазы, драгоценности, людей. Это уже были не первые конкистадоры, алчущие только золота и золота, надо было строить огромную систему принуждения, которая бы действовала четко, как отлаженный механизм паровой машины. Европа открывала заново Азию и Африку, более дальновидные страны заперли свои двери на целых полвека, но и они вынуждены были открывать свои порты и пристани под орудийные залпы парусников и подписывать унижительные договоры. Ответные действия пришли через добрую сотню лет, и Европа открыла свои двери новому невиданному товару — каратэ и кунфу.

А пока шел век XIX, кровь лилась рекой в новооткрытых колониях. Колониальная система, разрабатываемая в коридорах власти Лондона, Парижа, Вашингтона, все сильнее и мощнее внедрялась на Желтом и Черном континентах. В короне Британской империи оказалась неподъемная жемчужина — Индия. Франция, из авантюры в авантюру, внедрялась в Северную Африку. Энергичные Североамериканские Штаты даже заново переселили свое черное население в Африку — появилась Либерия. Понадобился раздел всей Османской империи и в особенности — захват Константинополя, куда вмещивалась и николаевская Россия. Вспоминаются слова британского губернатора Бьягалии Роберта Клайва: «Господа, передо мной находились неисчислимы богатства, я взял только миллион, и я удивляюсь собственной скромности», а также его награждение мечом от оплота британской демократии — парламента. Разгул денег и власти был ошеломляющим. Цивилизация внедрялась огнем и мечом.

Свобода как общечеловеческая ценность, казалось, ушла навсегда, уступив место инстинктам жадности и порока. Лозунги и призывы оказались растоптанными под пушечным и ружейным огнем.

Европейское могущество было доказано. Но законы материального мира стары как сам мир. Действие вызвало противодействие. Началась ожесточенная, бескомпромиссная борьба за свободу. В Европе интеллектуалы все больше обращались к идеям свободы, равенства и братства. Строились, казалось, логически верные теории, где за начало брались или коллективные сооружения в виде фаланг, или заговорщические системы, насилием опрокидывающие власть имущих. Некоторые

обращались к самым обездоленным массам — пролетариату, другие — к скрытым, террористическим формам борьбы. Свобода блуждала в потемках по закоулкам Европы.

В то же время свобода предпринимала самые простые и прямые действия за свое предназначение в Азии и в Африке. В начале XIX века формируются мощные государственные объединения: во Вьетнаме — империя Нгуенов, в Аравии — государство Ваххабитов, в Египте — царство Мухаммеда Али. В Османской империи началось движение за реформы. Борьба за свободу была сопряжена в Азии и в Африке с борьбой за создание новых государств, и велась она теми же феодальными методами, что и сама освободительная борьба. Сознание самих народов носило причудливый характер. Нужен был властелин, и он находился, нужно было формировать государство мечом и кровью, и это происходило. Но вместе с тем начало возникать представление о могущественном и самостоятельном государстве, и это находило свой отклик у многих — феодалов, знати, солдат, военачальников, торговцев, духовенства.

Идеализировать такие устремления не нужно — XX век показал, что может происходить с идеальным восприятием героев свободы. Важно иное — государи и те, кто им верил, стремились создавать государства, способные противостоять колониальной экспансии. Редки были иные идеи — идеи справедливости и гармонии, и только самые великие из власть имущих действительно пытались утвердить эти идеи. И их имена вошли в историю.

Борьба за свободу была неотъемлемой частью жизни России. Она имела очевидные успехи и огромные проигрыши. Русское общество сумело также приблизиться к идеалам европейским, к тем призывам и лозунгам, провозглашаемым как революционерами, так и либералами сугубо европейского мышления и толка. Главная идея декабристов — создать в России строй, основанный на законе и уважении личности человека. Они считали, что Россия должна войти в Европу, преображенную Французской революцией. Возлагались большие надежды на «стража» прогресса Наполеона, но они быстро рухнули. Нужен был свой путь — путь русского барина к крестьянам, путь их единения. Но этого не получилось. Лучшие свойства декабристов были воссозданы затем Львом Николаевичем Толстым в романе, который получил такое всеобъемлющее название «Война и мир». В марте 1861 года Толстой писал Герцену: «Я затеял месяца 4 тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист». Роман об этом не был написан, а был написан другой — о поре возмужания будущих декабристов, о формировании их идей и целей во

время освободительной Отечественной войны 1812 года. В романе «Война и мир» мы видим потаенные душевные движения тех, кто выйдет 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь.

Декабризм, как идейное понимание судьбы России, как политика слома старого, отживающего свой век крепостничества, рухнул. Рухнули идеалистические представления о всесии самого народа, его готовности отречься от прошлого. Декабристы попытались европейскую свободу внедрить в России, а она оказалась ей чуждой — слишком сильна была народная вера в монарха, в его справедливость. Любопытно и другое: Лев Толстой настолько хотел видеть стремление представителей высшей власти к единению с народом, что даже начал писать «Посмертные записки старца Федора Кузмича» — свою версию легенды об Александре I, покинувшем власть и ушедшем в народ, растворившемся в беспредельности народной жизни.

Лев Толстой в повести «Хаджи-Мурат» понял и свободу человека нерусского, даже недруга, как всеобщее инстинктивное стремление.

Николаевская Россия представляется огромной застывшей глыбой, которую монарх стремился обтесать своими реформами и беспредельной регламентацией. Реформы всегда имеют свойство перевоплощаться в антиреформы, тем более когда реформатор не хочет их проводить до конца. Так получилось в николаевской России. Реформа управления государственными крестьянами министра государственных имуществ П. Д. Киселева только отодвинула обрушение крепостничества да оказала содействие самому монарху в его личных владениях.

Современники писали, что царь своим обликом напоминал Петра I. Высокий рост, черты лица, огромная энергия, решительность и величественность внушали тайные надежды и чаяния. Даже Пушкин оказался во власти этого образа. «Семейным сходством будь же горд, во всем будь пращурю подобен», — не без гордости наставлял монарха гений русской литературы. Работоспособность императора поражала всех, он мог работать по восемнадцать часов в сутки. Но вся эта энергия была направлена на иные деяния. Если Петр I стремился прорубить окно в Европу, то Николай I, на наш взгляд, постарался закрыть это окно в европейскую цивилизацию. Внешние атрибуты сохранялись полностью, французский язык вошел в плоть и кровь образованной части общества. Приветствовались французские платья, быт, кухня. Но это — в обиходе, а в делах государственных над всем возвышался мундир.

В 1826 году была упразднена Комиссия составления законов и вместо нее учреждалось особое Второе отделение собственной Его

Императорского Величества канцелярии для подготовки нового Уложения законов Российской империи. Во главе его был поставлен М. А. Балугьянский, бывший ректор Санкт-Петербургского университета, а душой всего предприятия стал выдающийся русский государственный деятель и чиновник М. М. Сперанский. И огромная работа по систематизации законов Российской империи была проведена за несколько лет; уже в 1832 году вышли первые тома полного собрания законов Российской империи. Так М. М. Сперанский из реформаторов попал в консерваторы. К слову, Николай I всячески препятствовал хотя бы изменению законов и даже сурово отчитывал за эти попытки.

Выход на Сенатскую площадь 14 декабря многих лучших офицеров и гражданских лиц привел императора к мысли о недостаточности политического надзора, и летом 1826 года появилось Третье отделение. Главной его целью было улучшение повсеместного и всеобщего наблюдения и соответственного принятия мер. Политическая неблагонадежность, настроения крестьян, взяточничество, мошенничество, картежная игра и масса других неблаговидных поступков ставились во главу угла деятельности Третьего отделения. Наиболее важной в нем была Первая экспедиция, осуществлявшая политический надзор. Глава Третьего отделения А. Х. Бенкендорф так формулировал свои обязанности: «Государь избрал меня для образования высшей полиции, которая покровительствовала бы утесненным и наблюдала за злоумышлениями и людьми, к ним склонными». Таким образом, во-первых, Третье отделение было «отеческим государя императора учреждением», во-вторых, оно должно было предупреждать всякое зло, беспорядки и беззакония, в-третьих, поощрять добросовестных чиновников («бедных и сирых»), в-четвертых, на Третье отделение возлагалось воспитание молодых людей. Казалось бы, вполне добропорядочные и гуманные задачи. По сути же, все подданные империи отдавались во власть жандармов, действовавших секретно и без контроля, несмотря на то что формулировки о назначении Третьего отделения на первый взгляд были составлены с огромной, поистине отеческой заботой о стране и ее народе. Кстати, такое убеждение оставалось у Николая I вплоть до его кончины.

Один из литераторов того времени, не очень-то благоволивший демократическому лагерю, М. М. Дмитриев писал: «Москва наполнилась шпионами, все промотавшиеся купеческие сынки; вся бродячая дрянь, не способная к трудам службы; весь сбор человеческого общества подвигнулся отыскивать добро и зло, загребая с двух сторон деньги: и от жандармов, за шпионство, и от честных людей, угрожая доносом. Вскоре

никто не был спокоен из служащих; а в домах боялись собственных людей, потому что их подкупали, боялись уже некоторых лиц, принадлежащих к порядочному обществу и даже высшему званию, потому что о некоторых проходил слух, что они принадлежат к тайной полиции... разговор при них умолкал или обращался на другое». Так обернулись фразы о защите «бедных и сирых» в николаевской России. Это в хлебосольной и широкодушной Москве, а что же говорить о губерниях за тридевять земель, да еще там, где нехристианские обычаи и где привольная степь без конца и без края.

Третьему отделению был придан корпус жандармов, носивших голубые мундиры и белые перчатки, который и осуществлял всю ту черную работу, которую возложили на чиновничье-бюрократический аппарат этого отделения. На местах, из-за нехватки служащих чиновников, все функции полицейского надзора возлагались на местные власти, в том числе борьба с инакомыслием и проявлениями антигосударственных настроений. Имея в основе хорошо отлаженную систему политического надзора и его важнейшие инструменты, бюрократия на местах сообразно своему пониманию ответственности принимала решения, и потому они были более результативны, чем приказания из центра, в особенности при карательных операциях и при глубочайшем внимании к доносительству как к универсальному инструменту превентивных мер.

Первая половина XIX века ознаменовалась крупнейшими и даже судьбоносными событиями в истории казахского народа и всей Российской империи. Фронтальное освоение при Александре I и Николае I казахских степей повлекло за собой огромные изменения во всей жизни казахского народа. Российская военная стратегия была нацелена на создание стратегически важных опорных пунктов с широким вовлечением обширных пространств в орбиту российской государственности. Военная стратегия тесно взаимодействовала с торгово-экономической политикой. Политические институты империи глубоко внедрялись в традиционную общественно-политическую структуру общества и напроочь отрывали ее от власти ханов, султанов. Происходило тотальное разрушение всего привычного уклада жизни казахского народа, что, бесспорно, изменяло не только устойчивые социально-политические отношения, веками складывавшиеся в жизни кочевого сообщества, но также полностью меняло менталитет, нравственные и духовные ценности, составлявшие основу существования и самобытности народа. Изменялись и различные слои казахского общества, вся культура и этнопсихология народа.

Трансформация казахского общественного бытия проводилась в духе

государственно-бюрократической политики, нередко насильственными методами, и в этом строго соблюдались интересы высших властей империи. Особенно активную деятельность развивали те дворянско-чиновничьи слои, интересы которых были напрямую связаны с реформами в Казахстане. Изменения политического курса в высшей элите империи, диктовавшиеся разными обстоятельствами, нередко приводили к крупным политическим просчетам, напрямую воздействовавшим на экономическое положение внутри империи, а это, в свою очередь, заставляло дворянство искать новые поступления своих доходов и доходов казны, что проявлялось в усугублении колониального курса, в ужесточении методов имперского присутствия.

Долгое время по разным идеологическим причинам замалчивалась колониальная сущность самодержавия на окраинах империи, делался акцент на добровольности вхождения народов Востока в состав Российской империи.

Страны и народы Востока к этому периоду своего развития находились, в свою очередь, в достаточно глубоком социально-экономическом и политическом кризисе. Традиционное общественное устройство исчерпывало свой потенциал, а правители не стремились внедрять новации, да для этого и не было условий, так как многие из них были связаны обязательствами с колониальными властями.

Крупным деятелем чиновно-бюрократической России М. М. Сперанским были разработаны правила, строго регламентирующие традиционное общественное устройство казахской степи. Попытки М. М. Сперанского провести реформы европейского характера потерпели фиаско. Модернизация России в колле европейской цивилизации не состоялась. Отставка М. М. Сперанского в марте 1812 года по воле Александра I означала наступление консервативных сил империи как по вертикали, так и в геополитическом пространстве империи. Политический кризис был отодвинут войной 1812 года. Сам М. М. Сперанский был не только уволен, но и фактически сослан. Однако в 1819 году он был назначен сибирским генерал-губернатором, и с этого времени начинается его кратковременное возвышение на политическом небосклоне империи, что сыграло особо значимую роль в жизни казахского народа, можно сказать, на долгие 50–60 лет бурного XIX столетия. Это возвышение выдающегося чиновника окончилось в июле 1821 года назначением его членом Государственного совета по департаменту законов и охлаждением Александра I к деятельному сановнику, который, в свою очередь, стал осторожным и осмотрительным царедворцем. К слову, создание полного собрания законов

Российской империи во многом определила деятельность М. М. Сперанского. В бытность свою сибирским генерал-губернатором М. М. Сперанский, увлеченный законодательной деятельностью еще в Петербурге, отрегулировал и всю административно-территориальную ситуацию в Сибири. Именно под его неусыпным оком был создан так называемый «Устав о Сибирских киргизах» — ярко выраженный документ фронтального освоения Казахстана. Благие намерения крупного бюрократа привели к взрыву во многих казахских регионах, в том числе и в Среднем жузе. «Устав» стал образцом для переустройства всей степи от Урала до Иртыша. Основная идея «Устава» — наиболее полное удовлетворение интересов империи с наименьшими издержками. Повидимому, М. М. Сперанский полагал, что мечтой всего казахского народа было его пришествие в лоно Российской империи при отсутствии собственной традиционной власти, при грабительской торговле на эквиваленте, при добровольном принятии православия.

Реформатор России не был таким уж большим мечтателем, поскольку на основе огромного количества документального материала довольно хорошо изучил все стороны традиционного казахского уклада жизни. Действительно, ханская власть теряла свою социальную и политическую роль в жизни общества. Остро ощущался недостаток пастбищ для ведения скотоводческого хозяйства, все большее количество нуждающихся обивало пороги приграничных ведомств, в том числе и судебных. Падение уровня производства скотоводческого хозяйства, разорительные торговые отношения с соседями, уменьшение площадей для выпаса скота, увеличение народонаселения — эти факторы оказали существенное воздействие на создание «Устава». Кстати, он был принят уже после того, как М. М. Сперанский покинул Сибирь. Но кризисная ситуация в Казахстане была уже производным со стороны имперской политики, проводившейся самодержавием около сорока лет после смерти выдающегося государственника, каким был Абылай-хан. Его наследник хан Вали все же удержал, пусть уже и в урезанном виде, самостоятельность Казахстана. Строительство линий и многочисленные военные форпосты, редуты и пикеты неотвратимо забирали километр за километром его владения, а расширение торговли вело к обнищанию больших масс казахского населения. И как следствие всего этого — падение авторитета ханской власти. Но и российская военная стратегия не могла своими вооруженными рейдами сломить фактически независимое состояние Среднего жуза, и необходим был выгодный момент для полного его подчинения. Такой момент наступил в 1819 году, когда хан Вали умер.

М. М. Сперанский основательно берется за дело. Оказывается, казахи сами «виноваты» во всех своих бедах: «Положение степного народа, который от безначалия и неустройства сам себя постепенно изтневает и приходит в нищету, не может быть равнодушно для России в видах общего образования, ни в видах собственной нашей пользы. Выгоды торговли требуют соседа спокойного, но богатого. Киргизы именно могут быть таковыми; но не должно попускать, чтобы, разоряясь ежегодно барантою, они дошли, наконец, до совершенной бедности; тогда труднее будет и управлять ими и приводить их к образованию».

Справедливости ради, отметим еще раз, что казахская общественно-политическая жизнь к 20-м годам XIX века испытывала трудности кризисного характера, но то, что этот народ совершенно другой, со своей культурой, со своими традициями и образом жизни, со своей самобытностью, не укладывалось в представления даже такого реформатора, каким был М. М. Сперанский. Глагол «изтневает» означал, по-видимому, то, что казахи проводят весь свой досуг в междоусобных битвах, изничтожая друг друга. Насколько междоусобия эти были кровавы, это требует еще дополнительных изысканий, но то, что традиционная власть хана и султанов не справлялась со своими полномочиями — это уже бесспорно. И потому на политической арене Казахстана наблюдалось множество инсургентов и сепаратистов, что опять-таки подтверждается многими документами. Ханская власть не справилась с постепенным внедрением новаций, но какого характера и каковы они должны быть в исторически сложившемся обществе? Ответы на эти вопросы не найдены и до сих пор. Известно также, что множество помещиков в Европейской России проделывало подобную работу и запускало вполне работающие капиталистические предприятия, но маховик крепостного права сводил все на нет, на нет он сводил и решение национального вопроса в других регионах империи, когда свободное развитие каждого зависело от воли монаршей или чиновничьей. Принципиально важным было то, что традиционное общественное устройство было все еще жизнеспособным, и при энергичных действиях правителя могло трансформироваться в более гибкие общественные отношения. Порукой тому служила ханская власть, веками осуществлявшая свои функции. Не вдаваясь в нюансы политики сибирских властей по отношению к казахам Среднего жуза, нужно отметить, что хан Вали, правивший почти сорок лет после своего отца хана Абылая, удерживал власть до своей кончины в 1819 году. Проведению энергичной, действенной государственной политики препятствовала густая сеть редутов, форпостов и крепостей в Прииртышье и Приишимье, а также

сепаратизм султанов, испытывавших острый недостаток в земле и не получавших от неэквивалентной торговли своих выгод. Смерть хана привела чиновников Главного управления Западной Сибири к мысли, «что ни в коем случае не должно допускать, чтобы султаны и старшины, сами собою, без дозволения и без руководства нашего приступили к выбору хана. Противный сему пример 1781 года означает только послабление бывшего тогда линейного начальства». И как следствие такого отношения к ханской власти — полное и безоговорочное принятие казаками Среднего жуза всей системы государственно-бюрократического управления, а документы свидетельствовали, что население Среднего жуза насчитывало до 1 миллиона человек.

Надо заметить, что и империализация не проходила бесследно для казахов. Многие из них налаживали торговые связи, старались взаимодействовать в вопросах земледелия и поддерживать отношения на бытовом уровне и с русскими крестьянами, и с казаками. Часто многие имущие и неимущие правовую сторону своих нужд решали в судебных инстанциях приграничных районов. Волею судьбы складывались достаточно разумные отношения между казаками и русскими, основанные на взаимопонимании в самых различных сферах жизни.

Главный водораздел между казаками и русскими проходил по вопросу отчуждения земли, политических прав, возможности строить собственную общественную жизнь в рамках своей культуры, своего менталитета, своей государственности, что свойственно казакам так же, как и русским. Не один документ свидетельствует о насильственном оказачивании крестьянина, о насилии по отношению к нему при освоении далеких окраин империи. И уже через 20–30 лет, как писал исследователь Ф. И. Усов, особым шиком казаков считалось знание казахского языка и ношение казахской одежды.

Выдающееся по своей значимости всенародное движение под руководством Кенесары Касымова имело своим стержнем идеологические и социальные постулаты, которые твердо и неукоснительно соблюдались в борьбе с режимом. Этот нестигаемый стержень был заложен в ханской власти — власти, которая должна была повелевать всей жизнью народа. Легитимность власти торе-чингизидов не подвергалась никакому сомнению. И последней опорой этого являлась деятельность деда Кенесары Касымова — хана Абылая. Не получивший и малой толики власти в раннем детстве, хан Абылай только в силу своих способностей и огромного авторитета создал себя как, может быть, самого значительного политического деятеля XVIII века в Казахстане. На протяжении полувека (а

созданная им своеобразная казахская государственность просуществовала до начала XIX столетия) хан Абылай неуклонно укреплял не только свою государственность, но и политическую власть своего дома, или, как принято выражаться, своей фамилии. Полная политическая власть хана Абылая вызывала удивление не только виднейших вельмож империи, таких, как Г. А. Потемкин и И. И. Неплюев, но даже и его собственных потомков, таких, как Ч.Ч. Валиханов, который писал, что он вообрал в себя древнюю традицию смертной казни кочевника, освященную на протяжении столетий незыблемыми постулатами древности.

Такая полная власть, которая могла единолично решать вопросы жизни десятков тысяч людей, со всеми их бытовыми и духовными запросами, должна была концентрироваться в руках руководителя движения Кенесары Касымова. На это у него были и права, и способности. Но существовал еще один важный объективный фактор — перемалывание этой власти чиновно-бюрократическим режимом. И постепенно этот фактор направлял действия Кенесары в такой сложной, многоуровневой дипломатической, военной и политической жизни.

Для понимания мотивов и действий нашего героя необходим некоторый исторический экскурс.

К началу XVIII века в Центральной Азии сложилась непростая ситуация. В этот регион в первой четверти XVIII века переместился центр столкновения политических интересов и противоречий многих государств. Россия, ставшая к тому времени одной из могущественнейших стран мира, большое внимание уделяла взаимоотношениям государств Центрально-Азиатского региона. Продвижение царизма в сторону глубинных районов Южной Сибири и в степи Казахстана становилось более целенаправленным и стало носить постоянный характер. Это обуславливалось несколькими причинами. В первую очередь необходимо было погасить национально-освободительное движение башкир, поэтому появилась нужда закрепиться в Южном Приуралье и в Евразийских степях. Кроме того, смутные сведения о богатых золотом краях сопровождали военно-казацкую колонизацию в глубь Прииртышья. Постепенное привлечение казачества к колониальной службе государю привело его к полной зависимости от царского правительства и к тому, что казачество стало выполнять роль первой линии освоения новых земель Российской империи.

Проникновение России в южные районы Центральной Азии вызвало противодействие со стороны Цинской империи, всевластие которой на Востоке было известно. Несмотря на то что Цины пытались проводить

широкую антиджунгарскую политику в регионе и после поражения последних, джунгары уже не представляли для Китая сильного и опасного противника. Имперская политика Цинов не располагала средствами для полного своего господства в регионе. Цинские власти всячески противодействовали русско-джунгарскому сближению. Направляя к волжским калмыкам-политикам свои посольства, цинские власти пособничали джунгарской агрессии против Казахстана и других владений в Туркестанском крае. Политические поползновения Цинов не входили в планы России, и потому уже в 1716 и 1719 годах Петр I готов был принять джунгар в свое подданство.

Восхождение на политический олимп великого деда Кенесары, Абылай-хана, было далеко не простым. Как природный чингизид, Абылай (а в своей юности по мусульманской традиции он носил имя Абилмансур) имел все права стать во главе своего улуса, а где он должен был находиться — особого значения не имело. Казахские степи, сады Туркестана, пустынные беспредельные пространства Центральной Азии — все они могли стать территориальным владением улуса, и люди, населявшие эти земли, самых разных родов и племен, все должны были стать подданными султана. Таковы были заветы предков, таковы были решения Чингисхана, «потрясателя вселенной».

Но времена для молодого султана Абилмансура выпали очень и очень неблагоприятные. Многие земли Казахстана и Туркестана попали под мощную, непрекращающуюся интервенцию джунгарских ханов. Одна за другой накатывались волны хорошо вооруженных, дисциплинированных, прошедших многотрудную военную выучку джунгарских соединений на Казахстан и народы Туркестана. Древняя торговая магистраль Шелкового пути стала магистралью войсковых соединений. Документы подтверждают, что в конце XVII века древние стены Туркестана и окружающих городов попали под власть джунгар. В самом Туркестане, как в наследственном улусе, распоряжались и дед Абилмансура — Абылай, и его отец Уали. И потому маленький султан Абилмансур под неусыпным оком своего воспитателя Ораза бежал в исконные земли казахов Старшего и Среднего жузов, где инкогнито попал в услужение к знаменитому казахскому бию — Толе би и стал «сабалаком» — грязным и нищим мальчишкой без роду и племени.

Но волею случая или провидения Абилмансур стал воином, и столь удачливым, что получил прозвище мудрого. И это — в двадцать с небольшим лет! Возвышение Абылая окутано легендами, где реальность переплелась с народными фантазиями. Народу в те годы величайших

испытаний необходимы были великие герои.

Реалии таковы, что уже с 1739 года Абылай, сменив свое настоящее имя Абилмансур на имя деда, становится крупной политической фигурой и постоянно сопровождает хана Абилмамбета во всех его действиях по управлению Средним жузом. С этих времен судьба Абылая накрепко связана с просторами Сары-Арки, с родами Среднего жуза.

Российские власти со времени принятия подданства ханом Абилмамбетом и султаном Абылаем в 1740 году огромное внимание уделяют деятельности самого Абылая по укреплению своеобразной казахской государственности. Все мало-мальски значимые события в Казахской степи они связывают с именем Абылая. Основные вехи деятельности великого деда стали руководящей звездой и для Кенесары. Тонкости и нюансы степной политики процеживались сквозь сито политики Абылай-хана. И на протяжении более двадцати лет идеологическое подспорье сопрягалось с идеологией Абылай-хана. В этом были и его сила, и его недочеты.

Много легенд связано в казахской исторической традиции с именем Абылай-хана. Он прожил богатую, насыщенную событиями жизнь. И куда только не кидала судьба Абылая. Одна из легенд рассказывает о возникновении у юноши имени Абылай. Во время какого-то из походов джунгарского хана на казахов военное счастье изменило последним. И тогда на единоборство с огромным и могучим богатырем джунгарского хана вдруг выбежал никому не известный воин среднего роста, но крепкого телосложения. Он бросил клич: «Абылай! Абылай!», и великолепно отточенная сабля мгновенно отсекла голову богатырю противника. Удача была на стороне казахов. После победоносного сражения хан казахов Абилмамбет подозвал к себе воина, а им был Абилмансур, и спросил: «Кто ты, и что за клич у тебя — Абылай?» Абилмансур ответил: «Я внук Абылая и в качестве клича воззвал к его духу». И тогда хан Абилмамбет растроганно обнял его и обратился к народу: «Когда-то я слышал, что от Баки Вали (получившего прозвище «коркем-Вали», то есть «красавец Вали») остался один-единственный сын, так вот он перед вами, и если вы одобрите, то ему предрекаю стать вашим ханом». И после одобрения 90 лучших представителей всех трех жузов и благословения от человека по имени Жанибек (видимо, уважаемого аксакала) Абилмансур был избран ханом под именем Абылай. А сраженный Абылаем богатырь, по одной версии, был приемным сыном джунгарского хана — Шарышем. Такова легенда. Многие архивные документы свидетельствуют о весьма значительной роли Абылая в жизни Казахстана и казахского народа. В них

он упоминается как султан. А ханом всех казахских жузов Абылай стал в 1771 году. В истории Казахстана XVIII века Абылай остался как выдающийся политик и государственный деятель.

Великий дед Кенесары Касимова Абылай-хан принадлежал к правящей царской ветви потомков Джучи, сына Чингисхана. Абылай имел большое количество детей, в том числе и сыновей. Он сумел укрепить свою ветвь династии, а после его смерти правящим ханом казахов стал его первенец — Вали. Потомки Абылай-хана деятельно участвовали в жизни Казахстана, и одним из его энергичных внуков являлся Кенесары Касымов.

Отец Кенесары — султан Касым — был одним из младших сыновей Абылай-хана, и вся его жизнь, так же как и жизнь его сыновей, была посвящена борьбе за воссоздание государства Абылай-хана.

Важнейшие пути формирования и основы жизнеспособности казахского государства были сформулированы султаном Касымом в его переписке с российскими властями. Они сводились к следующему: жить по собственным законам, сложившимся в ханстве Абылай-хана, отстаивать политическую независимость Казахстана в рамках вассалитета, самостоятельное управление со стороны казахских ханов и султанов, уничтожение политических и социально-экономических структур, не признающих обособленность Казахстана, а в будущем — создание Казахского ханства с традиционными социальными структурами.

М. В. Ладыженский, председатель Оренбургской пограничной комиссии, писал о Касыме: «Он не из тех людей, которые появлялись в степи и при небольших усилиях со стороны правительства исчезали... Он выше... и по происхождению, и по делам, и по способностям». Свои требования султан Касым излагал в переписке с Оренбургской администрацией.

Неустранимость самого султана Касыма передалась его сыновьям. Его сын Кенесары так писал о родовом гнезде султана Касыма: «Касым-султан был самым младшим из тридцати сыновей хана Абылая, у него было две жены. От первой жены было шесть сыновей: Саржан, Есенкелди, Агатай, Бопы, Кочек и Кенесары, от токал (его второй жены) Наурызбай был один». По некоторым версиям, у Касыма было десять сыновей; доподлинно известно, что в семье были еще Усен, Муса и Абулгазы.

Султан Касым всегда был на острие политической борьбы по претворению в жизнь своей программы. Так, когда в 1839 году от Сибирской линии в сторону степей были выдвинуты 37 воинских команд в различных направлениях по укреплению созданных приказов, это вынудило султана Касыма с несколькими десятками тысяч семейств уйти

на юг и юго-запад на пограничные с Кокандом территории.

Султан Касым постоянно продвигался по степи, по сути, единолично возглавив народно-освободительное движение. И в зависимости от обстановки он то уходил в кокандские пределы, то возвращался в родной Казахстан.

Отдельные исторические документы свидетельствуют о его в целом гуманном отношении к военнопленным, к противнику, о более его высокой цели, чем только уничтожение военной силы противника. «Отец Кенесары Касым, услышав о захвате их (имеется в виду захват пленных. — Э. В.), тотчас встречал, вел к себе. В короткое время они делались ему верными. Он доверил одному из них распорядиться домашними людьми и наружным хозяйством, а другому поручил находиться безотлучно при его юрте. Все имение, какое он имеет, состояло в руках пленного и ни в чем совершенно не было ему отказа». То, что поручения давались русскому человеку, военнопленному, свидетельствует о высокой цели султана Касыма, о его благородстве, унаследованном от отца. И так же, как его сыновья, султан Касым столкнулся с коварством и скрытой ненавистью кушбеги. Находясь в плену у кушбеги, военнопленный, простой русский солдат, вместе с Касымом горестно переживал свою судьбу, и вот что он изложил впоследствии в своих показаниях: «Часто, когда Касым захворал, посещал он и наведывался о здоровье его. Из посторонних входить никто не смел, караул был строгий. Через месяц он сделался жестоко больным и помер. Тело его по небытности беклербека стояло целый месяц не похороненным, по прибытии же беклербека положили в Азрет». Это рассказ военнопленного Першина. Действительность оказалась более интересной, чем сухие архивные документы. Оба военнопленных, и Першин, и другой, Лобанов, прожили в плену у султана Касыма два с половиной года и пользовались большим уважением среди людей, поднявшихся на борьбу с режимом. Кроме того, что им доверили ответственные дела, султан Касым хотел их женить на русских женщинах, попавших в плен к нему, и обязывался заплатить за это требуемую сумму и дать имущество. У Першина было и казахское имя — Акжол. Похоронен султан Касым был в Пантеоне казахских ханов в мечети Ходжи Ахмеда Ясави, и тем самым ему были возданы почести как благородному сыну Абылай-хана, и он покоится там же, где его знаменитый отец. Коварство и благородство сопровождали всю жизнь и сыновей Касыма, погибших за свободу и независимость Казахстана.

Нет источников, которые бы подробно описывали внешность султана, но в нем проступают черты типично монгольские, свойственные всем

чингизидам. С монгольскими чертами были и сыновья султана Касыма, ранее погибшие от рук ташкентского кушбеги, Саржан и Есенкелди, да и сам Кенесары внешне походил на отца: среднего роста, с мощной шеей, с искрометными глазами. Так описывается внешность Кенесары Касымова: «Кенехан был сухощав, среднего роста, с толстой шеей. У него было смуглое живое лицо, сверкающие орлиные красноватые глаза и раздувающиеся ноздри. Небольшие усы и густая заостренная клином борода желто-бурого цвета. Он говорил мало и держался сурово и спокойно, с большим благородством. На голове он носил окаймленный кундузом небольшой меховой тумак. Поверх одежды был наброшен серый чекмень, вышитый из верблюжьей шерсти, а под ним он надевал шубу на меху выдры. Рубаха и штаны были у него белые домотканые». На первый взгляд внешность Кенесары не представляла собой ничего необычного, но не она выделяла его из других. В степи немало встречалось очень энергичных людей с горячим непоседливым характером, живым восприятием жизни. У Кенесары Касымова возобладала самая сложная и четкая черта характера — его страстность, направленная на высшую идею, идею создания своего государства. Именно эта идея двигала им на протяжении всей его жизни. Так уж повелось, что общий интерес к личности Кенесары был выражен в описании его воинских подвигов, его умении держать на высоте воинское искусство. Повидимому, замороженность документальными источниками не позволила высветить эту черту его устремлений, его главную идею. Идея отражала важнейшее состояние его могучего духа и воли. Эта идея двигала им на протяжении более двадцати лет, с того времени, когда он вошел в самостоятельную жизнь.

Надо отметить, идея создания казахской самостоятельной государственности была конкретизирована во всех сферах его деятельности. Но так сложилось, что на первый план вышло его военное искусство, которым отличались все степняки и которое можно назвать врожденным чувством бойца.

Иначе и быть не могло. Кочевники в былые времена создавали свои государства на стремени коней, в седле. Для них было важным покорить пространство и время, стать абсолютно свободными, ибо чувство свободы тоже было одним из врожденных качеств степняков. Многомерность мира часто измерялась кочевниками степенью свободы, а уж в каком обличье она для них была — это лишь производное. Куда важнее было противоречие свободы, беспредельной и абсолютной, с ограниченностью пространства, где жили совершенно другого склада люди. И только поступательное и

неуклонное совершенствование всей жизни человека приводило к поиску новых путей общения, к созданию всечеловеческого сообщества.

На пути к свободе степняки вырабатывали свои собственные нормы поведения и ценности, фиксированные затем в обычном праве. Неземная жажда свободы, когда исчезает и как бы сжимается в одну точку пространство, если они подвержены непрерывному движению на конях, тоже быстро превращалась в духовную жизнь, где ключевой становилась вербальная культура. Слово было такой силой, которая могла остановить кочевника и даже повернуть назад всю его, казалось, непреодолимую вооруженную массу, лавой летящую на конях. К слову по своему могущественному воздействию примыкало музыкальное искусство. И многие кюи казахов завораживают как раз этой силой мощного и непрерывного потока, свободно падающего на струны души.

Все это формировало дух степняка. И потому сублимированная энергия духа покорителя пространства и времени была порой необузданной силой, порой вырывалась в грозное, неотвратимое состояние бесконечного покорения все больших и больших пространств, а в минуты затишья возникали необычные, запредельные фантазии, когда воинственность превышала все зримые черты разумного. И тогда создавались великие кочевые империи и необузданная жестокость обрушивалась на не своих.

Подобная духовность степняка руководила действиями и всей жизнью Кенесары Касымова, определяла его отношение к людям и всему окружению. Одна из зарисовок так характеризует Кенесары Касымова: «Кенесары умел быть достойным повелителем своих дружин. Духу, которым они были одушевлены, позавидовал бы любой полководец европейских войск... стремительный в своих набегах, подобно все сокрушающему степному урагану, Кенесары не останавливался ни перед каким препятствием. Напротив, всякая преграда, казалось, только раздражала его непреклонную волю и делала его стремительнее, дерзче в своих предприятиях, пока, наконец, не сокрушались перед его энергией все препоны на пути к достижению желаемой цели. Все эти качества высоко чтились в Кенесары нашими кочевниками, и сердца его соучастников бились безграничной, до самоотверженности, преданностью своему предводителю».

Как было уже сказано, его дух, дух борца и в то же время созидателя, был направлен на создание казахского государства, которое должно было на равных правах выступать в ряду свободных государств-соседей, вобрав в себя все лучшие достижения цивилизации.

Необходимо определенно прояснить и другую сторону его идеи, его

идеологии. В стране, которую он хотел создать и создавал, не должно было быть национального гнета, не должно было быть второсортных подданных. Все, кто признавал его государственное устройство, должны были участвовать в созидательной работе по обустройству этого государства, по обеспечению его жизнедеятельности. И многие пленные, которые к нему попадали, становились равными партнерами по этой созидательной работе. В этом истоки его идеи, и ее хорошо понимали попавшие к нему в плен и русские, и другие люди. А то, что идея воплощалась на основе реалий прошлого, это уже те сложные исторические условия, в которых жил и действовал Кенесары. Переняв от своего деда и отца эти идеи, а затем и сам по казахской традиции и по всей своей сути Кенесары Касымов воплощал в себе — интуитивно — принципы евразийства в условиях колониализма, и на развитие этих принципов были направлены его идея и идеология.

Родился Кенесары Касымов в 1802 году, в самом начале XIX века, и погиб в 1847 году, почти в середине столь важного в истории человечества столетия. И он пытался встать вровень с бурным, полным всевозможных потрясений временем.

К слову, об участии представителей других национальностей в этом сугубо национальном движении. Так, в одном документе указывалось: «Вместе с ними (то есть казахами. — Э. В.) были пятеро русских, четверо башкир и шестеро татар». Но кроме них были и беглые русские солдаты — Белешев и Малкин. Так, о Малкине писалось в донесении: «Кенесары, женив его на богатой невесте, сделал его начальником, дав ему под команду 40 человек... Теперь говорят, что при Кенесары первым есаулом Хусни (башкирец), а Кичик (так звали Малкина казахи из окружения Кенесары. — Э. В.) вторым... Кичик прославился там борцом, Кенесары-хан дал ему имя Батыр-Мурат».

В другом же месте этого документа говорится: «И что брат Кичик будто бы просил Кенесару уволить его на родину и он, уважив просьбу его, уволил, дав ему для прислуги четырех человек, с которыми он хотя и отправился было, но вернулся назад, потому что прислуга, находившаяся при нем, отказалась следовать с ним далее, услышав, что идет русский отряд, а одному ему невозможно было ехать».

В плену у Кенесары находился русский офицер барон Услар, который затем в своих записках с большим уважением описывал Кенесары. У Наурызбая был личным адъютантом Николай Губин. Все это подтверждает мысль о том, что идеи свободы были понятны и русским людям, и они восприняли идеи Кенесары как часть собственных идей.

РАЗРУШЕНИЕ

Востоковеды и обществоведы приложили немало усилий для характеристики казахского традиционного общества. Не углубляясь в детали, остановимся на его отдельных характерных чертах.

Важнейшей особенностью казахского традиционного общественного строя было ведение кочевого хозяйства почти на всей территории Казахстана, что было обусловлено природно-климатическим положением. Кочевое скотоводческое хозяйство играло стержневую роль в жизнедеятельности казахов. Так сложилась система материального производства, социальной и политической организации, при этом внутри общества происходил обмен продуктами скотоводства и земледелия, вырабатывалась определенная система социальной иерархии, складывалась устойчивая духовная общность и система ценностных ориентации, наконец, произошло объединение родоплеменных структур в сложную систему государственного устройства под главенством России.

Традиционный общественный уклад казахов не был неким застывшим устройством, в него проникали инновации, постепенно трансформируясь в традиции. Реализация реформ, проводившихся в Казахстане в первой и второй половине XIX века, показывает, что царизм так и не сумел создать стройную систему аграрных отношений в Казахстане. Во-первых, целью самих реформ было создание устойчивой колониальной системы, которая должна была окончательно закрепить за казахской степью положение неотъемлемой части империи. Во-вторых, большинство российских администраторов и тех, от кого зависело претворение в жизнь реформ, не пытались рассмотреть глубинные вопросы жизни казахского населения и его реальные ценностные установки. В-третьих, реформы должны были стать важным условием для освоения всей территории Казахстана. В-четвертых, чем больше было противоречий в среде кочевого населения, тем легче было им управлять. Но необходимо иметь в виду и другие моменты. В аграрной жизни казахов, в тех отношениях, которые сформировались к началу XIX века, наблюдались переходные формы от общинного владения к частной собственности. «Уставы», принятые для Сибирского и Оренбургского ведомств, насильно создавали переходные формы от экстенсивного хозяйствования к интенсивному. На этом направлении значительную роль сыграло сенокосение, а также занятие земледелием. Нужно определенно сказать, что реформы создали основу для

преобразования самого кочевого общества, при этом хозяйственная деятельность ограничивалась не только своим районом проживания, но и формирующимся рынком. Таким образом, возросла роль экономических факторов в жизни традиционного казахского общества.

Вопросы проведения налоговой политики в Казахстане сложны и противоречивы. В литературе, которая освещает данную тему, присутствуют два-три момента. Первое — это налоговая система, которая существовала в казахском традиционном обществе — уплата зякета и ушура. Зякет — это составная часть дохода, получаемого рядовым кочевником и отрываемая в пользу хана или государственного устройства в размере 0,1 или 0,4 части его дохода. Как правило, зякет составлял по одной овце или другого скота со ста или двухсот голов. В архивных делах сохранилось более подробное описание ушура — налога, который платил земледелец. При этом он относился к налогам религиозным, то есть соответствовал феодальным нормам Средневековья. Земледельцы, уплачивающие налог ушур, представляли собой казахское население юга Казахстана или казахов, подчиненных центральноазиатским ханствам. По законам шариата «каждый хлебопашец обязывается по окончании уборки хлеба раздать десятую часть со всего полученного хлеба исключительно беднейшим людям или дозволяется отдать эту часть таким лицам, которые постоянно занимаются религиозными правилами». Казахи же, как подданные Кокандского, Бухарского и частью Хивинского ханств, «отдавали, наряду с другими магометанами, каждогодне десятую часть получаемого с обитаемой ими земли хлеба, а скотоводы платили скотом». Но сбор зякета и ушура в какой-то степени был подменен налоговой системой, внедряемой в казахскую степь российскими властями. С другой стороны, уплата зякета и ушура считалась как бы выражением протеста против властей. Так, сбор зякета и ушура проводил и Есет Котибаров, и Жанкожа Нурмухамедов, демонстрируя неприятие налоговой системы царизма. По «Уставу» 1822 года вводился налог ясак. Первые пять лет он не собирался, а заменялся добровольными приношениями в пользу больниц и т. д. Но, как правило, эти приношения приходились на членов административных органов, которые были в приказах. При налоге, введенном в систему российской администрацией, не отмечался традиционный налог, и он получил формулировку «вспоможения». О каждой такой помощи необходимо было ставить в известность приказ, но ведь главами приказа были султаны, которым и делались эти «вспоможения», и потому после осуществления реформы 1822 года султаны-правители в огромных масштабах обогащались. При сборе

налогов принималось во внимание, будучи зафиксированным, и содержание духовенства, которое полностью легло на плечи султанов, и тем самым не был отменен налог ушур. Таким образом, рядовое кочевое общество оказалось под двойным налогообложением — российской системы и традиционной. Сам ясак определялся как одна голова со ста, но если проводить учет, когда идут самые различные нарушения при определении количества скота, то ясак становился тяжким бременем для рядового казаха. Несостоятельность сбора ясака сказалась сразу же, и уже с 1834 года была определена подать с кибитки. Однако при ней нарушения стали еще большими. В Младшем жузе, то есть в Оренбургском ведомстве, она именовалась «кибиточная подать» и была введена с 1837 года. В Сибирском ведомстве, то есть в Среднем жузе, она оставалась «ясаком», но только в денежном выражении.

«Беднейший киргиз платит наравне с самым богатым, то есть 1 рубль 50 копеек серебром в год с кибитки, налог этот для первого в высшей степени тягостен, для второго нечувствителен, бедные киргизы иногда находятся в необходимости продавать последнее имущество».

Налоговая система стала одной из причин восстаний в XIX веке. Вместе с общими налогами существовало еще множество повинностей местного характера. Наиболее важной считалось «устройство внутренних сообщений». Эту службу должны были нести поочередно казахи из каждого аула. Сама повинность превратилась в полное нарушение законодательства и своеволие бюрократии и чиновников. Как раз эти нарушения вызвали ряд восстаний на территории Казахстана. Необходимо отметить, что налоговая политика, проводимая в те годы, составляла стержень империализации. Для того чтобы окончательно закрепить Казахстан за Россией, нужно было применять сильные экономические меры. Одним из экономических инструментов была налоговая политика, которая стала и социальным инструментом.

В сфере духовной жизни казахского общества также происходили большие изменения в связи с проведением колониальной политики, которая имела разнообразные формы. Благодаря российской администрации мусульмане получили возможность совершать обряды ислама. Однако главным препятствием было то, что представители культа полностью подчинялись правительственным органам и, по сути, были проводниками правительственной политики. Начиная с первых десятилетий XIX века мусульманское духовенство в Российской империи было подчинено особому департаменту в составе Министерства внутренних дел, который при кабинете императора ведал всеми делами по азиатским народам и

странам. Непосредственным руководителем мусульман, попавших под власть Российской империи, было Оренбургское духовное собрание с муфтием во главе. В 1827 и 1835 годах собранию и муфтию «повелели иметь наблюдение за народом мусульманским: татарами, ташкентцами и киргизами». То есть предписывалось бдительное наблюдение за благонадежностью подданных империи или прибывших в ее пределы. Второй обязанностью было снабжение муллами и необходимой культовой атрибутикой тех районов, где их не было. При этом предусматривалось внушать прихожанам «любовь и преданность» правительству. Надо отметить, что мусульманское духовенство ставилось по рангу ниже, чем православное (меньшие чины и материальное обеспечение). Жизнь и деятельность каждого муллы очень строго регламентировались — они не имели права пользоваться религиозной литературой вне официально разрешенной и печатаемой только в России. Почти на всем протяжении XIX века муллы приписывались в городах к сословию мещан, что само подчеркивало их второстепенное положение в обществе. Выполнение хаджа разрешалось только при получении соответствующего билета на поездку, то есть более широкого документа по месту жительства, чем паспорт. Такими билетами снабжались и все правоверные, желающие попасть в Мекку. Именно такое официальное и вполне лояльное отношение духовенства к правительству и его политике приводило к тому, что казахи отвергали таких служителей религии, стремились обособиться от них. Весьма характерным является прошение султанов Турсуна Чингисова и Аблая Габбасова в 1830 году, когда они прибыли в Санкт-Петербург на встречу с императором: среди других своих просьб они высказали и пожелание о том, чтобы мечетей и школ не заводить, Ахунов и указных мулл не определять, «ибо у кочующих киргизов муллы есть, муллы в селениях должны находиться при старших волостных султанах, при биях и старшинах в должности писарей». То есть представители казахского традиционного общества выражали свое несогласие с проводимой политикой правительства в духовной жизни.

Традиционная культура казахского народа — чрезвычайно устойчивая система открытого типа, успешно функционировавшая на протяжении нескольких столетий. Наиболее полно данная система представлена в социально-экономической жизни казахского народа. Начиная с конца XVIII века система традиционной культуры стала испытывать влияние политики, проводимой царской Россией в Казахстане. Отдельные элементы системы традиционной культуры должны были немедленно эволюционировать в направлении инноваций, что, в свою очередь, приводило к разрушению

устойчивости всей системы. Инерционность же традиционной культуры должна была неминуемо вступать в противоречия с новациями, что приводило порой к подчеркнутой прерывности во всех звеньях системы. Ярким примером тому свидетельствует эволюция представлений о ханской власти и хане. Сюда же можно отнести разнородные по своей сути системы традиционной и насильно внедряемой социальной структуры в жизни казахского общества. Как следствие этого нужно отметить неприятие казахами административно-территориальных реформ XIX века.

Эволюция традиционной системы культуры казахского народа при настойчивом внедрении в корне чуждых инноваций приводила к отчуждению этой культуры от человека. Наряду с этим традиционная культура максимально приспособлялась к создавшимся условиям. На протяжении длительного существования казахского народа как самостоятельного этноса представления о биях и их роли выходили далеко за рамки просто судебной власти в системе казахской государственности. Это был, в сущности, политический инструмент верховной власти для того, чтобы осуществлять взаимодействие и слаженность всего государственного и идеологического механизма казахского общества. И потому самые известные бии представляли в своем лице сочетание разнообразных функций политического, экономического и социального устройства казахского общества. Как правило, они успешно справлялись со своими задачами при сильной государственной власти, например, в период правления Тауке-хана.

Реформы второй половины XIX века свели на нет важнейшие функции биев. Один из главных элементов традиционной структуры института биев — вербальная культура, приспособившись к новым условиям, стала функционировать в определенной степени самостоятельно, как чистое искусство. Именно эта сторона деятельности биев оказала значительное влияние на социальное и политическое положение казахского общества.

Традиционная власть в казахском обществе осуществлялась путем выбора хана из числа султанов, которые были главной опорой хана в различных родовых структурах; наряду с сословием чингизидов-торе власть на местах осуществлялась биями. И потому необходимо было в первую очередь ликвидировать политическую власть ханов и султанов. Позже отмечалось: «...правительство наше почти столетней, почти номинальной зависимости ордынцев от России убедилось наконец, что ханы и народ в степи не только не составляют органического целого, но имеют совершенно различные, даже противоположные интересы и что существование ханов положительно вредно, как для народа, так и для

правительства». Такими были выводы степной комиссии в середине XIX века. Но основное направление по ликвидации ханской власти создавалось во времена М. М. Сперанского. Точно так же в начале XIX века ханское достоинство низводилось до рядового состояния «сельского обывателя», под такую формулировку подводилось и все сословие султанов. При этом царизм стремился ликвидировать и атрибуты ханского достоинства. Так, еще в 1811 году оренбургский губернатор Волконский писал: «Итак, основываясь на высочайшем Вашего Императорского Величества соизволении, я нашелся в необходимости предоставить на волю киргизкайсацкому народу избрать каждой из двух партий достойнейшего султана в ханское достоинство, но при сем воспретил им строжайше, чтобы избираемого в ханы не осмеливались сажать на белую кошму, по киргизскому обычаю для качания в знак признания его ханом, дотоле пока не воспоследствует на то Высокомонаршая Вашего Императорского Величества воля». Отмена ханской власти произошла в Среднем жузе в 1822 году, в ходе административно-территориальной реформы. Необходимо отметить, что отмена ханской власти в целом носила насильственный характер при широком использовании разных средств и методов.

Утвержденный в 1822 году «Устав о Сибирских киргизах» изымал из традиционного политического устройства казахов очень важный элемент — легитимность политической власти султанов. Известно, что в тот исторический период политическая власть полностью принадлежала чингизидам. Традиционное обычное право и дошедшие до нас соответствующие разделы «Жеты жаргы» определяют положение верховной власти в казахском общественно-политическом устройстве. Верховная власть осуществлялась высшим сословием султанов, из среды которых выбирали хана. Согласно обычаю преимущественное право на ханское достоинство имел старший в роде, но этот обычай часто нарушался в борьбе за верховную власть между несколькими султанами, бывало и то, что верховная власть переходила от одной ветви династии к другой. Однако, несмотря на это, легитимность представителей династии на ханство никак не подвергалась сомнению, а вместе с этим и все ее властные функции. Легитимизация власти хана являлась частью традиционного ритуала и атрибутики, узаконенных давностью. Само существование ханской власти делало ее законной и единственно приемлемой в казахском общественном устройстве. Об этом свидетельствуют казахская историческая традиция — шежиры и многочисленные произведения казахской духовной культуры.

В итоге в первой четверти XIX века наметился кардинальный сдвиг

традиций казахской политической, социальной и экономической жизни — все подчинялось имперским властям. Меры, принимаемые правительством, также должны были напрочь подчинить казахские роды колониальной администрации.

Могли ли семейство и род Касыма претендовать на ханский престол? Ответ однозначен. В казахской традиционной системе наследование ханского достоинства не обязательно проходило по одной, строго закреплённой линии. Как правило, выборы хана происходили при стечении массы кочевников, и каждая кандидатура обговаривалась особо. Выбирали, как правило, наиболее одаренного и авторитетного наследника. В Среднем жузе после смерти Абылая правил при единодушном мнении старшин жуза его старший сын Вали (по-казахски Уали). После смерти Вали в 1821 году, как раз накануне проведения реформ, происходила смена властей, и в числе претендентов оказалась семья Касыма, которая заняла непримиримую позицию по отношению к царскому режиму. Интриги властей по отношению к многочисленным потомкам хана Абылая, при неуклонном соблюдении собственных интересов, еще более укрепили семейный клан Касыма в его непримиримости. Этим объясняются и долголетняя борьба Саржана, избравшего столь неустойчивого союзника, каким был ташкентский кушбеги, и борьба Кенесары впоследствии.

Среди всех наследников хана Вали семья Касымовых считала своим вполне законным правом возглавить Средний жуз именно с позиций соблюдения интересов ханского дома, не предъявляя эти права ранее того, что, по их мнению, могло бы ослабить наследство хана Абылая. Иначе говоря, семья Касыма начала борьбу за власть в Среднем жузе только после того, как царские власти укрепили свои политические позиции среди большинства наследников Абылая и Вали. Царские власти действовали в различных направлениях: во-первых, при укреплении политических позиций того или иного султана они подвергли жестокой изоляции последних (так, например, произошло с Губайдулой, вторым сыном хана Вали); во-вторых, укрепление политических позиций властей поддерживалось военными силами в регионе; в-третьих, проводились широкие мероприятия по строительству укреплений; в-четвертых, применялся внушительный налоговый пресс, который очень тяжело сказывался на рядовых кочевниках; в-пятых, производились намеренные передислокации родоплеменных структур и их дробление. Все эти меры проводились в сравнительно короткие сроки при участии верных правительству социальных слоев казахского населения. В результате проведения таких мероприятий нарушался весь ход жизни большинства

казахского населения, распадались традиционные связи между родами, что, в свою очередь, приводило к взаимным обидам и барымте, хаотичность в административном делении приводила к хаосу в порядке кочевания, к нарушению маршрутов перекочевков, что в итоге приводило к земельным спорам на долгие годы. В ответ на это казахское население выражало свой протест в виде жалоб друг на друга и на действия администрации, а часть его производила грабежи и нападения на многие населенные пункты, которые создало царское правительство и что всегда сопровождалось военными мероприятиями.

Система колониальной экспансии проникала во все регионы Казахстана и носила всеобщий характер. Начиная с 40-х годов XIX века она проникла и в южные районы Казахстана. Одной из важных опор царизма на местах была конформистская казахская знать. Коварство колониальной системы заключалось как раз в этом. Одаривая незначительными чинами, давая небольшие награды, царские администраторы привлекали на свою сторону многих представителей казахского общества. Этому способствовали различные обстоятельства — некоторые стремились обеспечить себе хоть какую-то свободу действий, другие пытались подняться по служебной иерархической лестнице на высшие должности, а значит, иметь все большую власть в своих руках, третьи стремились сохранить себя и свое потомство, у четвертых проявлялся инстинкт жестокости по отношению к удачливому сопернику, у пятых конформизм основывался на голых прагматических соображениях.

Проникновение имперской власти во все сферы казахского традиционного общества во многом объясняется именно таким состоянием казахской элиты в 20-30-е годы XIX века. Для восстания и возмущения здоровых сил казахского общества необходимы были определенные условия, в том числе и выдвижение сильных личностей, по сути, духовных лидеров общества. И они должны были появиться не в среде интеллектуалов, а среди представителей аристократических кругов, тех, кто был заинтересован в полной власти, завещанной предками и традициями. Среда аристократии выдвинула на такую роль семью султана Касыма, и бесспорным лидером стал Кенесары Касымов.

Как говорилось выше, «Устав о Сибирских киргизах» был принят в июне 1822 года. Какие цели и задачи преследовал «Устав»? Многие исследователи определили несколько его политических задач. Во-первых, продвижение царизма в глубь казахских кочевий, во-вторых, полное переподчинение некоторых казахских родов российской власти, в-третьих, создание в кочевом административном устройстве более устойчивой

системы управления. В целом характеристику «Устава» как политического документа своего времени дал преемник М. М. Сперанского — Капцевич: «Шаг в киргизскую степь на примерной карте хотя и кажется смелым, но в Уставе он так расположен, что новая черта представляет только цель, куда идти и куда, может быть, только в полвека прийти будет можно, подаваясь всегда тихим и измеренным движениям нечувствительного, но всегда по одному плану и пользуясь случаями и местным обстоятельством».

Действительно, «Устав» в политическом плане представлял собой очень непростой документ. Официально была ликвидирована ханская власть, то есть де-факто констатировалась важнейшая часть политики Российской империи — политическая зависимость Казахстана. Наряду с этим создание округов, внешних и внутренних, продвигало Россию в самую глубь казахских родовых структур. Так, после открытия внешних округов, при самом деятельном участии сибирских пограничных властей, в июне 1846 года султаны и старшины Старшего жуза родов албан, дулат, жалаир, суан и шапрашты приняли подданство России. Причем наступление Кенесары послужило поводом для постоянного присутствия российских военных сил в Аягузе, Кок-пекты и Копале, уже с 1849 года организуется пикетная служба, а с основанием Верненского укрепления организуется Пристав Большой Орды, который затем преобразуется в Алатавский округ. Необходимо отметить, что вся внутренняя жизнь Алатавского округа была подчинена структурам, которые определил «Устав». Отмена ханской власти очень сильно дискредитировала в казахском обществе представления о высшей власти, олицетворением которой был хан. Фактически вся власть была сосредоточена в руках Сибирской администрации.

Окружные правления выполняли те же функции, что и по «Уставу» 1822 года, одновременно с этим под юрисдикцию округов попадали и те роды, которые ранее не принадлежали Сибирскому ведомству, в основном роды Старшего жуза, и таким образом колониальное закрепление производилось не только по вертикали, но и по горизонтали.

Данное Положение было промежуточным по своему характеру в закреплении Казахстана за империей. В нем признавалась вольность отдельных казахских родов, не принявших присягу, окружным приказам в определенной степени давалась возможность самостоятельных решений, но вместе с тем сращивание военной и гражданской власти с широким внедрением полицейских функций еще сильнее закрепляло колониальное положение Казахстана.

В соответствии с «Уставом» изменялись политическая структура

власти, судебная система, характер повинностей. Эти изменения были зафиксированы отдельными законодательными актами, по которым казахское население как бы уравнивалось с правами государственных крестьян. И в итоге получалось так, что на казахов давил тот же пресс власти, что и на крестьян, а значит, складывались условия для появления различных противоречий. Именно в результате проведения в жизнь «Устава о Сибирских киргизах» создавались внешние округа в степи, которые и стали главным катализатором роста противоречий. В 20-40-е годы XIX века были созданы Каркаралинский, Кокчетавский, Баян-Аульский, Аягузский, Акмолинский, Уч-Булакский, Аман-Карагайский, затем преобразованный в Кушмурунский, Кокпектинский, Алатавский округа. Каждый округ представлял собою административно-территориальную единицу. Политическая, судебная, хозяйственная и военная власти полностью принадлежали органам империи, что повлекло за собой бурное противодействие со стороны всех слоев казахского населения. Это как раз определялось в «Уставе», где была обозначена основная задача данного документа: «Сибирские Линии, в значении стражи, не составляют учреждений на всегдашние времена, но по мере распространения порядков, занимаемых в киргизских землях, стража сил продвигается вперед и, наконец, должна кончить постоянным утверждением себя на действительной государственной границе». Иными словами, эта граница должна была находиться где-то далеко на юге, а для того, чтобы укрепить внутренние территории, необходимо было установить твердый порядок во всем, и так получалось, что этот порядок устанавливался за счет и казахского населения, и малоимущих крестьянских масс. А как устанавливался сам порядок? Вот иллюстрация свидетеля тех лет: «Пограничные Омской области Средней и Малой орды киргиз-кайсаки, желавшие снискать покровительство России, сделались данниками оной, преданы теперь генерал-губернатором всей неистовой воле пограничных команд казачьих, как за малейшие частые ссоры их гоняют сквозь строй, пленят и ругаются над их женами и как будто нарочно употребляют все усилия сей многолюдный народ отвратить от России».

Таким образом казахи и лишались лучших земель. Переход многочисленных летних кочевий и зимних стойбищ казахов в ведение царских властей нарушил веками сложившуюся форму кочевков. Это положение усугублялось и тем, что с общим углублением процесса феодализма узурпацию земель производила казахская знать. И, следовательно, на повестку дня постоянно выносился вопрос борьбы за землю, за отвержение тех порядков, которые насаждались сверху царской

администрацией.

В XIX веке самодержавие провело в Казахстане административно-территориальные реформы в целях более прочного укрепления своего положения в крае. Отдельные изменения, широко декларированные правительством, как способствующие утверждению на территории Казахстана просвещения и гуманизма, касались лишь второстепенных, не главных вопросов управления в крае. Среди основных факторов, укреплявших колониальное положение Казахстана, были военное устройство в административном управлении и развертывание военных действий в период народных восстаний, а также передача регулярным и нерегулярным частям функций полицейского аппарата. Наиболее выпукло это проявлялось в вопросах административного управления Сибирью в первой половине XIX века — и формально, и фактически в руках областных начальников концентрировалась гражданская и военная власть. Такое совмещение понижало все звенья структур управления в крае.

Двенадцатилетие независимости Казахстана — это не только становление политических, экономических идей на пути создания общества устойчивого развития, это и годы созидания новой общеказахстанской идеи, основанной на принципах цивилизованности и гражданственности. Единый многонациональный Казахстан с самобытной культурой должен основываться на историческом прошлом края, и потому детализация вопроса государственности на территории Казахстана — одна из ритуальных и сложных проблем в исторической науке.

В годы господства советской власти идеологическим обоснованием неделимости СССР было признано отсутствие собственной государственности у народов, его населявших и признававших своим старшим братом русский народ. Тем самым государственность как наиболее полное отражение политической зрелости этноса признавалась лишь за Россией. Особенно это относилось к народам, жившим за Уралом. Такая точка зрения бытует и сегодня. При этом кочевой хозяйственный уклад и его основные параметры как бы отождествляются с примитивными общественными отношениями, которые в самом крайнем случае дотягивают до предгосударственного состояния. Необходимо указать на то, что в современном обществоведении нет единого взгляда на проблему формирования и функционирования государственности. Ныне принято определение государственности, как: 1) наличие отделенной от общества публичной власти; 2) взимание налогов и сборов; 3) разделение населения по территории. Исходя из приведенных посылок, нужно указать на то, что государственность существовала с давних пор, а при внедрении империи на

территорию Казахстана она видоизменилась и просуществовала вплоть до ее ликвидации в 1822 году. Разрушение казахской государственности началось с самого важного вопроса — ликвидации ханской власти. Эту задачу выполнил «Устав о Сибирских киргизах», о чем подробно рассказано ранее. И в заключение данной главы остановимся кратко на некоторых важных моментах освоения Казахстана Российской империей.

Традиционное общественное устройство казахов не было неким застывшим устройством, в его среду проникают инновации, постепенно трансформируясь в традиции. Наглядным примером может служить появление уложения «Жеты жаргы» в казахской общественной среде. Будучи выработано при Тауке-хане в соответствии с определенными требованиями политического, социального устройства казахского общества конца XVII века при активном участии выдающихся биев: Казыбек-бия, Толе-бия и Айтеке-бия, оно уже в начале XIX века вписалось в традиции, освященные предками. Необходимо отметить и следующее: культура казахов была синкрет-ной в силу ее вербальности и потому оказывала свое значительное влияние на традиционность и ментальность казахского общества.

С последней четверти XVIII века царизм широким фронтом начинает освоение Казахстана. В 1735 году началась работа по возведению Оренбургской укрепленной линии, состоящей из крепостей, укреплений и редутов, и уже в середине XVIII века укрепления и поселения вклинились на 50-200 километров в районы кочевий Младшего жуза. В первой половине XIX века Оренбургская пограничная линия, в которую включались Уральская и Новоилецкая, проходила от Каспийского моря по реке Урал, через Илецк и Верхнеозерную крепость до Елабужского форпоста на реке Тоболе. С 1715 года на северных и северо-восточных рубежах Казахстана была образована Сибирская укрепленная линия. К середине XIX века она имела длину 1502 версты и простиралась от Елабужского форпоста до Усть-Бухтарминской крепости. На этих землях создавались крепости, укрепления, а в качестве военной силы использовались казаки и тем самым создавались основы для углубленного проникновения в южные области Казахстана. Наряду с военными осуществлялись и административные меры, которые в совокупности укрепляли власть царизма в Казахстане. Наиболее полно все эти мероприятия выразились в принятии «Устава о Сибирских киргизах» в 1822 году и «Положения об управлении Оренбургскими киргизами» в 1824 году. Важнейшим результатом «Устава о Сибирских киргизах» было создание округов по всей территории, которую занимал Средний жуз. В

итоге прослеживаются новые направления, которые должны были осуществиться в ходе проведения реформ, в том числе: 1) распространение власти царского режима на все роды и родовые объединения Северного и Северо-Восточного Казахстана; 2) подчинение традиционного кочевого хозяйственного цикла административно-территориальному делению, предложенному властями; 3) ликвидация политической самостоятельности всех уровней власти казахского общества и создание удобных для себя властных структур; 4) создание системы налогообложения, выгодной колониальным властям. В итоге наметился кардинальный слом традиционной казахской политической, социальной и экономической жизни — все подчинялось колониальным властям. Меры, принимаемые в Младшем жузе, также должны были напрочь подчинить казахские роды колониальной администрации.

Область оренбургских казахов (Младший жуз) управлялась через Министерство иностранных дел, а непосредственным руководителем был оренбургский военный губернатор; для руководства территорией Младшего жуза и линейных укреплений (военных поселений) существовала система особого Пограничного управления с подчинением линейного и степного управлений.

Линейное управление состояло из командиров линейных дистанций, которые подчинялись военным властям и военному губернатору. Все должностные лица в Младшем жузе — от аульного начальника до султана-правителя — назначались военным губернатором Оренбурга. При каждом султана-правителе находился казачий отряд до 200 человек.

Вся прилинейная территория была разделена на шесть попечительств: Гурьевское, Уральское, Оренбургское, Орское, Троицкое, Михайловское. Хотя институт попечителей был создан для защиты «линейных жителей, как по личным обидам, так и по имуществу», фактически же он проводил политику царизма, осуществляя власть над казахами.

Начиная с 1831 года из населения кочевий, примыкавших к пограничной полосе, образуются дистанции — старшинства по месту расположения против каждого линейного форпоста или отряда. К середине XIX века уже насчитывалось 57 дистанций. Дистанции создавались на основе территориального распределения населения, что позволяло военной администрации четко контролировать положение в казахской степи.

Царское правительство в этот период считало создание дистанций «временной переходной мерой». Основное внимание уделялось строительству военных крепостей, укреплений, что отражено в отчете Пограничной комиссии за 1841 год и в записке управляющего

Оренбургской пограничной комиссией генерала М. В. Ладыженского «О правах и обязанностях начальников военных укреплений и Оренбургской пограничной комиссии», направленной в Министерство иностранных дел 24 июля 1846 года.

В судебном отношении все дела казахов — «по делам измены, разбоев, в возмущении своих соплеменников против правительства» — рассматривались военным судом. Приговоры военного суда утверждались командирами корпуса.

Царское правительство в проведении своей политики в Казахстане опиралось и на традиционную родовую верхушку, и на военные силы. Военные отряды посылались в степь, нередко просто для поддержания «порядка». Подозрение в «неуважении» или выражение недовольства являлись поводом для разорения кочевий, угона скота и убийства людей. Так, например, в 1841 году комендант Кизильской крепости Крюков и его команда угнали у казахов рода Жагалбайлы 125 лошадей, 10 верблюдов и 787 баранов. Особенной жестокостью отличался отряд подполковника Генса. В том же году по подозрению в краже скота у прилинейных казахов он разорил и разграбил 47 аулов казахов родов Табын и Шомекей. Даже султан-правитель Баймухамед Аичуваков в своем донесении в Пограничную комиссию вынужден был отметить особую жестокость команды Генса, которая «без всякой пощады побила всех тех, кто могли ей встретиться в глаза. Из этой гибели спаслась самая малая часть, которая успела скрыться... Всякого возраста дети, до самых грудных, давно лишенных уже одним страхом всяких чувств, изрублены и сожжены в огонь, и кибитки их с имуществом, какое только они смогли взять с собою, обращены в пепел».

В этот период царизм в Казахстане проводил жесткий курс: усиливалась роль военных и пограничных властей, военных судов. Для поддержания «порядка и спокойствия» использовались карательные отряды. Кроме того, аульные старшины должны были докладывать о любом происшествии или событии в Пограничную комиссию. Наряду с этим должны были высылаться аманаты, то есть система заложников также принимала форму государственно-правовой нормы. Малейший шаг аульных старшин должен был согласовываться с Пограничной комиссией. Тот же Гене издал в 1831 году и предписания для дистанционных начальников, которым также вменялась жесткая регламентация под руководством Пограничной комиссии. Почему были применены эти правила и предписания? Дело в том, что «Устав об Оренбургских киргизах» 1824 года заметно отличался от «Устава о Сибирских киргизах». Это

различие заключалось в том, что округов (частей) было организовано меньше, а власть султанов-правителей не была ограничена Советом (приказом), как это было сделано в Среднем жузе. Существенной особенностью являлось то, что «Устав» этот не охватывал правовым регулированием аульные и родовые звенья управления. Применение более жесткого законодательства проводилось как мера на выступление казахов Младшего жуза против административных мероприятий. В этом вопросе имело значение и то, что среди оренбургских чиновников явно преобладала группа, отстаивающая проведение жесткой политики по отношению к местному населению. В 1836–1837 годах эти регламентации еще более ужесточились. Так, в 1836 году от 16 июля был принят Указ о подсудности военному суду некоторых преступлений, в которые входили убийства, разбой и захват русских для продажи в рабство. Надо отметить, что под эти статьи могли попадать не только настоящие преступники, а оговоренные и невинные и тем самым подвергнутые суровому наказанию.

Однако все вопросы управления оренбургскими казахами детально и подробно были изложены на основе нового «Положения об управлении Оренбургскими киргизами», принятого 14 июня 1844 года. Данное положение состояло из восьми глав и ста параграфов. В нем были отрегулированы каждый шаг и каждое действие не только чиновников, ведавших управлением, но каждого рядового казаха. «Положение» 1844 года заметно отличалось от «Устава». Так, совершенно неясно, как формируются административные единицы дистанций и аулы, какими конкретными полномочиями обладают они в области управления, суда и в хозяйственных вопросах. Кроме того, «Положение» свидетельствовало об отрицательном отношении правительственных органов к развитию земледелия и оседлости казахов. Очень жестким было наказание за уголовные преступления — за эти виды противозаконных действий казахи должны были предстать перед военным судом, в то время как в управлении сибирскими казахами такой меры не предусматривалось. Если кража была стоимостью более 20 рублей, то за нее уже судила Пограничная комиссия, а гражданский иск должен был быть на сумму свыше 50 рублей. Кроме того, судам биев придавались карательно-полицейские функции — заключение под стражу, наказание розгами, отдача в солдаты, ссылка в Сибирь и т. д., а так как местные суды, то есть суды биев, рассматривали мелкие дела, то такие меры, конечно, были очень суровыми и вместе с тем традиционная народно-обычная норма фактически ликвидировалась.

Введенное «Положение» очень серьезно пошатнуло авторитет и власть лидеров традиционного общества казахов. Так, Пограничная комиссия

взяла на себя фактически все функции управления краем, всего же их было определено 14, а главной для себя считала «Сохранение благоустройства и тишины между киргизами, искоренения между ними барымты и всяких самовольных поступков». Тем самым предусматривалось окончательно внедрить в казахскую степь порядки царской администрации и заодно ликвидировать традиционную обычно-правовую систему казахов. Среди экономических вопросов большое место занимала система налогообложения — устанавливался кибиточный сбор, то есть налог с одного хозяйства по 1 рублю 50 копеек серебром за год. Одной из самых сложных функций по «Положению» была судебная, которую сама Пограничная комиссия внедряла твердо и неукоснительно, и потому уже в 1851 году она определила: «Оставить прежнее «Положение» в своей силе впредь до введения нового, что же из новых правил и мер, предложенных в упомянутом проекте, которые найдены будут его высокопревосходительством особенно нужными и полезными по управлению Оренбургскими киргизами, предоставит ему, генерал-губернатору, вводить в действие, не ожидая окончательного рассмотрения всего «Положения», а только испрашивая на то разрешение его императорского величества через Министерство иностранных дел». Из этого видно, что Пограничная комиссия старалась полностью стать хозяином оренбургских степей, и поэтому излишняя регламентация была нужна ей самой. Таким образом, в Западном Казахстане осуществлялась та же самая колониальная политика, которая велась после первого десятилетия XIX века в Северном и Северо-Восточном Казахстане. Надо сказать, что само царское правительство почти не делало различия между казаками того или иного района, так как хорошо знало историю, быт, обычаи и традиции народа. Однако для того, чтобы держать в узде народ, оно применяло самые различные методы, в том числе искусственное разделение по ведомствам. Кроме того, архивные документы свидетельствуют, что высшие чины правительства стремились разжигать соперничество между Оренбургским и Западно-Сибирским губернаторствами, что особенно пагубно отражалось на казахах обоих ведомств. Нужно отметить следующее: управление в целом кочевым народом на огромных пространствах приводило к издержкам и сам царский режим. Так, в те же 30-50-е годы XIX века встали вопросы ограбления караванов, захвата пленных и продажи их в рабство, поджогов укреплений и форпостов.

Любопытно и другое: так как было централизовано все до мелочей, то развилась бурная бюрократическая деятельность следственного порядка.

Розыскные действия даже по маловажным делам и связанное с ними наводнение степи агентами, чиновниками-следователями, а также массовые вызовы свидетелей в Оренбург создавали лишь дополнительные трудности для населения и для самого дела. Даже султаны обращались с жалобами на осложнения, вызванные этим законом. В Оренбургские степи был послан чиновник Любимов, который составил докладную записку по этому закону в июне 1846 года. Он писал: «Одних исходящих бумаг у султанов-правителей бывает от 1500 до 3000 и это где же? В степи, в Орде, где все, по-видимому, должно идти (сообразно с бытом и потребностями киргизов) самым простым образом, без лишних формальностей и лишней письменности». Излишняя регламентация и жесткие меры наказания вызвали даже у Любимова — царского чиновника — обратную реакцию, когда он подчеркивал: «Не вводить у них русского управления, предоставить им ведаться своими властями, под наблюдением только Оренбургской Пограничной комиссии». Так уже с самого начала принятия «Положения» 1844 года появились различные формы протеста против этого документа. И «Положение», принятое на 5 лет, действовало до 1868 года, что говорит о силе бюрократических порядков в царской России.

В связи с открытием внешних округов, а к 1838 году в Среднем жузе было открыто семь внешних округов — Кокчетавский, Каркаралинский, Аягузский, Баян-Аульский, Акмолинский, Кушмурунский и Кокпектинский, — начались волнения в Среднем жузе. Во главе этих волнений встал султан Саржан Касымов, внук хана Абылая. Открытие Кокчетавского приказа в 1826 году и в том же году Каркаралинского послужило началом борьбы Саржана с царскими властями. Под руку Саржана встали казахи Хожанского, Таминского, Айдабулского и Байдавлетского родов. В одном из донесений писалось: «Сии последние (то есть — восставшие), имея в скопище своем до 1000 человек, разъезжают вблизи волостей и, присылая в оные своих фикалов, устраивают нападения, грабежи на тех, кои остаются непреклонными». Управляющий Омской областью Броневский писал: «К Саржану стекаются все разбойники. Они нарушают общее спокойствие в Орде, вербуют легкомысленных казахов и вредят вводимому Российским правительством порядку».

Из стратегических и тактических соображений Саржан попытался взять Каркаралинский приказ, но высланный отряд казаков предотвратил это. Видя, как вновь созданные укрепления быстро обрастают военной силой, Саржан в 1827–1830 годах уходит в глубь степных территорий, еще не подвластных царской администрации. В 1832 году при столкновении с царскими властями он и его отряд в количестве 400 человек потерпели

поражение. Впоследствии он стремился заручиться поддержкой кокандских правителей, в частности ташкентского кушбеги. Получив поддержку, он начал военные действия против царских властей, после чего последовали ответные действия администрации. В мае 1834 года ташкентский кушбег с силой в 6 тысяч человек при поддержке Саржана вторгся в пределы Среднего жуза. Для обуздания этой силы был выслан отряд из тысячи человек при шести орудиях. Кушбег сдался царским властям. Саржан отступил на территорию, где жили казахи Старшего жуза и где возник крупный конфликт между ними и кушбеги, а летом 1836 года его убили.

Какими были намерения Саржана? Первое — это открытый вызов царским властям против той политики, которую они проводили после принятия «Устава» 1822 года. Второе — это восстановление ханской власти в том виде и в том объеме, в котором она существовала во времена его деда Абылая. Третье — это желание самому стать ханом по наследству, легитимно, при этом опорой ему должны были служить те же социальные слои, которые утвердили Абылая ханом.

Движение, руководимое Саржаном, потерпело поражение вследствие внутривластных трений между ним и ташкентским кушбеги. Главная идея движения — возврат к самостоятельности и независимости через традиционные структуры власти. Однако колониальная политика ушла уже далеко вперед. Создавались укрепления и форпосты, где сосредоточились военные силы и одновременно к управлению в новых условиях привлекались представители традиционной власти. Нарастали неразрешимые противоречия, которые выливались в конфликты. Несомненно и то, что движение Саржана стало уроком для борьбы Кенесары Касымова с властями, при этом сам Кенесары играл важную роль в движении Саржана. В целом власти постоянно отмечали неуспокоенность всей родовой линии Касыма в борьбе с царизмом. «Во главе всех беспокойных стало семейство Касыма Аблайханова, которое по богатству, по родственным связям и по предприимчивости своей обладает огромным влиянием на умы киргизов и почитает свое происхождение от хана Абылая за законное право на верховную власть над всею Среднею ордою».

ВОЙНА

Самым важным обстоятельством было территориальное оформление ханства самого Кенесары Касымова, создание действительно жизнеспособного государства. И потому первым же политическим требованием, предъявляемым им к оренбургскому и западно-сибирскому генерал-губернаторам, было требование территориальной безопасности создаваемого им государства.

Сложные земельные отношения, которые складывались де-факто в районах Среднего жуза, населенных казаками, стали одним из труднейших препятствий при создании государства Кенесары Касымова. Издревле повелось, что земли кочевников находились в общей собственности рода, и для этого каждый род вводил свои границы земель, а многочисленные табуны лошадей и отары овец распределялись посемейно, и, конечно, большое количество скота концентрировалось в руках тех, кто выполнял властные полномочия. Если же суровые политические условия одолевали кочевников, то восполнение павшего скота становилось важным делом и тех, кто имел большую власть в своих родах, тем самым само общественное устройство не претерпевало больших изменений. Но постепенно власть имущие все более и более присваивали себе и тучные стада, и, что немаловажно, земли, где паслись эти стада.

Исторические исследования и множество источников отмечают самую важную часть восстания — это ведение военных действий на протяжении долгих лет. Сам Кенесары участвовал в боевых действиях начиная с 1824 года, с того времени, когда на тропу войны стал его старший брат Саржан.

Примерно в июле 1837 года собрались представители некоторых родовых объединений и многие авторитетные люди Среднего жуза на Большой Курултай и на нем решили при перекочевках осенью войти в пределы Младшего жуза. К такому решению пришли представители шести волостей. Российская административная система достаточно четко к этому времени проводила административно-территориальное деление для земледельческих регионов, но запутанность деления в кочевых регионах была налицо. Многие родовые подразделения получили названия волостей и, как правило, их деление основывалось на территориально-родовых признаках. Как водится, бюрократизм взял верх, и потому деления производились из прагматических соображений сбора налогов и беспрекословного подчинения. Однако за бортом такого деления

оставались и свойственные казахам родовые деления по признаку предка не позднее седьмого колена, и менталитет, и традиционные места перекочевок. И потому после произведенных административно-территориальных делений огромный вал жалоб и недовольств захлестнул Западно-Сибирскую администрацию, а сбор налогов проводился постоянно.

При принятии решения представители шести волостей (названия даны в тогдашней русской транскрипции) — Теналы-Карпыковской, Койлюбай-Чаграевской, Байдали-Алтаевской, Алекинской, Теналинской, Темешевской — однозначно высказали мнение противостоять русским властям; основное — это перекочевки в районы Младшего жуза, а при возможной погоне противника надо было «схватить их, связать их и отпустить обратно из глуби степи». Какие наивные степняки! И какие они дипломаты в своих стародавних традициях.

В коридорах власти Западной Сибири были исписаны горы бумаг, каждая волость, каждый родоправитель были на счету администрации, кроме того, множество инструкций и наставлений окончательно ставили точку на принципе внедрения «Устава» 1822 года, и тот, кто оказывал сопротивление его реализации, должен был быть строго наказан за своевольные действия. Чтобы осуществить свои планы, «заговорщики» выменивали верблюдов для перекочевки. В официальном документе от 8 августа 1837 года уже подчеркивалось наличие «заговора». Таким образом, к тому времени власти имели сведения о большой подготовительной работе среди глубинных слоев населения. Сообщалось, что к вышеназванным волостям присоединилась еще Малай-Калкамановская волость. Всего же с таким решением — перекочевкой — согласились до 500 человек, а поводом послужили действия «неправоверных».

Могли ли действия этих семи волостей являться столь уж значительными и оказать большое влияние на других? Этот вопрос надо понимать двояко. Известно, что к тому времени территория Западного Казахстана была изучена учеными и исследователями, в том числе картографами, если не подробно, то, во всяком случае, на вполне хорошем уровне, и потому перекочевки многих родовых подразделений Младшего жуза и родов Среднего жуза, конечно, были бы сразу известны администрации Оренбургского края, и, как бы то ни было, откочевавшие из Среднего жуза попадали под контроль царских властей. Поэтому сама перекочевка не давала реальных шансов заявить о своей самостоятельности. Сведения эти дал казах Кажыкен Наурызбаев, славившийся верноподданническими чувствами, и это тоже было

симптоматично. С самого начала движения большая часть примкнувших к нему была заражена идеями конформизма. Значит, и внутри самого казахского общества не все было благополучно, не все действовало как отлаженный механизм. Но все же людей объединяло нечто большее — идея свободы и вольности, такова уж природа степняка!

Для того чтобы идеи свободы и вольности не исчезли за хитроумной и традиционной дипломатией, нужно было организовать десятки людей в боеспособные отряды и начать военные действия. Нерешительность в войне неминуемо приводит к поражению, и поэтому Кенесары со своим племянником Ержаном, сыном Саржана, за июль-август 1837 года создали боевое подразделение в 300 вооруженных человек, и уже 1 сентября они напали на Таминскую и Коныратовскую волости и угнали множество скота с урочища Боз-Куль. При этом имелись убитые и раненые со стороны защитников собственности. У коныратовцев было отогнано большое количество лошадей. Что скрывалось за этими действиями Кенесары?

Как отмечали позднее, в 1841 году, Кенесары и Кучак Касымовы в своем письме председателю Оренбургской пограничной комиссии Генсу, — в 1837 году из Кокчетавского приказа под началом Ивана Карбышева и в сопровождении Язы Янова (соперника Кенесары Касымова по утверждению своей власти над казахами некоторых родов) вышла команда в числе 400 человек, которая разграбила родовые объединения аликинцев, алтабаевцев, калкамановцев, туртукуловцев и убила 300 человек! Значит, выступление в сентябре было только ответным ударом и направлено было лишь на тыловое обеспечение своих людей и приверженцев.

В этих условиях в конце 1837 года, точнее в сентябре, некоторые из разоренных перед этим волостей перекочевали в долины Каракенгира, Улутау и Каркаралы, то есть в глубочайшие районы степи, еще не попавшие под полную власть Западно-Сибирской администрации. При этом, как свидетельствует документ, для подрывной работы среди восставших были посланы султан Бегали Конуркульджин и три бия, которые должны были отговорить восставших от перекочевков. При откочевке некоторые родовые подразделения ушли еще дальше, в глубинные районы. К перекочевавшим присоединились казахи Байдалинской волости, и все они перекочевали к озеру Коскуль, в окрестностях Торгаев, и перешли на правую сторону Ишима в урочища Улутау, Дечек-Донезды, Кара и Сары-Кенгир. В целом, у народа вызвало недовольство и то, что в степи производились рекогносцировки (съемки) местности. Посланный к откочевавшим родам султан Бегали Кудаймендин со своими приверженцами не добился успеха: во-первых, несмотря ни на

какие увещевания, откочевавшие не стали возвращаться; во-вторых, именно с них в тот год не был собран налог (ясак). Кроме того, к откочевавшим прибыли Есенкелди Касымов и с ним еще четыре человека. Вместе с Бегали был титулярный советник Менькович, который и написал свое донесение и был вынужден признать, что необходимо длительное время, чтобы уговорить склонных к «законопротив-ным» действиям смириться.

Имеются различные сведения о ведении военных действий с обеих сторон. Российская администрация даже не предполагала, что в степи могут оказать серьезное сопротивление хорошо подготовленным и вооруженным отрядам. В движении к этому времени назревали события, которые были на руку Кенесары и его сподвижникам. Так, среди перекочевавших оказался султан Кучук Айчуваков, которого объединяло с Кенесары одно лишь происхождение. Сподвижники Кенесары, Кочек и Бопы Касымовы, близкие руководителю движения, нападали на пикеты и угоняли лошадей. Только под руководством Бопы Касимова находилась тысяча человек, и они рассчитывали напасть на вновь построенное Актауское укрепление и разорить его.

С одной стороны, когда такие приготовления становятся известны администрации и всем остальным, то восставших можно упрекнуть в неумении вести тактические военные операции, но с другой стороны — это объявление султанами того, что степь полностью принадлежит им и что они в ней полноправные хозяева и им незачем прятаться где-нибудь в потаенных местах.

В своем донесении Западно-Сибирской администрации Бегали Конуркульджин писал и о том, что необходимо предпринять самые строгие и суровые военные действия, чтобы в корне ликвидировать движение, «без чего нельзя ожидать никакого успеха в устройстве, вводимом Российским правительством в киргизской степи. Ибо киргизы тех волостей, с недавнего времени привыкнув к независимости, считают подчинение себе тяжким игом, признавая за стеснение для них искоренение барантов и грабежей, к чему они весьма склонны, посему вольнодумство их не иначе может быть прекращено, как только вооруженной рукой».

Бегали Конуркульджин очень ошибался, то ли по незнанию, то ли заведомо давая угодническое объяснение. Во-первых, невозможно было мирным путем в степи навести административный порядок, во-вторых, барымта и грабежи, о которых шла речь, в большинстве своем были следствием колониальной политики. Хотя казахское общество представлялось достаточно неизменным, но и там происходили серьезные социальные изменения. Известно, что барымта предпринимается с целью

наложения собственноручного штрафа, если не выполнены условия правовых обязательств отвечающей стороной за какие-либо действия. Таковы традиционные законы казахского общества. К XIX веку барымта превратилась в средство нападения с целью обогащения или нанесения оскорбления, а также без повода.

Заседатель Менькович должен был дать полную картину восстания, так как перекочевка уже шести-семи больших волостей в глубинные районы степи, когда под видом мирного шествия создавались вооруженные отряды, постоянно нападающие на малочисленные подразделения официальных властей, была проявлением военной силы, и ее надо было пресечь. Заседатель Менькович попытался какими-то простыми причинами объяснить глубинные процессы национально-освободительной борьбы казахов. Он считал, что «киргизы весьма склонны к подражанию своим родовичам, в особенности к нарушению верноподданнической присяги». А для того чтобы «подражание» не повторялось, необходимо было снаряжение военного отряда, который бы силой заставил остановить перекочевки или уход родов в глубь степи. С этой целью был сформирован Актауский отряд в количестве 500 человек под руководством «Тинтяк-майора», как называл одного из командиров Кенесары Касымов, но он не сумел нанести урона восставшим, и потому Менькович предлагает создать отряд из 200 казаков при одном артиллерийском орудии. Такие донесения представителя администрации, который на местах точно узнал о действиях восставших, а также реальное положение дел привели Западно-Сибирскую администрацию к неоднозначным выводам. Во-первых, все ее чины, включая управляющего Омской областью полковника Талызина, понимали, что необходимы суровые и значительные меры по пресечению восстания, во-вторых, они все пришли к выводу о массовости восстания, на что указывал заседатель Менькович, и потому нужны были более действенные меры, в том числе и превентивные.

Известно, что лучшая оборона — это нападение, и поэтому Талызин стал претворять наступательные формы борьбы против восставших. Первой мерой должно было стать увещевание, адресованное к тому же старшему султану Акмолинского окружного приказа Коныркульдже Кудаймендину, то есть такому человеку, в руках которого сосредоточена власть, и притом власть над беспокойными кочевниками. И ответственность за все беспорядки Талызин возлагал именно на него: «Вы — первый, на кого упадет вся ответственность за беспорядки в округе и кого за них в наказание не пощадит закон». И далее Талызин указывал на то, что, по его мнению, должен был сделать даже не большой чин, а

простой человек — помочь русским отрядам пресечь восставших, а если нужно — и наказать, и подчеркивал: «А вы, достопочтеннейший султан, кажется, вовсе забыли долг ваших обязанностей. Вы, верно, только больше перед глазами начальника делаетесь деятельным охранителем народа теперь, когда у вас в округе общий беспорядок: волости расходятся, пристают к вероломным султанам Касымовым».

Полковник Талызин обязывал старшего султана находиться неотлучно в помещении приказа, направить своих сыновей в те волости, которые слывут беспокойными, и там оставаться до тех пор, пока не наступят спокойствие и порядок, а при удачном исходе дела обещал исходатайствовать для него большие награды перед высоким начальством. Если же Коныркульдже не удастся добиться порядка, то его неминуемо должен был ждать суд.

Коныркульджа оказался в щекотливом положении. Он прекрасно понимал, что нужно предпринимать самые срочные меры для обуздания Кенесары и его сподвижников, но, с другой стороны, сделать это было невозможно. За спиной Кенесары стояли могучие родовые структуры аргынов и кипчаков, наконец, его волю готовы были выполнить самые простые кочевники — таковы были призывы Кенесары. Наряду с этим в запасе у Кенесары были не просто аргументы или умение отдавать приказы, — он обладал великим духом, который мог воспламенить каждого степняка. Таковы были суждения Коныркульджи Кудаймендина, старшего султана и личного противника Кенесары. Султан в степи должен быть один, и поклонение должно быть ему одному, а много султанов — это очень плохо, это хаос, неразбериха, власть должна быть только у одного! Вот ход рассуждений Коныркульджи.

Не только предписания полковника Талызина волновали Коныркульджу. Восстание и война — это всегда разорение и грабеж, причем со стороны сильного, кто быстро и неожиданно совершает нападение, а это, в свою очередь, приводит к нарушению ритма привычной жизни, когда можно возлежать на пуховых подушках и покрикивать на слуг и прихлебателей и точно знать, когда подадут мясо или когда завернет какой-нибудь певец, чтобы восхвалять доблесть Коныркульджи. А восстание полностью рвало всю будничную жизнь, ломало привычное течение времени. Мы не сможем понять все рассуждения Коныркульджи в эти сложные для него времена, но ясно было одно — у степняка уже выработался свой особый ритм жизнедеятельности и понимания жизненных целей. Это были уже другие люди, которые имели четко определенные мысли, вызванные и приказами, и предписаниями, и своими

интересами.

У каждого свой взгляд на войну. Особенностью степняков Казахстана являлось достаточно простое к ней отношение. Жить вполне можно без войны, но если тебя оскорбят, заберут овец и лошадей, разорят тебя, а может, и твоих сородичей, необходимо нанести ответный удар, а уже потом разбираться у бия по всем правилам обычного права. Война не могла быть затяжной, не могла длиться на больших просторах, ее главная цель — захват добычи и все связанные с этим радости жизни. Степнякам претила позиционная война, и потому выполнение приказов начальства подразумевало как раз ведение длительной войны по правилам европейского военного искусства.

Восстание перерастало в войну между царскими войсковыми соединениями и постепенно сформировавшейся армией Кенесары Касымова. На протяжении десятилетий ведения военных действий как против режима, так и против различных своих врагов, Кенесары Касымов понимал, что боевые действия — это только видимая часть войны. А на самом деле необходимо было и тыловое обеспечение, и полное функционирование самой армии, даже если она насчитывала всего несколько сот человек, где должны были быть все возможные для своего времени атрибуты настоящей армии. Но война — еще и политика, и поэтому каждое нападение на противника необходимо было очень четко продумать и предусмотреть все варианты политического маневра. Поэтому самовольные действия восставших из Теналы-Карпы-ковской волости по ограблению каравана купцов не получили поддержки Кенесары Касымова, он даже распорядился, чтобы караваны не подвергались грабежу. Однако он препятствовал любому продвижению караванов из Ташкента и от Кокандского ханства, которые вели торговлю с Россией, так как в этом случае «российская торговля получит выгоды», а если же, напротив, будет ликвидирован торговый путь между Россией и Кокандом, то тогда имеется надежда на ликвидацию внешних округов и Актауской крепости.

Под командование Кенесары пришли и некоторые другие родовые структуры по тогдашнему волостному делению, а оно учитывало в основном родовую структуру, и потому название волостей отражало как раз такое традиционное деление. В конце 1837 года в распоряжении Кенесары Касымова находились Алтай-Байдалинская, Алеке-Алтаевская, Койлюбай-Чаграевская, Тенали-Карпыковская, Тюбет-Темешевская, Малай-Калкамановская, Алчин-Джагалбайлинская волости. Кроме того, само семейство Касымовых вместе с Касымом соседствовало с кипчаковцами и баганалинцами и располагалось в верховьях рек Тургаев. Таким образом, у

Касыма и Кенесары находились не вошедшие в приказ роды, достаточно многолюдные и, конечно, готовые быть вместе с ними. Именно они должны были стать резервом Кенесары, и в этих родах он предпринимал подготовительные меры для дальнейших военных действий. Перекочевавшие роды все приблизились или находились в верховьях рек Тургаев.

В конце 1837 года Кенесары считал важным для себя напасть на Актауское укрепление, которое являлось значительным военным объектом, и потому очень тщательно провел военную подготовку по всем стратегическим правилам. Как указывает документальный источник, за двести верст до укрепления воины Кенесары напали на отряд, препровождавший караван. В отряде находилось, по-видимому, около 800 человек, полуэскадрон казаков был в осаде три дня. Нужно учесть, что казачий отряд был хорошо вооружен, и тогда Кенесары Касымов сам из подручных материалов создал небольшое укрепление, чтобы вымотать казаков долговременной осадой. Казалось, победа была уже в его руках, так как у казаков были перестреляны все лошади. Однако казаки решились на отчаянную попытку: они штурмовали укрепление Кенесары, и штурм оказался успешным — степняки проиграли в позиционной войне. Было захвачено знамя, 33 коня, 9 ружей, 5 сабель и 10 ятаганов. Как видно из перечня, вооружение восставших не составляло большого арсенала, в основном это было сподручное средневековое оружие. Но такие трофеи достались казакам очень дорого. Они потеряли командира — хорунжего Рытова, четырех урядников, 22 казака и одного фельдшера — ровно половину отряда.

На помощь казакам был выслан отряд в количестве 1200 человек при 20 урядниках, в котором имелось также два орудия конной артиллерии. В ходе боя было убито 50 восставших. Отряд провел охранительные мероприятия от Актауского укрепления до Акмолинского приказа. При этом командующий отрядом Симонов считал, что нужно полностью уничтожить семейство Касыма Аблайханова, чтобы исчезла даже память об этом буйном и беспокойном семействе.

Военные действия со стороны Кенесары Касымова носили больше эпизодический характер. Основные его намерения касались политической стабилизации, привлечения новых союзников и новых участников восстания. Откочевавшие в его распоряжение волости или роды испытывали в тот момент большие затруднения.

В одной из реляций указывалось, что отряд Кенесары захватил караван, идущий в Ташкент. При захвате отряд Кенесары понес

значительные потери -40 человек убитыми и 30 человек ранеными, но был вознагражден значительными откупам за убитых со стороны охраны каравана. И часть добычи досталась султанше Бопай, сестре Кенесары. В это время Кенесары находился примерно в 70 верстах от голодной степи, где дожидался султана Абулхаира, отца мужа Бопай — Самена. Тогда же к нему прибыл знаменитый бий Чиген Мусин с 1900 человек, который увещевал Кенесары прекратить военные действия. Конечно же, скученность родов, откочевавших к Кенесары, создавала большие неудобства для ведения хозяйства. Боеспособных человек было около 3 тысяч.

1838 год имел большое значение для Кенесары Касымова. В тот год он сумел по-настоящему расправить плечи. Весной Кенесары направил своих посланцев к западно-сибирскому генерал-губернатору князю Горчакову. Это были доверенные люди Кенесары. Они везли с собою специальное письмо, которому Кенесары придавал большое значение. В письме говорилось: «Я имею честь сим вас известить, что желание мое есть то, чтобы двух владений народ пребывал в спокойной жизни, но ныне же вы подозреваете меня, будто бы я подданных ваших людей присваиваю к себе. Напротив того, я говорю, что вы, например, в ближайших деду моему, хану Абылаю местах учредили окружные диваны и с киргизского народа берете пошлины. Следовательно, вы нас притесняете, и мы тем самым остаемся недовольны и с налогом жить нам в ведении вашем никак невозможно».

Таким образом, Кенесары четко высказал свои требования одному из самых значительных администраторов царской России князю Горчакову. Видимо, эти требования не случайно были высказаны в 1838 году, когда, наконец, Кенесары Касымов понял, что нужно проводить такую политику и совершать такие действия, которые обратили бы на него особое внимание Сибирской администрации. В его рядах к тому времени уже находились повстанцы из Акмолинского, Баян-Аульского и Каркаралинского округов. И для того, чтобы к нему стекался народ, имелись основания. Так, в конце 1837 — начале 1838 года к нему прикочевали Дюсенбай-Чекчековский, Альтюбетовский, Кара-Айтымбетовский, Киргизовский, Надан-Тобуклинский, Тюленгутовский, Киреевский, Альтеке-Сарымовский, Карсон-Киреевский, Куянчи-Тагаевский роды, всего — почти 3800 кибиток, а если считать даже по четыре человека на кибитку, то перекочевало около 15 200 человек. Это была уже большая сила. Тем самым весь Северный и Северо-Восточный Казахстан фактически оказывался под контролем Кенесары или его отрядов.

Выражая свой протест по отношению к политике царизма, Кенесары

Касымов стремился показать, что теперь он является ведущим администратором в казахской степи. Рядом с ним находились его дальние родственники, но уже приверженцы царизма, например Маман Аблаев. В то время когда Кенесары писал письма протеста, тот старался заручиться поддержкой царской администрации. То же самое делал и один из крупных султанов Акмолинского приказа Коныркульджа Кудаймендин. Однако письма эти не попали лично к Горчакову. По дороге к Омску они были перехвачены старшим султаном Коченовым и под полой переправлены в Омск со своими передатчиками, с теми же Тобылды Тохтиным и Кочумбаем Казангаповым. Они были посажены за решетку и только через год с лишним, в октябре 1839 года, приговор Омского суда определил, чтобы каждого бить шпицрутенами, прогнав через тысячу человек по одному разу, затем годных отдать в службу, а не годных выслать в Восточную Сибирь на поселение. Тем самым перед Кенесары Касымовым стояла огромная задача: во-первых, объединить казахские роды, которые перекочевали из Баян-Аульского, Кокчетавского, Акмолинского приказов к нему; во-вторых, провести теперь действительно серьезные военные действия против карателей.

Война с властями — это война, которая должна была вестись с несколькими целями. Необходимо было, чтобы власти в конце концов поняли, что управление Средним жузом и теми волостями и родами, которые примыкали к Среднему жузу, невозможно вести такими методами, которые предлагала западно-сибирская администрация. Администраторы не всегда хотели понимать, что Кенесары Касымов руководствуется не только тем, что он хочет отделиться от России и создать свое независимое государство, но и тем, что у него не было иного выхода, кроме того, чтобы начать военные действия против западно-сибирской администрации. Дело в том, что западно-сибирские власти стремились окончательно и бесповоротно создать во вновь возводимых приказах, внешних округах особенное устройство, которое было бы в полном подчинении генерал-губернатора. Вместе с тем, для того чтобы проводить необходимые мероприятия, Кенесары Касымову необходимо было совершать очень сложные манипуляции, основу которых составляли быстрые и энергичные действия. Единственным средством, способным воздействовать на власти, он считал военные действия. Но у Кенесары не было возможности противостоять огромной мощи западно-сибирских казачьих отрядов, которые были прекрасно вооружены и состояли из большого количества людей. Вслед за призывами об откочевке одним из самых необходимых мероприятий стали для него военные действия против торговых караванов.

В ходе борьбы за свою независимость, за создание собственного государства он считал необходимым прервать российскую торговлю со среднеазиатскими владениями. И это выражалось в том, что необходимо было остановить сами торговые караваны, ликвидируя их охрану, а имущество присвоить в виде добычи. Как правило, западно-сибирские власти в своих докладах отмечали, что казахские воины под руководством Кенесары Касымова ведут грабительские войны, и потому для защиты караванов отправляли огромные отряды, численностью в 200, а иной раз в 500 человек.

Министерство финансов было обеспокоено тем, что расстраивается так хорошо налаженная русско-азиатская торговля. Платя разного рода повинности и налоги, купцы, которые рассчитывали на солидные барыши, никак не могли примириться с тем, что караваны больше не могут спокойно ходить в кокандский или другие ташкентские пределы. И вопрос стал приобретать глобальный и в то же время политический характер.

В донесениях сообщалось о том, что Кенесары, его отец Касым и один из его сподвижников старшина Сапак постоянно направляют «разбойничьи свои шайки» против Акмолинского приказа, и в особенности против караванной торговли, которая связывала российские пределы с Ташкентом и с Кокандским ханством. Кроме того, во всех этих донесениях указывалось на то, что Кенесары и все его родственники являются такими разбойниками, которые похожи на головорезов. И при этом уже то, что Кенесары находился под арестом в Ташкенте, то есть у кокандцев, был из семейства буйных Касымовых и то, что он стал одним из руководителей восстания, — вся эта политическая окраска постепенно становилась той самой черной краской, которая должна была обеспечить преимущество властям в борьбе с Кенесары Касымовым.

Вот так начинался 1838 год для Кенесары. Кенесары Касымов постоянно стремился оказать самое осязаемое воздействие на те роды и родовые структуры, которые еще не примкнули к восстанию. И, разумеется, средства воздействия у него были различные. Так, в начале 1838 года отряд Кенесары совершил нападение на аулы старшего султана Коньркульджи Кудаймендина. В результате этого нападения было отобрано двенадцать тысяч только одних лошадей. Коньркульджа вынужден был обратиться за военной помощью к Талызину, управляющему Омской областью. Но у Талызина были собственные планы — он стремился во что бы то ни стало своими силами разгромить Кенесары Касымова, что добавило бы ему новые должности и звания. И потому в его планы не входило оказание помощи Коньркульдже Кудаймендину. В ответ на

просьбу Коныркульджи он прислал ему гневное письмо, в котором требовал, чтобы Коныркульджа предпринял самые результативные действия против Кенесары.

Вот так начался 1838 год в районе Акмолинского приказа. Противостояние и противоборство Кенесары Касымова и тех султанов, которые были преданы России, все более нарастали. Обострению отношений Кенесары с другими султанами способствовало и то, что его сестра Бопай постоянно нападала на те аулы и кочевья, которые были преданы царскому режиму. Так, она напала на зимовку Сырымбет, бывшую ставку хана Вали, в которой проживала его вдова Айганым, и увезла с собой значительное количество припасов. Несмотря на то, что Кенесары Касымов и его сподвижники проявляли военную активность в течение всего 1838 года, на него были также произведены нападения со стороны правительственных войск. Эти нападения сопровождалось, как правило, разорением аулов, угоном в плен людей. Так, например, отряд, во главе которого стояли старший султан Коныркульджа Кудаймендин и войсковой старшина Карбышев, напал на аулы союзника и близкого родственника Кенесары Касымова — Кучака Касымова. В результате были убиты 21 девушка, 8 женщин, 25 мужчин и 80 человек взяты в плен.

К весне 1838 года Кенесары Касымов представлял большую угрозу для властей. Поначалу действия мятежников не казались такими уж серьезными и потому против них не были предприняты решительные меры, но к отмеченному времени возбуждение в степи перерастало в открытое противостояние, а его надо было ликвидировать во что бы то ни стало, иначе верные российскому престолу казахи могли также присоединиться к восставшим. Конечно, власти понимали, что отдельные отряды должны подавить восстание в самом зародыше, но они тогда не представляли размаха действий Кенесары Касымова. Позднее, накануне нового 1839 года, Кенесары в довольно вежливой форме указал императору Николаю I причину своих первоначальных действий — «уничтожить восемь окружных диванов и прочие заведения, в нашей степи находящиеся», то есть ликвидировать окружные приказы и заодно всю привнесенную налоговую систему. Эти поборы мирного населения все больше раздражали Кенесары Касымова и его сподвижников. Они начали призывать казахов к откочевке из сибирских пределов, указывали многим кочевым аулам на необходимость самых широких военных действий «против насильников, против разбойников». Думал Кенесары и о другом.

К лету 1838 года у Кенесары Касымова, как говорилось в документах, «шайка мятежных киргизов состояла до 2000 человек». И как удостоверяют

многие свидетели тех событий, Кенесары в основном закреплялся на территории Среднего жуза, в районах, близких к вновь построенному Актаускому укреплению. Наконец он решил атаковать Акмолинское селение, то есть тот самый Акмолинский приказ, из-за которого началась война Кенесары Касымова с западно-сибирскими властями.

Для усмирения султана Кенесары был выслан войсковой старшина Карбышев. Он провел экспедиционные работы, преследуя те волости, которые были преданы Кенесары и которые ему надлежало бы привести к российскому престолу. Отряд вышел из Аманкаргайского окружного приказа и взял направление на реки Тургая. Там, в верховьях этих рек, кочевал известный казахский бий Чиген Мусин, который в какой-то степени содействовал российским властям, но так как был связан и с Кенесары Касымовым, то вел очень тонкую двойственную политику, вызванную беспокойным соседством его аулов с так называемыми мятежниками.

Отряду Карбышева необходимо было возвратить все откочевавшие волости, подродовые подразделения в центральные, более северные районы Казахстана, которые должны были находиться под юрисдикцией Акмолинского приказа. Решая эту задачу, Карбышев брал в качестве заложников почетных казахских старшин и казахов, которые должны были стать приманкой для привлечения откочевавших волостей под юрисдикцию Акмолинского приказа. Кто упорствовал — те истреблялись на месте, часть людей, судя по документам, бежала. Как отмечал войсковой старшина Карбышев: «По общему совещанию волостей Акмолинского округа и напоследок решительному положению их остаться в независимости российскому правлению приняли они отложение с присовокуплением киргизов из Каркаралинского и Баянаульского округов, составили для исполнения предприятия своего мятежное скопище под предводительством буйных султанов Касымовых».

Несмотря на то что Кенесары Касымов не знал русского языка, а переводчиков у него было мало, все же он начинал понимать, что вести борьбу, имея незначительные силы, против престола будет непросто, это выльется в настоящую войну непримиримых сторон. В его планы входило и то, чтобы каким-то образом попытаться договориться с отдельными руководителями Западно-Сибирской и Оренбургской администраций и тем самым сохранить своих людей, численность которых была слишком мала для ведения масштабных военных действий. Когда численность войск Кенесары Касымова дошла до двух тысяч человек, он попытался взять значительное военное укрепление — Актауское. Как пишется в документе:

«...партия мятежников быстро в проезде кругом имела в атаке Актауское укрепление не более одного часа и при отражении скрылась из глаз на запад, в горы». Тем самым военные действия, которые предпринимал Кенесары в борьбе против Актауского укрепления, носили разведочный характер. Все более и более Кенесары утверждался в мысли, что необходимо разгромить укрепления, которые составляли основу колонизационной политики. Это в первую очередь Акмолинский приказ и Актауское укрепление. В результате этого у него появлялось очень большое количество сторонников.

В июле 1838 года ополченцы Кенесары Касымова количеством до пятисот человек напали на Тленнын-Чатский пикет. И в том же месяце сподвижники Кенесары напали на Кучекинский пикет, их самих насчитывалось до четырехсот человек. Взятие этих пикетов, стратегически важных пунктов в Акмолинском приказе, являлось пробой оружия в боевых действиях, а также возможностью наглядно продемонстрировать свою боевитость и непримиримость.

Тем же летом 1838 года Кенесары Касымов напал на Акмолинское укрепление и сжег его. У него не было возможности как-то скоординировать действия своих войск, и потому его эмиссары распределились по всем волостям, по всем родовым подразделениям, которые составляли основу Среднего жуза. Вместе с тем его эмиссары появлялись в районах, где кочевали рода Младшего жуза. Районы реки Тургай и более глубинные районы, примыкавшие к озеру Балхаш, к рекам Чу и Сарысу, становятся главной социально-политической базой отрядов Кенесары. Война, которую начал Кенесары и которая должна была стать войной за независимость всего казахского народа, шла очень трудно. В основном это были партизанские отряды, которые нападали на укрепления, стремились их захватить и сжечь. Отряды, которыми командовали сподвижники Кенесары, были немногочисленны и очень плохо вооружены, снабжение их было чрезвычайно трудным, и, по-видимому, разработать серьезную военную стратегию в этих условиях Кенесары не удавалось.

Тактика, которую использовал Кенесары в борьбе против казахских войск на территории Среднего жуза, была древней тактикой кочевников, которая заключалась в том, чтобы совершить мгновенное нападение и при первой же неудаче в рассыпном строю уйти в сторону. При этом можно было сохранить большинство своих воинов, не расходуя огромное количество боеприпасов. Известно, что кочевые войска пользовались в основном луками и стрелами, холодным оружием, различного рода кинжалами, булавами, саблями. И потому Кенесары Касымов очень удачно

применял тактику ведения боя, следуя этой старой тюркской традиции. Согласно этой традиции, военные действия должны были проводиться только в том случае, когда противник был явно деморализован. И поэтому эмиссары Кенесары Касымова в любых укреплениях стремились создать такую моральную обстановку, которая не позволяла бы противнику развернуться строем, задействовав все свои главные силы. Вместе с тем для Кенесары существовало и весьма важное выигрышное обстоятельство — российские отряды не знали степи, не знали ее географии, не знали всех тех защитных мер, которые могли применять кочевники на своей исконной земле. На это указывали в своих реляциях вышестоящему начальству многие из руководителей постов на местах, пикетов, а также более важные администраторы, составлявшие военное руководство Западной Сибири.

Движение под руководством Кенесары Касымова разворачивалось все шире. В 1837 году летом и осенью в его рядах находилось уже от восьмисот до трех — пяти тысяч повстанцев. В основном это были представители Среднего жуза. Отдельные волости, как их тогда называли в документах, или, точнее, родовые подразделения, родовые структуры Среднего жуза полностью попадали под власть Кенесары Касымова. Конечно, власть Кенесары не была достаточно демократичной, на то он и был потомком хана Аблая — природным чингизидом. По мнению Кенесары Касымова, необходимо было удерживать народ в тех рамках, в которых должен был действовать сам хан и его окружение. И потому некоторые родовые структуры были подвергнуты достаточно жесткому наказанию со стороны Кенесары, если они не подчинялись его воле или не выполняли его приказания. Об этом имеются различного рода свидетельства, которые говорят о том, что зачастую Кенесары Касымов поступал достаточно жестоко с теми приверженцами, которые не соблюдали военной дисциплины и уклонялись от военных действий. Но в то же время, если приближенные самого Кенесары превышали свои полномочия, он к ним также относился очень сурово. Еще в 1837 году Кенесары приказал своему брату Кушеку вернуть до последнего жеребенка отогнанных у кого-то лошадей, заявив, что тот прибыл не для баранты и грабежа, а освободить киргизский народ от ига русской администрации.

Западно-сибирский губернатор Горчаков дал достаточно объемное и четкое объяснение политическим планам Кенесары Касымова: «Мятеж сей тем опаснее, что свое грабительство названный султан прикрывает политической маской, обещая кайсакам возвращение их былой вольности. От того-то он имеет в киргизских степях столько сподвижников, обольщенных не одной выгодой легкой наживы, но и мечтой о

восстановлении древней их независимости». Опять-таки, давая достаточно объективную политическую картину самого восстания, того первоначального этапа, когда Кенесары являлся выразителем чаяний основной массы казахского народа, Горчаков не смог дать ему точную политическую характеристику. В нем возобладали взгляды царского чиновника. Конечно, казахи не гнались только за легкой наживой, напротив, как свидетельствуют письма Кенесары Касымова, очень часто сами казахи становились легкой наживой казаков.

Достаточно высокую оценку Кенесары в тот период дал такой важный чиновник, как М. В. Ладыженский. Он был председателем Оренбургской пограничной комиссии, имел хорошее военное образование, слыл даже либералом, любил интеллектуальные занятия. Кенесары, по его мнению, «был выше простого разбойника, гонявшегося по степи только с целью наживы, только за добычей. Кенесары Касымов не из тех людей, которые появлялись в степи и при небольших усилиях со стороны правительства исчезали, не оставляя после себя никаких следов. Он выше этих пришельцев и по происхождению, и по цели, и по способностям. Следовательно, пренебрегать им нельзя». Действительно, и в Оренбургской и в Западно-Сибирской администрации вынуждены были считаться с личностью Кенесары. При каждом удобном случае высылались разведчики, и, как правило, не только со стороны российской администрации или российских войск, но и из казахов, которых российская служба нанимала в качестве разведчиков.

Здесь мы встречаемся с тяжелым явлением, жертвой которого стал сам султан Кенесары Касымов. Это — конформизм среди казахов. И не только среди представителей обездоленных слоев, но и среди представителей знати, в том числе и высшей знати, которая руководила в то время Казахстаном.

Кенесары Касымов всегда сомневался, можно ли доверять тем представителям высших слоев казахского общества, которые не были близки к его фамилии и представляли собой крупных политических деятелей. Так, несмотря на то, что он в какое-то время сблизился с Чигеном Мусиным, в конце концов они все же разошлись. Главной причиной этого расхождения была решимость Кенесары Касымова вести борьбу за свою независимость и самостоятельность до конца и нежелание Чигена Мусина отрешиться от своих личных выгод. Несмотря на то, что Чиген был выдающимся бием своего времени и являлся значительной фигурой, он все же постоянно стремился сотрудничать с российскими властями, так как в его распоряжении находились многие тысячи голов скота. Царская

администрация разными способами отвлекала представителей отдельных социальных групп от сотрудничества и союзнических отношений с Кенесары Касымовым, который тем самым оставался в полном одиночестве. Одиночество Кенесары было настолько глубоким, что его не скрашивали даже его личная жизнь и отношения со своими родственниками. Да, по старым мусульманским обычаям он имел несколько жен, но самым большим его другом в семейной жизни была та самая Кунымжан, которая неразлучно находилась с ним и в дни радости, и в дни горести. Очень тесными были отношения Кенесары с сестрой Бопай, с братом Кучуком, с остальными братьями. В конце концов, даже царская администрация выделяла «это буйное семейство Касымовых». То есть все-таки Касымовы были несколько отдалены от всех других чингизидов, потомков Абылай-хана.

Также непросто складывались отношения Кенесары с известным златоустом степи, бием по своему назначению и духу, Мусой Чормановым, за которым стоял огромный род Каржас. Муса, по-видимому, был очень обеспокоен состоянием своих аулов, на которые в первую очередь падала тяжелая рука Западно-Сибирской администрации, и ясак, и дополнительные повинности. И чтобы сохранить своих людей, он, по настоянию администраторов, писал письма о местонахождении Кенесары, но при этом сильно колебался. Так, отмечается: «В донесении сем бий Муса Чорманов, между прочим, изъясняет, что он с киргизами, не видя себе никаких обид и притеснения от начальства, не имел никакой причины отложиться от Российского правительства, но был увлечен к тому силою, и что он склонил всех киргизов своей волости к возвращению обратно в здешний округ».

Для Мусы Чорманова это было трудное решение, таковы уж были призывы Кенесары, что борьба в степи принимала тяжелый оборот, где могли сложить свои головы многие батыры и бойцы.

Естественно, самым необходимым и значительным рубежом должен был стать захват Акмолинского приказа. Акмолинский приказ был как заноза в глазу, потому что именно оттуда распространялась вся та «зловредная» агитация, которую царские войска вели против Кенесары Касимова. Именно из Акмолинского приказа начинались самые суровые, самые тяжкие военные действия в тот период. Так, летом 1838 года на аулы Саржана Касимова напал отряд из пятисот казаков и убил четыреста человек. И в это же время из Акмолинского приказа вышла другая команда казаков, во главе которой был небезызвестный султан Коныркульджа Кудаймендин, и вынудила перекочевать родовые структуры куандыков и

суюндуков в количестве 2300 кибиток на свою сторону. Как писал впоследствии Кенесары Касымов, султан Коныркульджа «делал большие обиды им, и потому один из родов — тортуловцы бежали, при этом было убито 160 человек». А осенью 1838 года другая команда числом триста человек, выйдя из Кокчетавского приказа, разграбила двести аулов, положив на месте двести сорок человек, и «увлекла в плен жен и дочерей султанских». На такие действия нужно было отвечать, и отвечать немедленно. А если же понадобится — уничтожить Акмолинский приказ, и в том числе Акмолинский округ. И другие округа — Баян-Аульский, Каркаралинский, Кокчетавский — тоже будут сметены с лица земли восставшим народом, как предполагал Кенесары Касымов. Его предположения выливались в самые серьезные действия, и потому он решился летом 1838 года напасть на Акмолинский приказ и сжечь его. Кроме того, Акмолинский приказ представлял собой как бы гнездо его заклятого врага — старшего султана Коныркульджи Кудаймендина, и потому он решил ликвидировать это гнездо.

Наступление Кенесары началось 7 августа рано утром. Как правило, кочевники в этих случаях действуют очень энергично и быстро. Тысячи стрел полетели в сторону крепости, в ней начался пожар.

Атаковать хорошо сооруженное укрепление, которое создавалось на долгие годы из просмоленных бревен и могло противостоять ударам не только конных войск с луками и стрелами, но и артиллерийским орудиям, такое укрепление брать, конечно, было очень трудно. При взятии этой крепости отличился один из самых знаменитых героев Кенесары — батыр Басыгара. Его отряды начали отступать, но он бросился на врага и геройски погиб. Его тело не было оставлено повстанцами. Отряды батыров Агыбая, Имана и Наурызбая проникли в укрепление, начались жестокие бои внутри самой крепости, и уже к ночи отряды, руководимые старшиной Карбышевым и Коныркульджей, бежали из приказа. Крепость была взята. Кенесары Касымов отдал приказ о ее сожжении. Падение Акмолинского приказа, представлявшего собой мощное укрепление, изменило обстановку уже к осени 1838 года. Главным было то, что взятие и сожжение Акмолинского приказа стало примером для тысяч и тысяч откочевавших казахов. Отныне многие родовые объединения Младшего и Среднего жузов стремились по-настоящему объединиться в борьбе против врага. Наивысшей целью Кенесары Касымова, как уже говорилось, было создание независимого казахского государства, но вместе с тем одной из ступеней к созданию этого государства он считал объединение казахов этих обоих жузов. И потому к нему стекались тысячи людей из родов и Младшего и

Среднего жузов. Многие из них шли уже поздней осенью, в то время когда уже ведение кочевого хозяйства было очень сложным и трудным. Сибирские власти пытались остановить казахов, уговаривали: прошло лето, наступила осень, грозит морозами зима, куда вы, безрассудные, пустились в голодные степи. Однако несмотря на это, волости Акмолинского и Каркаралинского округов, а также часть волостей, которые относились к владениям Младшего жуза, во главе с Жоламаном Тленшиевым присоединились к Кенесары. Вместе с Жоламаном Тленшиевым прибыли представители Табынского, Таминского, Чеклинского, Чумекейского, Шектинского и некоторых других родов, отличающихся своей воинственностью. Кроме того, на борьбу Кенесары Касымова отреагировал вождь народного движения в Букеевской Орде Исатай Тайманов. Да, к осени 1838 года он был убит, но отряды, которые поднимались им на национально-освободительную борьбу, знали о движении Кенесары. Его сподвижник Махамбет Утемисов также внимательно наблюдал из хивинских пределов за действиями Кенесары Касымова. Правда, следует заметить, что многие из этих родовых структур пытались разузнать, каково же состояние самого Кенесары, чем он может их обеспечить. К сожалению, у самого Кенесары не было достаточных материальных возможностей, которые позволили бы ему тут же начать строительство своего собственного государства. Многие родовые правители, примкнувшие к нему, надеялись, что он окажет им свою весомую материальную помощь. Этого не происходило.

Кенесары Касымов, приверженный самой высокой идее, конечно, не мог не обращать внимания на материальное снабжение своих войск, ему нужны были новые пастбища, новые земли, необходимо было отвоевать у царизма все те земли, которые уже были отданы под строительство приказов, укреплений, пикетов. Кенесары считал, что прежде всего необходимо стать объединенным правителем родовых структур Младшего и Среднего жузов, и к этому он последовательно стремился, но в это время у него появился целый сонм противников. Сам Кенесары писал властям так: «Подведомственные Сибири киргизы: Коныркульджа Кудаймендин, Кулджан Кучуков Алтайского отделения, Аккошкар Кичкинтаев Карауловского отделения, Яукашар, правитель, принадлежащий к Оренбургскому ведомству киргизов, султан Ахмед Джантюрин Жаппаского рода, Джангабыл, Кукир, Бигиджан. Наименованные здесь восемь человек — нам злые враги». То есть он понимал, что именно эти султаны первыми возьмутся за оружие против него. Это действительно были уже те, кто, будучи предан царскому режиму, получил выгоды от него, кто был

защитником казачьих войск и казаков, располагавшихся в приказах. В своих бесчисленных донесениях противники Кенесары Касымова очерняли его и его действия. И потому очень часто архивные документы не всегда точно описывают то, что происходило на самом деле. К примеру, взятие того же Акмолинского приказа, так четко описанное в казахской литературе, никак не совпадает с теми описаниями, которые имеются в ряде архивных документов. Да, Кенесары Касымов часто отступал, но он вел войну такими способами, которые позволили бы ему сохранить своих людей, свои богатства. В реляциях же часто писалось о том, что Кенесары Касымов отступал, что эта шайка разбойников была так сильно поколеблена, что не могла потом прийти в себя. На самом деле, именно в 1938 году войска Кенесары Касымова стали действительно хорошо подготовленной армией. Именно дух Кенесары, дух предводителя, вождя, который видел впереди светлое будущее, этот дух стал воодушевлять его войско. И потому его отдельные герои, такие, как Басыгара-батыр, уходя в небытие, вместе с тем торжествовали на месте битвы, ибо их дух оставался. И потому Кенесары Касымову досталось там много побед именно в тот период. Хотя в отдельных реляциях и сообщалось о том, что было убито столько-то казахов, захвачено в плен такое-то количество людей, но дух победы витал над войском Кенесары Касымова и вселял надежду во многие роды и родовые структуры Среднего и Младшего жузов.

О подвигах и действиях Кенесары прослышали и батыры Старшего жуза, но, к сожалению, некоторые из них, те, кто были вождями народно-освободительной борьбы против российского колониализма, кокандского господства и против хивинцев, часто отходили от Кенесары, как-то не сближались с ним. Извечная степная вражда одного владельца к другому все-таки брала над ними верх. Такой получилась встреча Жанхожи Нурмухамедова и Кенесары Касымова, когда оба они как предводители народа, как вожди народа не сумели найти вместе согласованную линию. Но таких случаев было немного. К Кенесары Касымову тянулись отдельные батыры, в том числе такой известный в Младшем жузе батыр, как Жоламан Тленшиев, восстание которого имело также серьезные последствия уже в Западных регионах Казахстана. К этому времени Жоламан Тленшиев стремится напасть на Новую линию, которая была построена по приказу Оренбургской администрации при деятельном участии оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского. Таким образом, получалось, что движение охватывало почти всю территорию Казахстана и как раз в эти годы находилось на подъеме, что характеризует

восстание как антиколониальное, как самое значительное явление в казахской степи в первой половине XIX века.

Очень сложными были взаимоотношения Кенесары Касымова с В. А. Перовским. Перовский был правителем более осторожным и сильным, чем, может быть, другие генерал-губернаторы, и этим он нравился самодержцу. Исключительно одаренная личность, ловкий политик, всю свою энергию он направлял на осуществление планов самодержца Николая I по подчинению своему влиянию восточных стран, которые примыкали к России. Вот что писал о В. А. Перовском известный историк Оренбургского края Лобысевич: «Пользуясь особенным доверием государя, имея, стало быть, сильную опорную точку во всех своих действиях, граф Василий Алексеевич был особенно во второй период своего управления краем чрезвычайно смел, предприимчив и в высшей степени самостоятелен».

В. А. Перовский придерживался более либеральных взглядов, нежели другие администраторы, по отношению к восстанию Кенесары Касымова. И не потому, что хотел помочь, — он прекрасно понимал, что Кенесары Касымова не взять голыми руками, и для того чтобы обезопасить рубежи России, он пытался найти общий язык с Кенесары, даже взял его, как казалось, под покровительство.

Война, которую начал Кенесары Касымов, была борьбой не только ради каких-то политических устремлений, это была еще его личная война, в которой он должен был отстаивать наследие его далеких предков, в том числе деда Абылая. Да, Абылай завещал ему и всем своим потомкам самое главное, самое важное — сохранение независимости и суверенности Казахстана при любых обстоятельствах. Сам Абылай-хан дважды принимал чужое подданство — и Российской империи, и Цинской империи. Но при этом он оставался вполне самостоятельным и независимым правителем. Исторические обстоятельства и коллизии были таковы, что Абылай-хан не мог в то время создать независимое казахское ханство. Но его ханство, формально соблюдая вассальную зависимость, становилось все более независимым, проводя самостоятельную политику. Фактически внутри этого государства чужестранцы (имеются в виду Российская и Цинская империи) не имели полной юрисдикции.

В период правления Абылай-хана были открыты многие торговые пункты, через которые казахская степь вела торговлю, а также осуществлялась поставка товаров и для самой степи. Казахстан продавал овец, продукты скотоводства, предметы кожевенного производства, которые выделялись в казахских аулах. В то же время развивалась

торговля с Китаем. Абылай-хан в свое время построил в местечке Ирен-Кабырга торговый пункт, куда стекалось все близлежащее население восточного, северо-восточного и южного Казахстана. Именно через этот пункт шла оживленная торговля с Цинским Китаем. Вместе с тем обе державы, и Российская империя и Китай, не в состоянии были контролировать внутреннюю обстановку в государстве Абылай-хана. Формально подчиняясь обоим государям, Абылай вел независимую политику. Кенесары Касымов как бы считался полным наследником Абылай-хана, потому стремился создать государство, подобное тому, которое создал Абылай-хан. Работа по созданию государства Кенесары Касымовым велась с самого начала, когда он поднялся на борьбу с царизмом в районах Среднего жуза среди аргынов, кипчаков, а также в тех районах, в которые не могла проникнуть царская администрация. В основном это были верховья реки Тургай, низовья рек Чу и Сарысу.

Само место нахождения Кенесары и его ставки представляло собой стратегически важный пункт для осуществления его замыслов. Думая о своем будущем независимом государстве, он стремился пока сохранять силы, не совершал глубоких военных рейдов на территорию противника, ограничиваясь лишь тем, что сжигал пикеты и укрепления в Среднем жузе. Попыткой сжечь Акмолинский приказ, а также находящиеся рядом пикеты Кенесары Касымов не только стремился привлечь на свою сторону близлежащие родовые структуры, но хотел показать и свою способность бороться за собственную государственность. Он прекрасно понимал, что необходимо еще более жестко проводить политику Абылай-хана, так как к этому времени изменились не только сами политические обстоятельства внутри Казахстана и за его пределами, но другим стало и материальное обеспечение войск. Он смело изобличал Западно-Сибирскую администрацию, говорил, что они, как пиявки, высасывают кровь киргизскую, притесняют народ, а затем дарят им те земли, которые и без того принадлежат им. И даже саркастически спрашивал у председателя Пограничной комиссии М. В. Ладыженского: «Неужели у прежних государей не доставало аркана для измерения земли, не было леса для построек укреплений, не доставало силы делать притеснения?»

Уже позднее, в 1845 году, он писал оренбургскому губернатору Обручеву: «...всем минувшим злым делам предшествовала съёмка, постройка диванов (приказов) и выступление отрядов». Тем самым он четко давал понять, что именно строительство приказов, рекогносцировочные работы, которые проводила империя, являются самым главным насилием по отношению к свободолюбивым и вольным казахским

племенам Среднего жуза.

Кенесары Касымов в своей борьбе против имперской политики руководствовался несколькими военно-стратегическими принципами. Главный из них — создать такую обстановку, чтобы противник бежал с поля боя, нагнать на него такой страх, чтобы он никогда более не стремился углубляться в степь. И надо сказать, что Кенесары Касымов достиг здесь значительных успехов. Все документы пестрят свидетельствами того, что любые передвижения в степи — из приказа к пикету или из пикета к другому приказу, по дорогам, которыми ходили караваны — постоянно наталкивались на противодействия со стороны казахского населения, даже тех, кто находился в союзнических отношениях с российской администрацией. Эти же люди являли собой скрытую угрозу для казахских отрядов, которые теперь без сопровождения, без больших обозов не могли двинуться в глубь степи. Кенесары старался совершать все военные действия стремительно. Атаки его носили неожиданный характер.

Несмотря на это, повстанцы теряли большие силы. Многие из них, в силу того что не умели вести военные действия против хорошо вооруженных огнестрельным оружием отрядов, либо попадали в плен, либо гибли. Наконец, какая-то часть повстанцев, привлеченная поначалу призывами Кенесары о том, что они создадут процветающее независимое государство, увидев, какие лишения и трудности их ожидают, стала покидать ставку Кенесары. Это было для него самым большим поражением. Он стремился любыми способами их остановить: где угрозами, где плетью, а где и мирными уговорами, пытался привлечь на свою сторону новых повстанцев, но этому мешало несколько обстоятельств. Первое — это то, что он представлял свое независимое государство как продолжение той государственности, которую завещал ему его дед Абылай-хан. Но времена изменились, новая жизнь вторгалась в казахскую степь. Вместе с проникновением туда российских вооруженных отрядов, постепенно проникали и новинки цивилизации. Например, многие казахи к этому времени стали пользоваться косами, серпами, определенная интенсификация наблюдалась и в скотоводческом хозяйстве казахов. И потому многие казахские родовые структуры, в особенности те, кто повелевал родами, видели обреченность военной стратегии Кенесары.

Конечно, мы не вправе сегодняшним днем обвинять наших предков в том, что они в чем-то ошибались, чего-то не видели, чего-то не замечали. У каждого времени свои приметы. У каждого времени свои постулаты. Но самым главным и самым важным в движении была личность самого Кенесары Касымова, личности его сподвижников. И именно благодаря

этому его военные действия зачастую имели успех. Если бы не было рядом с Кенесары его братьев, не было бы Агыбай-батыра, не было бы того самого Жеке-батыра, который остался легендой и для сегодняшнего дня, военные действия Кенесары не приняли бы такой всеобъемлющий размах. Возможно, они стали первым шагом к обретению Казахстаном подлинной независимости. И только сегодня мы с гордостью можем сказать о том, что такие национальные герои, как Кенесары Касымов, стали действительно фигурами общенационального, общеказахстанского масштаба.

Отдельные свидетельства из документов того времени показывают: каждый киргиз, пользуясь случаем, готов был пуститься на грабежи и убийства, думая, что вся вина падет на людей Кенесары. Однако на самом деле это были единичные случаи. Между тем чиновники в каждом казахе видели лишь разбойника. И потому начальник сибирского таможенного округа в докладной записке министру финансов писал: «Не знаю, в какой степени это справедливо, но, по мнению моему, должно действовать сколь можно решительнее, чтобы не допустить поощрения для дикого народа к большим дерзостям». Для бюрократии весь тот народ, который сам выбрал свою единую судьбу, находился в той же стадии дикости, что и свой русский народ. Противники Кенесары считали, конечно, что он зря поднялся против столь могущественной царской власти. Но в конце концов и противники, и царская администрация стали считаться с Кенесары-батыром, потому что все его действия носили целенаправленный характер.

Многие волости не подчинялись Кенесары. А в то же самое время эти волости, эти родовые подразделения под руководством своих родоправителей, родоначальников постепенно уходили от налогообложения, от тех тяжелых повинностей, которые они должны были нести при российской бюрократии. Однако не менее легким, а может быть, даже и более тяжелым было налогообложение со стороны самого Кенесары. Цели этого налогообложения были, конечно, самые различные, но, несмотря на это, для вольнолюбивого степняка, который привык находиться наедине со своей степью, для такого человека любое проявление порядка, любое налогообложение, любая дисциплина в конце концов становились тяжелым испытанием. Не все прошли это испытание. Но многие родовые структуры, веря самому Кенесары, веря его личным достоинствам, действительно стали его сподвижниками.

Осенью 1838 года, уже собрав достаточно большое количество своих сторонников, Кенесары начал предпринимать серьезные действия как против Западно-Сибирской администрации, так и против Оренбургской администрации. Все эти действия носили двоякий характер.

Первое — для него было важно, чтобы власти научились с ним разговаривать, и постепенно власти научились с ним разговаривать, завязалась даже тесная переписка между Кенесары и генерал-губернаторами Горчаковым и Перовским. Эти генерал-губернаторы были разными людьми, но их объединяла одна цель — борьба с Кенесары Касымовым. Горчаков стремился решительными действиями создать такие условия, чтобы Кенесары Касымов либо сам сдался, либо был захвачен в плен. В то же время Перовский достаточно долго вообще открещивался от состояния дел в Средней орде. Почему так происходило? Да потому, что между этими обоими ведомствами, и Оренбургским, и Западно-Сибирским, проходила очень большая межевая граница. Эти генерал-губернаторы считались почти независимыми, оба были наделены большими полномочиями, оба были крупными личностями.

Используя противоречия между Западно-Сибирским и Оренбургским ведомствами, Кенесары стремился укрепиться сам, и в то время это являлось для него выходом. Главное, он мог, играя на противоречиях, уходить в те районы, которые находились в зоне соперничества этих двух генерал-губернаторств, — в районы Улутау и приграничные районы кочевья между Младшим и Средним жузами, которые, в конце концов, были и независимыми. Вместе с тем Кенесары Касымов рассчитывал, что его борьбе против российской администрации поможет соперничество Горчакова и Перовского. Если, например, Горчаков применял к сподвижникам Кенесары суровые карательные меры, то Перовского как бы не касалось, что какой-то там мятежник и киргизский султан Кенесары Касымов ведет борьбу против Западно-Сибирской администрации. Когда же Кенесары начинал вести военные действия против Оренбургской администрации, Западно-Сибирская считала, что это их личное дело, поскольку докладывать наверх о том, что мятеж принимает общеказахские масштабы, не стоило и заикаться. Таким образом, отряды Кенесары Касымова благополучно уходили в те районы кочевания, которые находились в глубине казахской степи и фактически не попадали ни под чью юрисдикцию. Поэтому можно говорить о том, что Кенесары Касымов в конце концов создал какое-то небольшое государственное объединение — свое, которое было независимым. Хотя, разумеется, независимость эта была призрачной.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЙНЫ

В целом лукавый, генерал-губернатор Оренбургского края Василий Алексеевич Перовский был очень способным человеком и любил окружать себя талантливыми людьми. Он общался с Пушкиным и Жуковским. Был знаком с той плеядой поэтов и писателей, которые составляли гордость России того времени. Кроме того, будучи генерал-губернатором Оренбургского края, В. А. Перовский привлек к работе в этот край такого знаменитого уже в то время писателя, выступавшего под псевдонимом Казак Луганский, как Владимир Даль. Он стремился показать, что является носителем просвещения, что дух просвещения всегда будет витать над Оренбургским краем. И среди его чиновников действительно были такие люди, которые внесли замечательный вклад в изучение истории края. Обстановка просвещения в Оренбурге привлекала к Перовскому внимание всей России, и потому, зная, что вверенный ему край становится одним из самых значительных краев России в социальном, политическом, хозяйственном отношении, он стремился, конечно, оказать сильное воздействие и на Кенесары Касымова.

В одном из своих посланий к Кенесары В. А. Перовский писал: «Из доставленных ко мне председателем пограничной комиссии генерал-майором Генсом писем ваших к нему я с удовольствием видел, что вы изъявляли готовность предстать перед начальством и оправдать себя в невинности, что хотите повиноваться начальству и что желали бы видеться с генералом Генсом. Имея много просьб, я поручил генералу Генсу указать вам место для вашего кочевания и узнать о ваших просьбах, какие вы имеете, чтобы сделать вам удовлетворение». В. А. Перовский в этом письме говорит, что он указал место для кочевания. А мы прекрасно понимаем, что местом кочевания для Кенесары должна была стать вся степь, свободная от каких-либо чужеземцев и чужестранцев. Поэтому в самом начале взаимоотношения между Кенесары и Перовским не сложилась та линия поведения, которая вывела бы их на путь мирных переговоров. Все шло к тому, чтобы Кенесары оказался все-таки в подчинении у В. А. Перовского, в подчинении у начальства Оренбургского края без каких-либо материальных издержек, без каких-либо военных действий. Вот самое главное кредо Перовского в борьбе с Кенесары.

В свое время Кенесары Касымов был суров. Осужден высшими чинами империи за то, что он поднял бунт против государя императора. И

потому одним из важнейших действий В. А. Перовского должно было стать ходатайство перед высшими чинами империи об амнистии по отношению к Кенесары. Письмо Кенесары о покаянии он отправил военному министру А. И. Чернышеву и вице-канцлеру К. В. Нессельроде, прося о помиловании Кенесары Касымова. «Приложено при этом письмо мятежного султана Кенесары Касымова ваше сиятельство может рассмотреть и усмотреть, что он безусловно ищет милости его величества и желает покориться установленным властям, если только на него будет распространяться милость государя», — писал Перовский. Если считать, что В. А. Перовский писал искренне, то какая это была ошибка! Говорить о человеке, который оказал сопротивление и стал вести борьбу против царского режима целенаправленно, системно, без всякой надежды на победу в создании своего независимого государства, что он просит милости у его императорского величества, — это было огромным политическим заблуждением Перовского. С другой стороны, если Перовский это писал в надежде, что Кенесары сложит оружие под впечатлением его благородных действий, то и на этот счет он очень сильно ошибался. Во-первых, он не понял тогда характер самого восстания, как и характер лично Кенесары. Воочию видя приверженцев Кенесары, а их постепенно доставляли в Оренбург, и наблюдая за поведением Кенесары в этот период, В. А. Перовский думал, что перед ним все-таки не борец за свободу, со своими идеями и идеологией, а просто один из многих барымтачей, желавших показать свое удальство. И уж совсем не в состоянии он был понять логику этих людей, которые пошли на огромные жертвы ради одного только принципа свободы и независимости. Таких людей с пути не могло сбить ничто, и потому, конечно, такие вот письма со стороны оренбургского генерал-губернатора, обласканного царским величеством, были или наивны, или лукавы. На наш взгляд, и эти письма, и эти уговоры Кенесары со стороны Перовского были все же большим лукавством. Оренбургский генерал-губернатор таким путем надеялся полностью освободиться от ответственности за восстание, которое охватывало все большую территорию, и от возмездия, которое неминуемо должно было ждать его за потворство бунтовщикам и мятежникам.

Конечно, Перовский понимал, что борьба против мятежа необходима. И потому первоначальным его действием было привлечение хотя бы в определенной степени на свою сторону Кенесары Касымова и его приверженцев. Но кроме того, Перовский хорошо понимал, что необходимо вести военные действия не только против самого Кенесары Касымова, но и взять его в военные клещи, из которых он уже сам не выйдет.

Но на этом пути у Перовского была самая большая опасность — со стороны Хивинского ханства. И потому, ведя переписку с Кенесары Касымовым и как бы считая его своим союзником, а, может быть, в определенной степени и единомышленником, Перовский в то же время очень деятельно и энергично готовился к походу на Хиву. В тайных замыслах Перовского об этом походе, конечно, Кенесары Касымов играл важную роль. Во-первых, он должен был стать заслоном для российского войска, во-вторых, уже своими определенными действиями он мог создать такую обстановку, когда российские войска могли бы продвинуться в Хиву без единого выстрела.

Таковы были замыслы В. А. Перовского в конце 1838 года. Но замыслы замыслами, а время текло — не в пользу Перовского, не в пользу Кенесары.

К весне 1839 года Кенесары становится самым влиятельным лицом казахской степи. Именно к нему обращены были взоры не только таких высоких покровителей, как В. А. Перовский, но и взоры центральноазиатских правителей — бухарского эмира, хивинского и кокандского ханов. Так что Кенесары становился фигурой большого масштаба. Вся цент-ральноазиатская политика каким-то образом теперь должна была быть связана с действиями Кенесары, и Кенесары стал действовать. Под его контролем оказались все торговые линии, которые велись от Сибирской линии и Троицка в Ташкент. Это давало, с одной стороны, источники доходов для материального обеспечения его войск, а с другой — оказывало большое воздействие на те государственные структуры Центральной Азии и России, которые были очень заинтересованы в торговле.

Весной 1839 года Западно-Сибирская администрация начала действовать. К начальнику сибирских киргизов пришло предписание, в котором перечислялся целый ряд мер против повстанцев. Одна из этих мер — необходимость заручиться поддержкой лояльных администрации родоправителей и султанов и любыми способами привести аулы, откочевавшие к Кенесары, вновь в подданство администрации. И вменялось также огласить обращение генерал-губернатора Горчакова ко всем родовитым казахам.

В обращении говорилось, что Кенесары Касымов в начале своего выступления обещал низвергнуть военные посты и учреждения, но это у него не вышло: «Но что воспоследовало с обольщенными: лишившись постоянных кочевков, потеряв многочисленные стада, в нищете остаются они по местам бесплодным, или, разоренные последствиями своего

легкомыслия, являются с покорностью, испрашивая от тех властей, коих избегали; между тем как русское воинство не утратило ни единого пикета и в скором времени жестоко накажет упорствующих».

А разве сожженные пикеты, наконец, сам Акмолинский приказ и Актауское укрепление не свидетельствовали о грозной силе повстанцев?! Лукавил генерал-лейтенант Горчаков, и сильно лукавил.

Обещал он также наградить тех, кто был на стороне власти, а тех, кто не подчинился — жестоко наказать. Наверное, такие обращения имели для степняка обратную силу, а только богатеющей знати они были на руку — можно угодить властям и поживиться в суматохе. Кенесары к этому времени группирует вокруг себя множество казахов из Среднего и Младшего жузов для открытия военных действий весной 1839 года. И тогда в ответ на действия Кенесары Касымова, уже действительно полномочного, но еще не легализованного властелина, В. А. Перовский высылает против него отряд под командованием войскового старшины Лебедева. Отряд разгромил аул дяди Кенесары — султана Абдуллы Аблаева. Разгром был страшен. Пятьсот лучших казаков на отличных конях огромной лавиной обрушились на аул, в котором насчитывалось до сотни кибиток. В этом нападении было до 50 убитых и захвачен сам султан. В качестве добычи отряду Лебедева досталось 679 лошадей, 132 верблюда, 102 единицы рогатого скота и более 2 тысяч овец.

Лебедев после этого решил догнать и самого Кенесары, и его отца Касыма, но не смог из-за сложной природной обстановки. Один из немногих противников Кенесары, Лебедев очень хорошо понимал, что ведение степной войны требует тщательной подготовки, а захват большого количества скота, основы казахского хозяйства, ведет неминуемо или к гибели кочевников, или к изъятию подобострастной покорности. После этого он был вынужден возвратиться на линию. После чего Лебедев, один из лучших знатоков ведения степной войны, проинформировал Перовского о том, как надо вести военные действия против Кенесары Касымова, что необходимо предпринимать и как эти военные действия должны происходить в условиях Тургайской степи и в целом Центрального Казахстана и его южных регионов.

Перовский старался создать необходимые условия для того, чтобы полностью покорить Кенесары. Об этом свидетельствует донесение председателя Оренбургской пограничной комиссии Ладыженского: «Довести Кенесары до добровольного принятия верного соблюдения условий полагаемых законами подданства в места кочевания, которые предложено нам разрешить». Примириательные решения Перовского по

отношению к повстанцам объясняются, конечно, не столько желанием Перовского действительно помочь восставшим, а тем, что В. А. Перовский все лучше и лучше понимал ту ситуацию, которая складывалась вокруг Казахстана, восточных владений и в целом в самой Российской империи. И Кенесары принял эти условия: он начал вести переписку с Перовским и очень часто заявлял, что не намерен воевать с Россией, что он всегда жил с русскими дружно. Он писал: «Я, султан Кенесары, со времени деда моего Абылая жил с русскими дружно как со своими братьями. Но причина, побудившая меня ссориться с ними, та, что жители Омска и Петропавловска не давали нам спокойствия. Приехав к сей стороне, объявляю, что я никогда не был врагом России, о чем и прошу довести до сведения высшего начальства».

Так ли был наивен Кенесары, что был готов встретиться с начальством? Нет, конечно. Кенесары был готов сразиться с любыми военными силами империи. Но в то же самое время он прекрасно понимал, что борьба с империей, с ее многочисленным воинством в лице казачества, армии, кавалерии, артиллерии в конце концов могла привести к гибели. И потому он искал для себя союзника, который мог бы по крайней мере держать нейтралитет по отношению к его государству. Главной мыслью Кенесары в этот период, как и во все остальные, вплоть до его трагической гибели, было создание самостоятельного казахского государства, казахского ханства, которое могло бы войти в мировую политику, в мировую цивилизацию. Кроме того, у Кенесары была и другая общенациональная задача — он хотел полностью объединить всех казахов вокруг своего ханского титула. Да, он хотел создать независимое и процветающее государство. Но под его главенством. Он знал, что для этого необходимо иметь и хорошую материальную базу, и хорошее вооружение, и мудрых политиков, и замечательных ученых, если надо, то и иметь очень хороших союзников. И это государство, которое он уже начал закладывать, должно иметь в союзниках такого губернатора, каким был Перовский.

У В. А. Перовского были, конечно, иные цели, но вместе с тем ему, по всей видимости, импонировал сам характер Кенесары. Легенда о Кенесары разнеслась по всем уголкам степи. Все считались только с ним. Все рассматривали его как фигуру номер один во всем Центральном регионе.

Другие отношения складывались у Кенесары с Западно-Сибирской администрацией. Горчаков считал, что в лице Кенесары бунтует лишь мятежник, которого надо уничтожить любыми средствами. Вот что писал он Перовскому: «В число моих желаний отнюдь никогда не входило вмешательство в управление племенами киргиз-кайсаков Оренбургского

ведомства. Все мои стремления клонятся к одной цели — оберегать пределы моего генерал-губернаторства от нападения хищнических шаек, от Кенесары Касымова, мятеж которого тем опаснее, что свое грабительство султан прикрывает политической маской, обещая кайсакам возвращение былой вольности. Оттого он имеет в киргизских степях столько сподвижников, обольщенных не одной выгодой легкой наживы, но и мечтой о восстановлении былой древней независимости».

Таким образом, Горчаков был полной противоположностью Перовскому. Горчаков считал, что в борьбе с Кенесары был только один ответ, — это оружие. Со своей стороны он, конечно, был прав, потому что, как ни печально, но все восстания, которые поднимались в борьбе за свою национальную независимость, в итоге всегда подавлялись только оружием. Привлечение на свою сторону руководителей этих восстаний, как правило, кончалось большой неудачей. И даже, рассматривая письма, которые посылал Кенесары к нему со своими послами, он писал: «Не признавая приличным входить в переговоры с первым виновником беспорядков в степи, а тем более подавать малейший повод надеяться, что они могут предлагать государю императору какие-либо условия, кроме неограниченной покорности, оставил я письмо Кенесары без ответа». Именно таким было отношение Горчакова и Западно-Сибирской администрации к Кенесары. Когда против Кенесары посылались карательные отряды, они действовали против тех аулов, которые были рядом с Кенесары, находились на нейтральной полосе. Это и настраивало против них все казахское население. В войске Кенесары как раз наблюдался приход именно тех родовых структур, которые подвергались карательным действиям со стороны отрядов, высылаемых против Кенесары.

Весной 1839 года на подавление аулов самого Кенесары был выслан отряд под командованием полковника Горского, который разгромил их и отогнал весь скот. И потому аулы, примкнувшие к Кенесары, стремительно уходили вглубь, в пески, в степи, стремились перекочевать в глубинные районы, в Каракумы. Здесь сосредоточено было огромное количество скота, но из-за нехватки пастбищ начался его падеж.

В этот период большое количество аулов отошло от Кенесары, у него осталось не более тысячи сподвижников, тех, самых верных людей, которые постоянно находились рядом с ним, поддержали его и выстрадали вместе с ним идею независимости.

Кенесары старался найти и в этом случае общий язык со всеми. Он постоянно направлял своих людей с письмами в Западно-Сибирскую администрацию, чтобы она узнала, каковы его намерения и каковы его

главные цели.

Кенесары Касымов постоянно убеждался в том, что необходимо иметь очень хорошие отношения с администрацией, для того чтобы вести непрерывную партизанскую войну. Он так писал: «Уже девять лет, кроме непрерывного преследования, никакой милости и снисхождения с вашей стороны нет. Прежде всего мы послали посла с письмом, заключавшим просьбу нашу. Вы изволили вознегодовать на посланное и пустили содержать его под арест. Это мы не принимали себе в обиду, а в доказательство покорности нашей, и после того еще послали два письма. Но вашего ведомства старший султан и волостные управители у посланных людей отбирали лошадей, а письма сожгли, не допустив до вас. Потеря надежды получить какие-либо милости со стороны начальства Сибирского края была причиною отложения и измены нашей в течение нескольких лет». Это он писал впоследствии, но, естественно, самая главная причина, которой, по всей видимости, даже не осознавал иной раз и сам Кенесары Касымов, была борьба за независимость, за самостоятельность, за создание общенационального территориально-целостного Казахстана. Именно эти позиции были неприемлемы в первую очередь и для Горчакова, и для Перовского. Если Перовский стремился облечь свою политику в более дипломатические формы, старался привлечь на свою сторону Кенесары, имея при этом материальные издержки, то Горчаков в ответ на это посылал карательные отряды под главенством своих командиров и под руководством тех султанов, которые были противниками Кенесары Касымова.

Воинская администрация тем временем и все те, кто был ответственным за укрепление Оренбургского края, — это и Пограничная комиссия по управлению казахами, и дистанчные линейные начальники, и чиновники по отдельным и особым поручениям — все они вели между собой секретную переписку, чтобы постоянно знать о положении дел в степи и во что бы то ни стало ликвидировать разбойничьи шайки, чтобы, наконец, Кенесары и его сообщники полностью покорились Оренбургской администрации. И потому применялись и карательные меры, и дипломатические шаги.

Осенью 1839 года Кенесары и его отряды напали на один из аулов, подчиненных Чубаркульскому пикету, где находился и казачий отряд. Нападавшие разорили аул и угнали значительное количество скота. Хозяин аула, зажиточный казах Текебай Кобедин, просил покровительства властей.

Такие нападения повстанцев не были единичными, хотя и не носили системного характера. Что ж, война есть война, и не всегда являлись справедливыми действия повстанцев, но таковы были обстоятельства.

Вместе с тем к 1840 году обстоятельства сложились иначе. В начале 1840 года Кенесары Касымов получил, наконец, амнистию. И в определенной степени это означало, что его признают теперь владельцем, непокоренным, мятежным, но все-таки владельцем. Во-вторых, в начале 1840 года в степях Казахстана, в особенности в районе Улутау, появляются те, кто был вместе с его отцом. В 1840 году погиб его отец Касым Абылаев, султан Абылаев, как писалось в официальных документах.

Отец Кенесары Касым Абылаев, конечно, тоже был фигурой, довольно значимой в борьбе против Оренбургской и Западно-Сибирской администраций. Кроме того, Касым Абылаев вел борьбу за создание независимого Казахстана не только против царских властей, но и против тех султанов, которые сотрудничали с администрациями и были передаточным звеном между колониальной администрацией и эксплуатируемым народом. И именно в семье Касыма Абылаева жил и воспитывался Кенесары Касымов. И потому, конечно, гибель отца вызвала у него массу эмоций и негодования. И, кроме того, он стал действительно готовиться к борьбе против хивинцев и кокандцев.

Внезапное нападение ташкентского бека на Касыма, отца Кенесары, сделало свое дело. Мирные переговоры, которые вел Кенесары с Оренбургской администрацией, в какой-то степени увенчались успехом. В начале 1840 года было подписано перемирие как со стороны Кенесары, так и со стороны генерал-губернатора В. А. Перовского. Конечно, Перовский прекрасно понимал, что после такого разорительного хивинского похода, который был им совершен так неудачно зимой 1839/40 года, необходимо было успокоить каким-то образом Оренбург, а также, с другой стороны, степь.

Председатель Оренбургской пограничной комиссии Гене обратился со специальным письмом к Кенесары, в котором спрашивал: верно ли обвинение, предъявляемое к нему Горчаковым? Горчаков же считал Кенесары только хищником и разбойником. В ответ на это Кенесары писал: «После манифеста государя императора никогда против России не восставал, справедливость моя в этом случае известна многим. Враги мои меня осуждают, я готов предстать перед начальством и заверить, что я совершенно не виновен. Враги мои не терпят меня и хотят, чтобы я не был в близком отношении с вами».

Не успокаивался и султан Касым — в конце 1839 года его людьми была взята Ак-мечеть и разгромлено кокандское войско в количестве двух тысяч человек. Сам же султан перекочевал в район реки Чу. Эти действия султана Касыма стали ответными на действия ташкентского кушбеги,

который обобрал аулы Касыма и Кенесары в виде зякета и заставил эти аулы кочевать в районе гор Каратау.

Конечно, необходимо понимать, что Кенесары Касымов в борьбе за создание своей государственности должен был проводить какие-то свои мероприятия, которые были тесно связаны с мирной жизнью, с мирной обстановкой. Однако многие аулы, которые примкнули к нему в начале 1840 года, подверглись джуту. Тысячи людей остались без крова, многие фактически оказались без тех старых своих перекочевков, на которые они опирались в быту. То есть полностью была нарушена стабильная, нормальная хозяйственная жизнь внутри тех родовых структур, которые примкнули к Кенесары. И поэтому он пошел на мирные переговоры.

Естественно, большинство людей тогда считало, что Кенесары Касымов остается лишь мятежником и хищным разбойником. Но в то же время и Горчаков, и Перовский уже не могли теми военными силами, которые у них имелись, справиться с ним.

Вызывать новые военные силы для борьбы с человеком, который на протяжении нескольких лет будоражил всю степь и имя которого находилось на устах у главных вельмож империи, означало и угрозу их служебным карьерам. И потому они стремились справиться с Кенесары своими силами, внутренними способами, которые применяли каждый по-своему. Могли быть выдвинуты значительные силы, однако никто не знал, куда же двигаться, куда вести войска, потому что рекогносцировочные работы, опять-таки из-за войны с Кенесары, были остановлены. И фактически глубинные районы Казахстана, с территории которых Кенесары постоянно совершал свои нападения на казачьи отряды и на регулярные войска, оставались белым пятном на географических картах Российской империи. И потому высшее руководство империи также не могло послать против Кенесары значительные вооруженные силы.

А известная тактика ведения партизанской войны — неожиданное появление нескольких десятков или сотен человек и исчезновение их через некоторое время в глубинных степных районах — вела только к одному: к мирным переговорам. И переговоры начались, как раз и Перовский желал этого. Переговоры увенчались успехом не только для Кенесары, но и для Оренбургской администрации. Кенесары дал обещание прекратить всякие вооруженные нападения на приграничные районы, и это перемирие продолжалось вплоть до 1842 года. На некоторое время и Кенесары, и Оренбургская администрация получили передышку в борьбе друг против друга. В этот период борьба начала принимать более дипломатический, более политический характер.

В то же время для Кенесары наступили сложные времена. Ему необходимо было заручиться поддержкой не только российских властей, которые в какой-то степени давали надежду на то, что в будущем появится государство Кенесары Касымова, но также и тех, кто шел против политики самого Кенесары Касымова. Это были те самые роды, которые перекочевали в его ведение, а потом откочевали в Кокандские, Хивинские и Бухарские пределы. Эти роды по-своему воспринимали восстание, для них Кенесары был лишь только существенной материальной поддержкой. Однако начиная именно с этого времени они стали испытывать сильнейший гнет со стороны кокандских, бухарских и хивинских феодалов, и потому на сторону Кенесары вновь перекочевывали очень многие казахские роды. Но многие игенши, которые находились в бассейне Сырдарьи, не пошли за ним. Почему? Во-первых, это были земледельцы, оседлые люди, и подчиняться фактически кочевому государственному устройству Кенесары они не захотели. Во-вторых, сложились довольно трудные условия в самом государстве Кенесары. Хотя необходимость материального снабжения, возможность обеспечения хлебом, продуктами земледелия в целом имели для Кенесары очень важное значение.

Положение самих повстанцев было тяжелым. Изредка Кенесары Касымов совершал набеги на враждебные ему теперь волости. Как подчеркивали те, кто бежал от Кенесары: «Сами войска изнурились, некоторые на худобе лошадей прибыли в аулы в исходе только прошлого месяца». А это были трудные зимние месяцы 1840 года. В то же время перекрывались пути перекочевков для повстанцев. Конуркульджа даже предложил свою помощь по уничтожению повстанцев. При этом он просил у своего начальства дополнительную военную помощь, намекая, что если не подготовиться как следует к ведению новых военных действий, то вообще не удастся поймать ни Кенесары, ни его отряды.

Вообще, когда многие аулы начали отходить от Кенесары, он даже подумывал уйти в Хивинские или Кокандские пределы. И потому, кажется, у него зрели новые планы по восстановлению того своего положения, которое было у него несколько лет назад. Одним из таких планов были новые нападения на Акмолинский приказ или на Актауское укрепление. Война есть война, она требовала все новых жертв. К тому же отец, которому он так верил, попал в плен к Ташкентскому кушбеги. Поводом послужило то, что султан Касым имел сношения с Хивой. Вместе с ним попал в плен и брат Кенесары — Кучук, и даже воинственная сестра Бопай. Чтобы их захватить, был выслан отряд в 300 человек и еще 200 человек для поимки самого Кенесары. И потому, а, может, еще и вспомнив победы

своего деда, Кенесары переместил свою основную базу в районы рек, а точнее, урочищ Белеуты и Буланты, где была одержана одна из побед Абылая в XVIII веке. А подчиненные Кенесары, набирая джигитов до 500 человек, снова и снова нападали на теперь уже враждебные им аулы. В этих боях был схвачен и один из родственников Кенесары — его племянник Нурхан Самекин. В 1840 году Западно-Сибирские власти решили достаточно большими силами привести степь в порядок. Отряды под командованием опытных офицеров должны были, во-первых, провести разведывательные работы по созданию новых укреплений, во-вторых, остановить перекочевки из Кокчетавского и Акмолинского приказов, в-третьих, возвратить перекочевавших и, по возможности, их наказать, в-четвертых, прикрыть верные правительству аулы, в-пятых, приблизиться к горам Каратау, чтобы затем уже предпринять действия по поимке повстанцев и разгрому их основной базы.

При таком раскладе во время нападения на повстанцев захватывался скот как главная материальная ценность, притом в огромных количествах. В целом за весь 1840 год было захвачено свыше 10 тысяч баранов, а также лошади и верблюды, и тем самым отрезалась важнейшая для Кенесары возможность вести дальнейшую войну — материальное обеспечение.

В тактике Кенесары в этот период наблюдается очень непростое, но необходимое направление. Он налаживает глубокие связи с родами Младшего жуза — чумекеевцами, торткаринцами и шектинцами. Родоправители пошли на соглашение с Кенесары при том условии, что он не будет на них нападать. При этом все согласились возвратить и возвратили угнанных у аргынов лошадей и другой скот. Но, как водится у казахских родовых воротил, Ахмед Джантюрин уверил власти в том, что это только хитрость Кенесары и что ни в коем случае нельзя обольщаться его действиями, направленными на перемирие. Для того чтобы перемирие было обоснованным, Кенесары обратился с письмами к Оренбургской администрации и просил наградить султана Абулгазы Касымова, своего брата, и освободить Губайдуллу Валиханова, указывая, что последний не имеет к его движению никакого отношения. Уже немного позже, по-видимому, зная, как к нему относится Ахмед Джантюрин и какие он имеет отношения с Оренбургскими властями, Кенесары Касымов направил письмо председателю Оренбургской пограничной комиссии Генсу. В этом письме он указывал на все военные операции, которые проводились по отношению к повстанцам начиная с 1835 года и при этом подчеркивал: «Я не приглашал к себе никаких родов. Сибиряки, выезжая беспрестанно в степь, грабили и убивали людей как своего ведомства, так и степных

киргизов, отчего пошли толки, что я, Кенесары Касымов, вооружился против Сибирской линии».

Такое отношение Кенесары ко всем, и к властям, и к родам Младшего жуза, а в это время наблюдаются его контакты с такими крупными родоправителями, как Есет Котибаров, постепенно приводит многих казахов к мысли избрать Кенесары ханом.

В сложившихся условиях Кенесары должен был предпринять самые важные действия своей жизни — стать ханом, и притом всех казахов. Для этого у него, конечно, были легитимные основы как у внука хана Абылая, законного правителя, который еще в XVIII веке легитимно короновался на ханство. Легитимно были коронованы и его следующие наследники, а одним из последующих наследников Кенесары полноправно считал себя. Легитимность этого намерения не подвергалась никакой ревизии. Но избрание его ханом было связано с очень сложными обстоятельствами. Во-первых, он хотел стать ханом всех казахов Младшего, Среднего и Старшего жузов. Ханство его должны были признать и Хивинское, и Бухарское, и Кокандское ханства. Тем самым, получалось, что не в первую очередь, конечно, но его должны были признать и российские власти. Именно на это были нацелены действия Кенесары в конце 1840-го и в 1841 году. В сентябре 1841 года ханство было принято, и, как отмечают свидетели, Кенесары Касымов, при стечении значительного количества народа, был поднят на белой кошке как действительный хан, по всем правилам народного избрания.

На ханство его возводили в основном родовые объединения Среднего и Младшего жузов, но присутствовали также представители Старшего жуза, которые находились под властью кокандцев. На ханство подняли его такие роды, как жаппасы, чумекеевцы, торткаринцы, алчинцы, аргыны, найманы, баганалинцы и все другие роды — найманов, кипчаков и аргын. Фактически весь Средний жуз и Младший жуз признали Кенесары законным ханом.

При избрании Кенесары ханом часть родов Младшего жуза попросила его не указывать на то, что он хан, чтобы не подвергаться дополнительным репрессиям со стороны режима. И когда В. А. Перовский спросил в письме Кенесары, действительно ли он является ханом, Кенесары лукавил и сказал, что он им не является.

У Перовского были свои замыслы по отношению к Кенесары, и в октябре 1841 года он пишет ему письмо, упрекая Кенесары в том, что тот нападает на владения Бухары и тем самым ставит себя в сложную ситуацию, так как Бухара независима от России, а он, Кенесары, все-таки

является российским подданным. И еще, добавлял Перовский, если Кенесары полностью раскается, то будут освобождены и Нурхан Самекин, его племянник, и другие его видные сподвижники.

Для легитимного государя, каким был избран Кенесары осенью 1841 года, необходимо было признание со стороны каких-нибудь государств или государственных объединений. И с этой целью Кенесары начинает возобновлять свои отношения с различными центральноазиатскими государствами. Наиболее значительные, почти дружественные отношения Кенесары сохранял с Хивинским ханством. Почему именно с Хивинским? Необходимо вспомнить, что на хивинском престоле в течение длительного времени, и в XVIII веке, и даже в первой половине XIX века, постоянно находились представители чингизидов из казахской ветви. Конечно, они не были очень значительными правителями. Как правило, феодальные группировки Хивы руководили ими и старались оказывать на них свое воздействие. Притом это воздействие было ужасающим. Некоторых из этих правителей специально спаивали, некоторых приобщали к наркотикам и те становились настоящими наркоманами, а некоторых, выражаясь современным языком, заставляли быть чрезвычайно сексуально активными. И такими правителями можно было крутить как угодно. Тех же правителей из казахской ветви чингизидов, кто отказывался проводить старую политику, выгодную хивинским феодалам, обычно очень быстро заменяли или убивали.

Кенесары Касымов стал искать общий язык с хивинским правителем Аллакули-ханом, который на хивинском престоле отличался довольно большой хозяйственной и политической деятельностью.

Аллакули-хан был напуган военными действиями, которые предпринимала Россия в конце 1839–1840 годов. Зимний хивинский поход В. А. Перовского окончился неудачей, но этот поход показал, что Россия теперь широким фронтом стремится попасть в центральноазиатские пределы. В 30-40-е годы XIX века торговля между центральноазиатскими государствами и Россией очень быстро росла. Вместе с этим рос и авторитет России внутри этих ханств. Несмотря на то что в дела Центральной Азии очень активно вмешивались имперские круги Великобритании, Россия активизировала свою торгово-экономическую и политическую игру на центральноазиатском плацдарме. Постоянно посылались разведчики и значительные караваны. Но неудача некоторых караванов, снаряженных частными лицами — купцами, которые затем были разграблены самими хивинцами и, кроме того, огромная часть пленных русских, которая попадала в хивинские пределы, вместе с тем

политическая нестабильность внутри этих государств, которые, кстати, являлись крупными поставщиками сухофруктов, различного рода восточной экзотики на российские рынки, — все это в совокупности привело к тому, что Россия устремилась на Восток и на Юг. Для российских правящих кругов такие государства, как Хива, Бухара или зажатые со всех сторон кочевые племена казахов, составляли единое понятие азиатов. И в Азию, в лучшем случае, необходимо было внести свои просветительские идеи. При этом очень часто на страницах печати указывалось, что диких азиатов необходимо приобщать к прогрессу путем освоения Российской империей их территорий. В некоторых публикациях говорилось о том, что азиаты сами не понимают тех выгод, которые перед ними расстилаются в связи с расширением проникновения России в азиатские пределы. Необходимо сказать о том, что российская демократическая общественность оказывала и в то время свое положительное влияние на дела политиков в центральноазиатских регионах. Свидетельством тому является и деятельность Перовского на посту оренбургского генерал-губернатора.

Как уже отмечалось, в его команде находились известные деятели русской культуры, такие, как В. И. Даль, историк-востоковед и публицист В. В. Вельяминов-Зернов. В. А. Перовский в какой-то степени оказывал содействие и ссылке Тарасу Шевченко, но это уже было в годы его второго губернаторства. Однако в тот момент Перовский, как понимающий и зрелый политик, очень хорошо представлял положение своего Оренбургского края, который находился в сложной кризисной ситуации, и потому снаряжение различного рода войск для борьбы с Кенесары было для Оренбурга очень разорительным. Это понимал и Кенесары. И потому, как легитимный монарх, он решил соединить свою судьбу на это время с Хивинским ханством. Но Аллакули-хан был также обеспокоен состоянием своего ханства. Он как серьезный политик понимал, что Оренбургское начальство, которое предпринимало такой масштабный поход против хивинцев, никак не успокоится. Кроме того, военная мощь России была на устах у многих. И потому Аллакули-хан разрешил Кенесары кочевать лишь в тех пределах, которые не являлись бы спорными для России. Кроме того, Аллакули-хан уже самостоятельно отправил 416 пленных в российские пределы. Тем самым он давал понять российскому правительству, что Хива очень дружески настроена по отношению к Российскому престолу.

Кенесары хоть на какое-то время получил возможность маневрировать в самых южных пределах Оренбургской администрации и в пределах Хивинского ханства, где, как известно, жили в основном казахи Младшего

жуза. Это шекты, джагалбайлинцы, чумекеи. По отношению к тем казахам, которые исконно занимались земледелием, хивинский престол был неумолим — постоянно собирались баснословные налоги, и фактически земледельцы-казахи, в особенности по берегам Сырдарьи, оказывались в полной нищете. Вместе с тем в хивинских пределах была очень сложная обстановка среди различных социальных слоев: давление высших вельмож ханства, поборы со стороны самого хана и др.

Причиной этих противостояний было и то, что в Хивинском ханстве преобладали средневековые феодальные порядки и менталитет. Наиболее значительную власть, как духовную, так и светскую, имели феодалы, от которых местное население, состоявшее из узбеков, каракалпаков, казахов-игенши, терпело угнетение. И именно в те годы начинается борьба сырдарьинских казахов за свои права. Поначалу она носила характер жалоб, а потом уже многие казахи-игенши, объединенные под руководством Жанхожи Нурмухамедова, проявляли различные формы недовольства политикой хивинских ханов. Таков был союзник Кенесары в начале 40-х годов. Сам Кенесары решил в это время подготовить свои войсковые соединения для дальнейшей борьбы с другим среднеазиатским ханством — Кокандом. Кокандское ханство, которое было образовано в конце XVIII века, к этому времени отличалось большой политической активностью и военной агрессивностью. Несмотря на то что кокандский хан в силу социально-политического устройства внутри государства был немного слабее, чем хивинский хан или бухарский эмир, он постоянно вел агрессивные войны против этих государей. У Кенесары были свои счеты с Кокандским ханством, вся его сознательная жизнь протекала при противоборстве с ташкентским кушбеги, тем вассалом, который являлся более значительным и более опасным для казахских степей, чем сам хан.

К началу 1844 года расстановка сил в регионе была достаточно сложной. Прекрасно понимая, что теперь Кенесары Касымова невозможно будет поймать без применения крупных вооруженных сил, администраторы из Оренбурга, в том числе генерал-губернатор Обручев, и администраторы из Западной Сибири, в том числе генерал-губернатор Горчаков, ясно и четко понимали — необходимо прекратить бунт. Но, как водится, в бюрократических системах разрабатывались сложнейшие планы, писалось большое количество докладных, рапортов, но с места ничего не сдвигалось. Как раз эта бюрократическая система, которая довлела над каждым человеком Российской империи, сыграла свою значительную роль в деле борьбы с Кенесары, и в то же самое время Кенесары прекрасно пользовался ее недостатками.

Первые неудачи 1843 года, когда Кенесары со своими отрядами как истинный степняк неожиданно налетел на русские отряды, дали возможность администрации из Оренбурга, в том числе и генерал-губернатору Обручеву, сменить войскового старшину Лебедева, стоящего во главе различных отрядов и в целом во главе военных действий против Кенесары.

На место войскового старшины Лебедева, прекрасно владеющего обстановкой, знающего, как и где можно пройти войскам, не потерпев ущерба, и, кроме того, привнесшего такие большие нововведения, как замена тяжелых верблюжьих обозов легкими повозками, был назначен полковник Дуниковский.

Дуниковский был порождением той же самой военно-бюрократической системы, и по старой чиновничьей выучке хорошо понимая, как лучше всего угодить начальству, решил осуществить различные преобразования и показать, что господин Лебедев не в состоянии был справиться с Кенесары Касымовым. Во всех докладных записках постоянно указывалось, что вор и разбойник Кенесары со своей шайкой вот-вот должен быть пойман или, поддавшись на уговоры властей, должен получить подданство Его Императорского Величества. Кроме того, в военных планах Западно-Сибирских, а заодно и Оренбургских властей намечались весьма существенные меры по обузданию не только самого Кенесары, но и по наведению соответствующего порядка во внутренних районах Казахстана. Рвение было налицо.

Неуловимый Кенесары Касымов наводил ужас на все бюрократические и военные структуры. Так замечательно начавшаяся административно-территориальная реформа все чаще и чаще давала сбои, и потому были запланированы и осуществлялись различного рода действия военных отрядов, которые назывались экспедиционными, а на самом деле выполняли чисто карательные функции. И именно в этот период в казахстанских степях укреплялась та единая военно-полицейская структура, которая господствовала до Октябрьской революции.

Военный режим стремился показать себя в самом лучшем свете. Это по документам. На самом же деле это отзывалось унижением инородцев, их приравниванием к людям второго сорта в империи, хотя мы прекрасно знаем, что в период правления Николая I к людям второго сорта относилось почти все население Российской империи. И несмотря на утверждения современных историков, будто Николай I прежде всего заботился о создании единого мощного и неделимого государства, на наш взгляд, характеристика, данная ему величайшим гением русской литературы Львом

Толстым, что это Николай Палкин, все-таки является истинной. Наряду с высшими чинами Российской империи такую же палочную дисциплину внедряли и руководители на местах, особенно это относится к Оренбургскому краю и Западной Сибири. И в ответ на это такие фигуры, как Кенесары Касымов, вожди других национально-освободительных движений, стремились любыми способами, в первую очередь всеобщей и широкомасштабной войной, противодействовать этим порядкам.

В нынешние времена ведется множество дискуссий о том, что Российская империя была мощной и хорошо организованной державой, которая к тому же объединяла самые разные народы. Но состояние этих народов было очень тяжелым. Свидетельством тому являлись постоянно вспыхивающие в том или ином уголке империи движения, восстания, локальные недовольства или региональные бунты. Возникли эти движения и в казахских землях. Еще в первой половине XVIII века, когда Россия видела Казахстан как врата в азиатские страны, а высшие слои казахского общества в лице его отдельных ханов и султанов стремились принять подданство Российской империи, ряд представителей народа постоянно выражал недовольство этим.

Известно, что Абулхаир-хан, принявший в 1731 году подданство, до этого просил о нем неоднократно. И всякий раз его клятвы и заверения поддерживающих его казахских ханов наталкивались на противодействие со стороны империи. Единственное, что удерживало империю в этих районах, это перспектива получения различных материальных благ. В то же время такие выдающиеся политики, как Абылай-хан, другие известные правители степи, принимая подданство, стремились сохранить свою независимость.

В начале 1844 года в стенах Оренбургских крепостей, в Омском окружном правлении была четко поставлена цель — разгромить мятежников и во что бы то ни стало покорить неуловимого и неудержимого разбойника Кенесары. И Обручев, и Горчаков прекрасно понимали, что теперь наступило время жестокой войны, в которой не может быть двух равных противников — один из них должен стать пленником или уничтоженным, а другой — победителем.

Опора на различные военные подразделения, в особенности на казачьи, которые сами испытывали тяжелейшие страдания в незнакомой среде, были опутаны различными налогами, не так уж хорошо вооружены и слабо владели военной стратегией, уже казалась недостаточной. Поэтому важным моментом было привлечение на эту войну различных армейских частей. Армия в России всегда пользовалась огромным уважением. Она

была единственной мощной силой, которая могла противостоять всем бунтам и должна была стать единственной опорой престола. В XVIII веке этой опорой была гвардия, но и она, по мнению царствующей особы, не стала средством защиты царской власти, свидетельством чему был декабрьский бунт 1825 года. И потому теперь Николай I старался опираться именно на армейские части. И, как водится, мнение императора очень быстро проникло в более низкие сферы политики. В особенности рьяно эта политика стала проводиться на обширных пространствах Оренбурга и Западной Сибири.

Однако в армии была своя собственная стратификация. Кроме высших и младших офицеров, очень хорошо подготовленных, закончивших военные училища, в армии находилась также огромная масса рекрутированных крестьян, которые испытывали тяжелейший гнет со стороны армейского начальства. Любые попытки вольнодумства или неподчинения могли сурово наказываться, и потому в этой темной и в то же время очень энергичной массе проявлялось одно закономерное явление — считать врагами всех, кто противостоял престолу, отечеству и церкви. Их действия нередко заканчивались полным разорением аулов, которые, конечно, испытывали всевозможный гнет и со стороны своих султанов и родовых правителей. В своем письме губернскому секретарю Сотникову Кенесары как раз указывал на действия родовых воротил: «Между тем подведомственные вам киргизы, желая у вас выслуживать, объявили нам, что русские идут на нас, а вам показали, что Кенесары собрал отряд с намерением разбить их». Тем самым Кенесары четко указывал на степных старшин. А результат таких наущений был плачевным.

К этому времени в самом казахском обществе проявились те многие черты, о которых мы говорили, а именно унижение, и потому массы людей поддерживали именно тех родоправителей, тех султанов, которые шли на войну с царизмом.

В войске Кенесары Касымова наблюдались тенденции различного характера. Как уже отмечалось, нужно было, чтобы независимое и самостоятельное казахское государство встало на ноги. Этого не получилось. Кенесары Касымов пытался во что бы то ни стало военными действиями против царских войск закрепить на тех территориях, где он мог бы создать свое самостоятельное ханство. Вместе с тем Кенесары старался как можно лучше снабжать именно ядро своих войск и отдельных своих сподвижников. По некоторым документам, у него во владении находилось до 3 тысяч лошадей, и напрашивается вопрос: а так ли были необходимы в личном распоряжении эти многочисленные и хорошо

вскормленные табуны лошадей? Нам кажется, что они составляли основу того материального обеспечения, без которого не могло дальше двигаться войско. И при любом налете на укрепления или пикеты отряды восставших обычно выходили вместе со своим провиантом, взятым у Кенесары, вместе со своим обмундированием, добытым Кенесары, и вместе со своими лошадьми, которые давал им Кенесары Касымов.

Многие документы отмечают, что на войну, как правило, войска Кенесары шли «о двухконь» и достаточно редко «одноконь», то есть имелся постоянный запас лошадей для неуловимой и быстро текущей партизанской войны. И потому неуловимый разбойник Кенесары наводил ужас на степных воротил в лице противников-султанов и вызывал беспокойство чиновников военного и гражданского ведомств.

Основной район, где обитал Кенесары, это и верхнее течение Иргиза, и места, прилегающие к Тургаям. Именно там Кенесары имел хорошую материальную базу, и именно туда, как и в былые годы, стекались к нему огромные массы народа. В эти районы стремились не только сторонники военных действий против властей, но и просто разбойники. Многие из них пользовались именем Кенесары как прикрытием для нападений и грабежей. Но Кенесары прекрасно был осведомлен обо всем, что происходило в этих районах, имея своих лазутчиков и верных людей в каждом из родовых подразделений. Однако против Кенесары все больше настраивалась та часть кочевников, которая протестовала против очень тяжелого налогообложения, которому он подвергал их как сторонников нового самостоятельного государства. Иного выхода у Кенесары не было.

Для того чтобы укрепить государство, необходимо было иметь мало-мальски значимую казну. Это Кенесары считал самым важным козырем в борьбе с режимом. И потому зимой 1843/44 года были проведены некоторые мероприятия, для того чтобы материальное положение кочевого хозяйства улучшилось. Но, к сожалению, эти районы не могли прокормить большое количество людей и скота. Известно, что скот в казахском скотоводческом хозяйстве находится только на подножном корму. Каких-либо орудий труда для заготовки сена казахское кочевое хозяйство не применяло, и не потому, что казахи были очень отсталые, — ведение хозяйства во многих степных и полупустынных районах не позволяло применять какие-либо интенсивные методы.

Многие роды, примкнувшие к Кенесары, и в особенности родоначальники, стали проявлять свое недовольство, которое выражалось в повторных откочевках, в непослушании, в недостаточно дисциплинированной службе в армии. Кенесары понимал, что те методы

управления, которые применял Абы-лай-хан в середине XVIII века, к этому времени уже устарели, нужно было действовать по-иному. Его новые методы включали жесткий контроль над каждым повстанцем, над его жизнью, наконец. И в этом плане, конечно, некоторая часть повстанцев была недовольна.

Как мы предполагаем, в это время стали проявляться какие-то классовые противоречия, но они еще не были столь разрушительны и сильны, как впоследствии. Все же и Кенесары, и его помощники, и его ближайшее окружение, и широкие народные массы стремились к единой цели — к созданию своего собственного государства. И потому все раздоры и разногласия, которые царили в лагере Кенесары, были пока затушеваны. Идеологи Кенесары, такие, как знаменитый поэт Доскожа, в своих песнях постоянно возвеличивали хана, его личные достоинства, его воинские подвиги. И эти песни становились духовными гимнами для тех, кто пошел за Кенесары. Наконец, надо отметить, что Кенесары часто принимал и справедливые решения в отдельных спорах. Это выражалось в том, что он не поддерживал тех своих родственников, которые превышали свои полномочия, стремились обогатиться за счет других. Наивное понимание справедливости. Как мы знаем, справедливость не могла торжествовать ни в этом общественном устройстве, ни в каком-либо другом. Только мощный научно-технический прогресс и просвещение могут привести к справедливым и взаимовыгодным отношениям в обществе. Но степняки, столь наивно и глубоко верившие в справедливые и важные решения самого хана, стояли за него горой. И потому Кенесары именно в это время, в суровую зиму 1844 года, начал хорошо понимать, кто является его опорой.

Прекрасные места Улутау и верховьев Тургая, горные долины, которые могли вскормить тысячные табуны лошадей, все эти прекрасные урочища и земли с отличными водопоями почти не принадлежали Кенесары и его войску. Прозорливо и практически полагаясь лишь на удачу, он стал понимать, что только военные мероприятия, как с его стороны, так и против него казачества и армейских частей, станут началом основных действий в этих прекрасных областях казахской степи. И потому Кенесары старался именно той зимой создать свои вооруженные силы, эффективность которых должна была быть выше, и намного выше, чем у правительственных войск. Однако и правительство не дремало. В рамках борьбы с Кенесары стали составляться весьма действенные планы по закрытию всех путей и дорог, которые позволили бы ему действовать стремительно и вольготно. Отряды, которые должны были заблокировать

Кенесары со стороны гор Улутау, с их северных отрогов, из Орска и из долин Тобола, должны были остановиться на Тургае. Однако такие действия военных отрядов могли стать возможными только с наступлением весны, а пока совершались отдельные рейды.

В январе 1844 года отряд под командованием Рыбина, пытаясь отрезать Кенесары от выгодных пастбищных мест, нападает на его аулы. Этот план окружения Кенесары с различных сторон был разработан еще летом 1843 года. Оренбургской администрацией было приказано тем же Баймухамеду Айчувакову, Арслану Джантюрину и одному из злейших врагов Кенесары Ахмеду Джантюрину присоединиться к отряду полковника Бизянова в степи, к войскам Дуниковского в крепости Орской и соединиться всем вместе на вершинах Тобола. И не случайно эти действия были намечены на лето. Почему? Да потому, что именно в конце августа — сентябре в этих районах набирают свою силу живность и лошади, становясь важным материальным подспорьем для населения. Стратегические приготовления военных и в том числе султанов-правителей не имели результатов. Кенесары все так же был неуловим и не пойман. Но в отношении того, чтобы нанести ему тяжелый материальный и моральный урон, эти отряды добились своего. В одном из донесений сообщалось, что в какой-то из стычек был ранен султан Наурызбай, один из самых ближайших и любимых батыров Кенесары. Кроме того, в это же время был задержан ближайший сподвижник Кенесары султан Абулгазы. Да, Ахмед Джантюрин мог праздновать свою победу.

Но была ли настоящей победой султана Джантюрина, или это было его глубочайшим поражением? Хотя поражение султана Джантюрина было впереди, но именно с лета 1843 года и он, и Арслан Джантюрин, и Баймухамед Айчуваков начали понимать, что Кенесары уже стал явлением, таким же, как и они — султаны-правители. Волей-неволей приходилось признавать за Кенесары его особенное положение владыки, и потому шли бесконечные доносы в Оренбург о том, чтобы с корнем вырвать Кенесары и его сподвижников.

Постоянно сотрудничавший с властями Ахмед Джантюрин был доволен. Он сумел в какой-то степени нейтрализовать Кенесары Касымова, кроме того, нанес ему очень тяжкую обиду и, наконец, он как одно из самых значительных лиц степи был обласкан Оренбургской администрацией. Как раз в это время он заседает на всех подчиненных ему родоправителей и роды, чтобы собрать как можно больше налога.

Осенью и зимой Кенесары также энергично собирает подати с различных родов, ведет сбор зякета и ушура. Ушур и зякет — два налога,

которые истинно верующие мусульмане должны были платить в казну.

Кроме того, Кенесары старался постоянно вести такую политику, при которой материальная база его движения могла бы расти. Так, в первую очередь он постоянно налагал штрафы на те родовые объединения и отдельных лиц, которые не выказывали уважения к нему и к его государственному устройству.

Некоторые родоправители, особенно известный в той части степи Ахмед Джантюрин, писали в своих доносах, что Кенесары бесчинствует. Однако нередко Кенесары собирал налоги в таком размере, чтобы и для местного населения, в самих аулах, что-то оставалось. С некоторых родов, например с рода жаппас, он взыскал зякет до двух тысяч баранов, но сверх того с этого же немногочисленного рода взыскал еще двести верблюдов и двести лошадей в качестве штрафа за то, что они летом не оказали ему содействия и отказались участвовать в его походах. Кенесары действовал в рамках тех законов обычного права, которые в свое время были утверждены биями многих поколений и, наконец, эти законы были очень действенны в условиях кочевой степной цивилизации. В этом случае о самоуправстве Кенесары говорить нет необходимости, как военный стратег он прекрасно понимал, что те роды, которые были его противниками в летних боях и операциях, не могли стать союзниками через несколько месяцев. И потому он не разрешал кочевать отдельным родам в тех пределах, которые были за фактическими границами его самостоятельного объединения. Так, например, тем же жаппасцам он не позволил кочевать близ Сырдарьи, заведомо понимая, что они в любую минуту могут оказаться на стороне противника.

Но таковы уж степные обычаи и стеное злословие, что Ахмед Джантюрин в своем докладе указывал на то, что Кенесары Касымов, пользуясь своим положением высокого начальника, стремится создать благорасположение для своих родовых структур. Эти доносы Ахмеда Джантюрина, являющегося одной из самых серьезных фигур в Северном Казахстане, имели своей целью поссорить Кенесары с Оренбургской администрацией. И, наоборот, вызвать ненависть Оренбургской администрации к восставшим. В это время ставка Кенесары находилась в районе Джездинских гор, в районе Улутау, где он сохранял самые дружественные отношения с одним из родов баганалы найман.

Этот род, в большинстве своем совсем недавно перекочевавший из Восточного Казахстана, был настолько в дружественных отношениях с Кенесары Касымовым, что именно его Кенесары считал своим первым боевым заслоном. И на то были основания: во-первых, баганалинцы

постоянно поддерживали Кенесары материально, снабжали лошадьми, зачастую и многими ремесленными изделиями; во-вторых, их хорошие отношения с повстанцами и деятельное участие в восстании позволили Кенесары оставить за их спинами самую большую свою драгоценность — собственный аул. Этот аул располагался на довольно значительном пространстве, в него входили как и первые его юрты, так и юрты его старшей и младшей жен. Небезынтересно, что в мусульманской традиции каждый добропорядочный мусульманин мог иметь четыре жены, если для этого имелись основания и возможности. Зная, что жизнь его может оказаться не очень длинной, Кенесары Касымов был женат несколько раз, но самое большое место в его жизни занимала старшая жена Кунымжан. Именно она была его другом, советчиком, тем близким человеком, с которым он разделял свои мысли и свой быт. И именно Кунымжан стала той косточкой раздора, которая поселилась в самом ауле Кенесары. И не потому, что не поладили младшая и старшая жены, а потому что она стала объектом охоты для царских властей.

В январе 1844 года по секретному указанию одного из военных чинов был создан отряд для проведения карательных операций против аула Кенесары. Командование этим отрядом было поручено есаулу Рыбину. Пройдя разведкой и узнав, где примерно находится аул Кенесары Касымова, есаул Рыбин начал свой поход с района озера Кургальжин. Это озеро располагалось недалеко от Акмолинского приказа, и отряд Рыбина, разведав, что аулы Кенесары Касымова находятся в районе Джезды Кенгира, направился туда. По дороге через ту же разведку он выяснил, что ставка самого Кенесары находится совсем недалеко. Войска Кенесары в этот момент допустили большую промашку. Заведомо зная, что дружеские отношения между баганалинцами и Кенесары являются незыблемой основой их безопасности, туленгуты вышли навстречу отряду Рыбина, думая, что это отряд Кенесары. Как пишется в документе, сбив неприятеля с лошадей, казаки спешили и штыками закончили начатое дело — «три аула, встретившиеся нам на пути следования, из которых один принадлежал Тявне и Торсуну Апассовым, заключавшие в себе до 60 кибиток вместе с принадлежащими этим султанам туленгутам родственниками подверглись той же участи». И далее: «Все эти частные распоряжения производимы были есаулом Рыбиным с мужественным хладнокровием и необыкновенным присутствием духа. Способности его, знание своего дела вполне заслуживают внимания начальства и достойной награды».

При нападении на аул самого Кенесары была ловко использована такая

ситуация. Весь отряд был собран в одну колонну, окруженную казахскими джигитами, которые проявляли лояльность к российскому престолу, а впереди колонны были выставлены пушки. Распустив знамя, похожее на знамя Кенесары, они скорым шагом направились к аулу. Естественно, защитники аула, увидев впереди казахов да еще со знаменем Кенесары, ничего не заподозрили. И они были разгромлены отрядом есаула Рыбина. И, как отмечается далее, едва ли одна треть жителей спаслась бегством. Таким образом, аул Кенесары был подвергнут насильственному нападению, при котором большая часть его населения погибла. А любимая жена, советчик и друг Кенесары Касымова — Кунымжан попала в плен к российским властям.

В ответ на эти действия, которые повлекли за собой пленение его самых близких родственников, Кенесары написал губернскому секретарю письмо, которое было передано не из рук в руки, а следующим образом: группа всадников от Кенесары подъехала близко к российским войскам, бросила на землю пакет и ускакала. В своем письме Кенесары писал: «Вы разбили наши аулы, поразили жен и детей. Взяли в плен старую мою ханшу. Какое же сделали мы преступление, чтобы заставить вас поступить таким образом? Но я не сержусь на это, и не за женой теперь приехал, а для окончания переговоров, которые я с вами начал». И, взывая к нравственным чувствам, он писал далее: «Если справедливы, то отдайте нам назад взятых вами в плен женщин и примиритесь с нами. За утоления злости и в этом веке и в будущем веке получите спасение, если нет, то пусть весь грех и все пролитые ими слезы останутся на душе вашей». Конечно, эти письма остались без внимания. И тогда Кенесары решил силой воздействовать на власти, кроме того, у него зрело желание мести за поругание его самых ближайших людей.

Такие успехи окрылили Оренбургскую и Западно-Сибирскую администрации. И потому был разработан план, по которому Кенесары и его люди в районе Тургая должны были быть взяты в окружение, чем полностью отрезались пути их отступления.

Весной 1844 года в бескрайние степные просторы были снаряжены три отряда — от крепости Орск, от гор Улутау и от реки Тобол в районе кочевания родов Кенесары, — которые должны были действовать сообща. Первый отряд под командой есаула Лебедева, второй отряд — под командой сотника Фалилеева, а общее командование войсками было возложено на генерал-майора Жемчужникова. Третий отряд под командой Ахмеда Джантюрина должен был выступить со стороны Тобола и 29 мая соединиться с отрядом войскового старшины Лебедева.

Но, как правило, в бюрократической среде никакие сроки в точности не соблюдались. Отряд Лебедева, вышедший вовремя из места своей дислокации, двигался энергично и быстро и подошел в назначенное время. В верховьях Иргиза этот отряд встретился с отрядом Ахмеда Джантюрина. Лебедев, хорошо знакомый с ведением степной войны, соединившись с отрядом Ахмеда Джантюрина, вышел в район Тургая и фактически отрезал пути отступления Кенесары на юг в Каракумы. Но сибирский военный отряд, который должен был примкнуть к этому времени к отряду Лебедева, не подошел. Лебедев, в отличие от многих военных деятелей хорошо знавший последствия ведения степной войны и имевший в своем распоряжении очень большое количество лазутчиков, шпионов, перебежчиков, решил на обратном пути разгромить некоторые мятежные аулы. Но напал он на аул бия Байкадама, вверенного Оренбургским властям. И тогда Оренбургские власти отстранили Лебедева от командования. На его место, как уже отмечалось ранее, был назначен полковник Дуниковский, который никак не мог понять, почему большие военные соединения не могут справиться с шайкой некоего Касымова, провозгласившего себя ханом, и то без ведома администрации.

Как продукт чисто кабинетных планов, Дуниковский тут же отменил все те новшества, которые изобрел Лебедев и которые давали ему большое преимущество. Лебедев наладил четкую шпионско-разведывательную сеть, которая была полностью уничтожена Дуниковским. Вместо этого он решил взять себе в советники только тех высокородных султанов и знаменитых родоправителей, которые, как он думал, относились к его задаче, к его личности и в целом к царскому правительству с большим почтением и искренностью. На самом деле этого не было, и, по сути, отряд Дуниковского и он сам оказались в полном неведении относительно расстановки сил, когда вышли в этот поход. Это позволило Кенесары совершать постоянные нападения на своих противников, брать в плен казаков, крестьян, захватывать скот и вовремя уходить с добычей в районы своих ставок. Однако как ни медленно двигался господин Дуниковский, все же в середине июля он оказался уже недалеко от аулов Кенесары.

Как отмечают многие военные обозреватели того времени, Дуниковский проявил удивительную беспечность, и это ему оказало очень плохую услугу. Кенесары, постоянно ведя разведывательные бои и держа противника в боевом напряжении, сам не терял надежд, нападая на разные аулы приверженцев режима, угоняя оттуда скот и т. д. В это время у него назрело решение одним махом отомстить властям и всем тем, кто пособничал властям, за плен своей жены и своих близких. И, как

свидетельствуют историки того времени, в ночь, когда весь отряд спал беспечным сном младенца, Кенесары напал на лагерь, перерезал всех султанов, их детей, биев и почетных ордынцев чиновного авангарда и, оставив в живых только двадцать человек раненых, вернулся в степь. Среди убитых были султаны: Искандер Талкуджин, Санали Мурзагалиев, Мухамидьяр Биченов. Разумеется, в донесении самого Дуниковского писалось о том, что отряд потом очень быстро начал наступать на мятежников и как бы рассеивать их по степи. На самом деле полковнику Дуниковскому следовало бы признать, что его отряд потерпел серьезное поражение. Кроме того, именно в эти летние месяцы Кенесары Касымов со своими единомышленниками постоянно нападает на аулы противника, разоряет их, угоняет скот, убивает людей. Наконец, многие аулы вынуждены были откочевывать за линию фронта.

В ряде документов писалось о том, что при каждом нападении Кенесары с ним была тысяча воинов, а в некоторые моменты даже до четырех-пяти тысяч человек. Именно в эти летние месяцы Кенесары Касымов находился в зените своей славы. Во-первых, он теперь был полновластным ханом, который распоряжался судьбами своих подданных, во-вторых, он теперь был и всемогущим ханом, который мог противостоять русскому оружию, царским чиновникам и даже генералам. Известно, что отряд Дуниковского должен был соединиться с отрядом генерал-майора Жемчужникова. Таким образом, против вора, разбойника и мятежника, которого в какой-то степени не принимали всерьез, были посланы наиболее важные военные чины, среди которых был и генерал-майор Жемчужников. А фактическое поражение Дуниковского, то есть возвращение его из похода ни с чем, сыграло свою роль. Теперь Западно-Сибирские власти, так же как и власти самой империи, были весьма озабочены действиями Кенесары Касымова. Отныне это был не локальный герой, герой местных легенд, — это был действительно мятежник и бунтарь, которого необходимо было быстро ликвидировать. А то, что его четыре-пять тысяч вооруженных сподвижников, умело ведущих партизанскую войну без огнестрельного оружия, могут стать серьезным препятствием при дальнейшем продвижении войск, прокладывании торговых путей, хорошо поняли золотопогонные офицеры. Поражение одного из противников Кенесары Ахмеда Джантюрина вызвало в среде казахского общества огромное уважение к самому хану Кенесары.

Но военное счастье очень мимолетно, и потому уже в сентябре 1844 года Кенесары обращается к председателю Оренбургской комиссии генерал-майору М. В. Ладыженскому с просьбой о возвращении его

плененных родственников. Да, в этом письме видно, что Кенесары Касымов как бы даже извиняется перед тем самым Ладыженским, которого он в свое время мог даже третировать. Изменились обстоятельства, изменилась за это время и сама жизнь. В сороковые годы XIX века Россия стремительно выходила на передовые рубежи в борьбе за колониальное господство. И эти рубежи не были приграничными или завоеванными, как вновь приобретенные территории, — это были рубежи политические, экономические, это были рубежи абсолютизма, который достиг наивысшего своего расцвета в период правления Николая I.

Кенесары в своем письме решил использовать уловки восточного правителя: он пишет, что такие люди, как Баймухамед Айчуваков, Арслан Джантюрин и Ахмед Джантюрин, не сумели совершить нападения на него и его людей, но и они этим не оскорбились, не рубились саблями и не стреляли в них, дабы не прогневать царя. Это была еще одна небольшая хитрость. Понятно, что царь совершенно не одобрял Кенесары, понятно, что и Кенесары это знал. Однако упоминание царя не помешало бы ему и на этот раз. Тем самым он противопоставил такие могущественные фигуры степи, какими были Баймухамед Айчуваков, Ахмед Джантюрин и Арслан Джантюрин, самой администрации. Указал Кенесары и на то, что Лебедев разгромил в селе аулы батыра Байкадама, как он пишет, «близкого мне человека», после чего «мне оставалось предположить, что милость надобно ждать от одного бога, от русских начальников ее не дождешься. Потому я решился кое-что сделать». А решился Кенесары ни много ни мало, как довести свою просьбу о том, чтобы ему дали возможность спокойно жить, до самого императора. При этом один из подчиненных администрации мулла Яманчин должен был выступить посредником.

Уже к сентябрю 1844 года Кенесары находился в затруднительном положении. Как показали некоторые лазутчики из казахов, которые всегда выискивались, в ведении Кенесары имелось всего до 300 кибиток, то есть аул Кенесары был к этому времени уже совсем небольшим, и, как пишут, при нем состояли султаны: Чукбут, Кудайменды, Иржан и Наурызбай, также простые киргизы, называемые батырами: Джике, Джанайдар, Сатек и Чокман. Это были самые близкие люди Кенесары, его сподвижники и единомышленники, оставшиеся в народной памяти. Так, например, именем Жеке-батыра и до сих пор в горах Кокчетау называется одна из скал. Необходимо сказать, что имена всех этих батыров и таких людей, как Ержан, Наурызбай, Кудайменды, стали нарицательными и постоянно упоминаются с именем самого Кенесары или его других сообщников.

В том же сентябре 1844 года Кенесары получил ответ от М. В.

Ладыженского, к этому времени уже председателя Пограничной комиссии и известного в тех краях человека. Ладыженский писал, что Кенесары сам виноват в том, что ему не оказывается никакого содействия со стороны ни Сибирского, ни Оренбургского ведомств: «Вспомните, что за восемь лет перед этими противозаконными действиями вашими в орде Сибирского ведомства в течение трех лет нарушался порядок. Целый округ, дотоле богатый, обнищался, скитались по местам бесплодным, много погибло людей, много утратилось достояния ваших соплеменников, отклоненных от должного повиновения законной власти». Но что это была за власть такая законная, которая постоянно обирала людей посредством налогов и повинностей, при любом удобном случае совершала нападения на казахские аулы. В своем письме Ладыженский заявлял, что он не в состоянии оказать содействие Кенесары в получении каких-либо милостей со стороны государя императора. Вместе с тем Ладыженский указывал на то, что за благопристойное поведение многие родоначальники получают поощрения от царских властей, за особые заслуги награждаются медалями, различного рода премиями. Ладыженский, разумеется, не упоминал о том, что все эти родоначальники, все эти подвластные султаны большей частью получали свои награды за счет коррупции, взяточничества, за счет подкупа чиновников самых различных рангов — от простых подношений до великолепных коней, которых они дарили чиновникам. В своем письме М. В. Ладыженский полностью отказывал Кенесары в том, чтобы помочь ему в какой-то степени оправдаться перед высшими слоями империи. Он писал: «Скажу вам, султан, откровенно, я с охотой принял бы участие в вашей просьбе, если бы вы сами дали бы мне на это повод вашими поступками в мое управление ордой. Поступками, которые ясно доказывали бы вашу покорность, искреннее раскаяние в содеянном зле и преданность Российскому правительству». Тем самым Ладыженский предлагал полное повиновение мятежному султану, главной целью которого было создание самостоятельного и независимого государства.

Так уж повернулись обстоятельства с сентября 1844 года, что Кенесары Касымов вынужден был обращаться к М. В. Ладыженскому с просьбой о содействии каким-либо его планам. И это можно понять-у Кенесары не оставалось выхода, но этого не хотели понимать многие его современники. Сам же он, прозорливо вглядываясь вдаль, понял, что здесь необходима сложная и большая политическая игра, чтобы в какой-то степени остановить неудержимое движение царизма на юг и восток, остановить, наконец, царские войска, которые были против него, против его самостоятельности. И для этого необходимо было сделать еще один

рывок, напасть на станицы или на новые поселения, которые были созданы несколько лет назад царизмом при сооружении так называемой Новой линии. И он на это решился.

14 августа две тысячи сарбазов Кенесары Касымова, часть из которых была переодета, по военной хитрости, в казачье офицерское обмундирование, напали на Екатерининскую станицу.

Екатерининская станица была атакована по всем правилам военного искусства. На стороне Кенесары было 5 тысяч воинов, и ими был сожжен форштадт, выжжено 30 домов и уведен весь скот. За несколько дней до этого, 11 августа, Жеке-батыр нанес крупное поражение аулу алчинцев, и это казалось началом большого наступления войск Кенесары на Новую линию. Так, Жеке-батыр приказал всем алчинцам взять в руки оружие и идти с ним и с Кенесары против аулов джагалбайлинцев. В ответ на это подполковник Ковалевский с тремя сотнями казаков вышел из линии на поиски мятежников.

Для отражения нападающих необходимы были новые силы, при этом брались лишь башкиры и казаки. И тогда Кенесары послал письмо к Арслану Джантюрину, в котором говорилось: «Зачем вы, соединившись с неверными, враждуете против мусульман (правоверных)? Как дадите вы в этом ответ богу в будущем общем мире? Хотя вы много делали нам зла, мы вас никогда не забывали. Между нами было ратоборство, но забудьте его». И в этом письме Кенесары в который раз старался наладить отношения со своими противниками. Любопытно в письме и другое — истинная вера Кенесары во Всевышнего. Такое же письмо Кенесары направил и Баймухамеду Айчувакову, тем самым давая понять, что готов примириться и с этим своим противником на основе глубокого уважения друг к другу.

В письме М. В. Ладыженскому он просил освободить своих людей и заверял, что готов исполнить все его предложения. Это свидетельствовало о его уверенности в себе, и для этого были основания. За ним стояли роды: торткаринский, каракисекский, назаровский, чиклинский, алчинский, аргынский и другие, то есть те роды Среднего и Младшего жузов, которые бесповоротно связали свою судьбу с ханом Кенесары.

Еще в начале 20-х годов султан Касым, отец Кенесары, вместе со своими сыновьями Саржаном, Есенгелди, Кенесары и с 40 тысячами семейств из родов Алтын, Тока, Увак, покинул родные места Кокчетау и ушел в пределы Кокандского ханства. Стремления Касыма сотрудничать с Кокандским ханом в освободительной борьбе казахов не увенчались успехом. Касым считал, что единоеверное Кокандское ханство сумеет оказать большую военную и материальную помощь в борьбе против

царизма, но кроме политического давления, значительного налогообложения и разорения аулов, казахи, откочевавшие в пределы Кокандского ханства, ничего не получили. А в 1836 году были убиты самые любимые сыновья хана Касыма — Саржан и Есенгелди. Имеется свидетельство о том, что к убийству братьев Кенесары приложила свою руку и Западно-Сибирская администрация. Кенесары не возлагал надежд на сотрудничество с Кокандским ханом, наоборот, он прекрасно понимал, что создание своего независимого государства должно пройти под эгидой борьбы с Кокандским ханством.

Кокандское ханство, наиболее агрессивное, постоянно стремилось завладеть казахскими землями, кокандцы постоянно вели разведывательную деятельность против Кенесары и стремились в то же время подчинить его различными посулами. Так, еще в 1838 году кокандский хан и ташкентский кушбеги решили использовать Кенесары в своих целях и предлагали ему стать не только союзником, но и принять кокандское подданство. С этой целью они отправили в аулы Кенесары Касымова двухтысячный отряд с предложением, чтобы Кенесары со всеми своими людьми стал полным подданным Кокандского ханства. Если же он был не согласен присоединиться к Ташкенту, то на него возлагалась ответственность за всю караванную торговлю и за все те неудачи, которые преследовали ташкентского кушбеги. Об этих переговорах стало известно Оренбургской администрации, которая приложила большие усилия к тому, чтобы Кенесары Касымов не поддавался на уговоры ташкентского кушбеги. Однако Кенесары уже и сам понимал, что союз с кокандским ханом и ташкентским кушбеги для него неприемлем, и потому решил начать военные действия против кокандцев в конце 1841 года.

Положение самого Кокандского ханства было тяжелым и трудным. Агрессивность кокандского хана и ташкентского кушбеги превышала здравый смысл. Ташкентский кушбеги, подталкиваемый самим ханом Мадали, решил во что бы то ни стало сделаться правителем всей Средней Азии. В это время вспыхнула война между бухарским эмиром и кокандским ханом. Бухарский эмир также был настроен агрессивно. На кокандском престоле в это время находился упомянутый Мадали-хан. Бухарский эмир отправил к Мадали-хану своего посланника с требованием, чтобы кокандский хан полностью подчинился бухарскому эмиру. Он даже объявил Мадали-хана неверным и требовал, чтобы тот развелся со своей женой, красавицей Хан Паджа Аим. Она была к тому же мачехой самого Мадали-хана. И тогда Мадали-хан решил уничтожить посланцев бухарского эмира, что и послужило поводом для войны с Бухарой. Бухарский эмир также не

отличался выдающимися способностями, в народе его прозвали эмиром-мясником. Эмир Бухары Насрулла понимал только одно: жестокое обращение с подданными и личное обогащение. Остатки феодальной раздробленности, которая наблюдалась в Бухарском эмирате, была причиной борьбы Насруллы-хана с различными феодальными группировками, и повод для войны нашелся самый подходящий. Бухарский хан рассчитывал на то, что в результате этой войны Коканд полностью покорится Бухаре и станет его самой лучшей и богатой провинцией. Только, конечно, под властью самого Насруллы-хана.

В 1840 году бухарский эмир двинул свои многочисленные и не очень боеспособные войска на Ура-Тобе и через непродолжительное время занял этот город. Теперь и дорога на Коканд была свободной. Борьба против кокандских сарбазов была очень непродолжительной. Войска Коканда бежали с поля боя, не оказав сопротивления. Такое начало войны было неожиданностью для Мадали-хана. В результате Насрулла-хан захватил кокандский престол. Этому способствовали и многочисленные феодалы, которые группировались вокруг Мадали-хана.

Кенесары, кочуя в это время где-то в северных пределах Хивинского ханства, поддержал бухарского эмира. С этой целью в начале сентября 1841 года он выступил с четырьмя тысячами отборных воинов из казахов Чумикейского, Торткаринского и Табынского родов на Ташкент. Однако вспыхнувшая в войсках эпидемия остановила Кенесары. Зато его войска осадили крепости Сузак, Яны-курган, Жулук и Ак-Мечеть. Свидетели рассказывают, что Кенесары осаждал Сузак в продолжение двенадцати дней. С помощью сооруженных деревянных лестниц его воины взобрались на вал, и таким образом Кенесары захватил Сузак и другие укрепления, присоединил к себе подвластных Коканду казахов и заставил их откочевать за районы рек Тургая. Тогда кокандский хан вынужден был предложить Кенесары вечный союз, но тот отказался. Главной его целью было создание казахской государственности.

И вновь приобретенные территории также должны были стать центром казахской государственности. В этом походе Кенесары, уже как избранный хан, выступил как бы союзником Хивинского хана. Просачивались сведения о том, что война между Кокандом и Бухарой была начата по наущению англичан. В этой войне, при осаде Сузака, войска Кенесары показали себя доблестными воинами. В составе его войска было всего 400 человек, вооруженных луками и стрелами, у многих были ружья. Войска Бухары и Коканда, несмотря на свою многочисленность (кокандцев было до 20 тысяч человек), не смогли достойно провести сражение, и

основная часть кокандцев была убита (до 15 тысяч человек).

Но по-своему развивались события в казахских степях. Люди Кенесары напали на Темешевскую волость, подчиненную Оренбургу, и за это Перовский написал Кенесары гневное предупреждение.

Западно-Сибирские власти в переписке с Оренбургом четко определили — никаких послаблений в отношениях с Кенесары быть не должно; требование Кенесары оставить за ним Улутау и Кичитау не может быть выполнено, так как эти пункты одобрены императором как российские, и туда даже будут внедрены две сотни казаков. И эти земли никак нельзя считать за Кенесары, так как они — государственная собственность.

Понимая, какие его ждут последствия, если полностью прекратить отношения с властями, Кенесары посылает свои письма в Оренбург. В этих письмах он как бы отстраняется от действий своих отрядов по борьбе с Кокандом и в то же время благодарен властям за то, что были освобождены его племянник Нурхан Самекин и некоторые другие именитые люди. В то же время его отряды напали на владения Арслана Джантюрина и угнали большое количество лошадей и верблюдов. Сам Кенесары вновь появился в пределах Акмолинского приказа для снабжения своих подданных скотом.

К концу 1842 года оренбургские власти наметили военное вторжение в присырдарьинские территории и выслали на борьбу с Кенесары совместные отряды. Комплекс мероприятий включал в себя и полное снабжение войск. Но к этому времени сменился В. А. Перовский, и вместо него прибыл В. А. Обручев. И потому Горчаков решил вести переписку с новым генерал-губернатором, который придерживался жесткой политики по отношению к Кенесары.

Конечно, победа над кокандскими наместниками в районе южных, присырдарьинских городов Казахстана, подняла на небывалую высоту авторитет самого Кенесары. Кенесары становится единственно важной фигурой во всем Центральноазиатском регионе, которая могла бы успешно претворять в жизнь собственные политические планы и действия.

Кенесары очень хорошо помнил, что несколько месяцев назад погибла фактически вся его семья. Был убит его отец, две его жены и дочь, а также целый ряд султанов и старшин. Самому Кенесары удалось избежать гибели только по чистой случайности. И потому, прекрасно понимая, что кокандский хан, предлагая вечный союз, в любую минуту может воткнуть ему в спину нож, Кенесары не прекращал с ним борьбы.

Воспользовавшись победой Кенесары, бухарский эмир захватил Коканд и, по свидетельству многочисленных источников, собственноручно

зарезал Мада-ли-хана. Это произошло в апреле 1842 года.

Находившийся в стороне хивинский хан в то же самое время решил воспользоваться этой ситуацией и начать борьбу с Бухарой.

Ожесточенная борьба между Хивой и Бухарой из-за Коканда началась в 1842 году. И в этой борьбе, стремительно и умно маневрируя, Кенесары шаг за шагом стремился укрепить свою государственность.

Когда был захвачен Коканд, многие казахские родовые структуры родов Чумекей, Торткара и Табын решили присоединиться к Кенесары. Этим воспользовались и многие киргизские роды, которые кочевали близ Иссык-Куля. Они признали себя независимыми, выгнали со своей территории кокандцев и захватили отдельные укрепления на речках Караколе, Батыстауне и Комур-Улене.

Хивинский хан, чтобы воспользоваться нейтралитетом Кенесары в борьбе с Бухарой, послал к нему через своих представителей, как говорится в документах, «15 отличнейших ружей и одного аргамака». Кенесары принял этот подарок и даже похвалил, в особенности ружья. Этим ружьям в борьбе Кенесары постоянно не хватало. И, конечно, такой серьезный подарок, как ружье, которое могло метко стрелять даже с трехсот шагов, был для Кенесары не только материальной, но и моральной поддержкой.

Для укрепления казахской государственности Кенесары в это время поддерживал очень тесную торговую связь с Хивинским ханством. Со стороны казахов торговля велась тучными стадами овец, лошадей, изделий из кожи, продуктов скотоводческого хозяйства. Со стороны же Хивинского ханства в распоряжение Кенесары за сравнительно небольшую плату поступали порох, ружья, свинец, предметы первой необходимости.

Именно в этот период в государстве Кенесары наблюдалась относительная стабильность. Кенесары почувствовал себя подлинным властелином, настоящим ханом. Казалось, что его мечта, вековая мечта казахского народа о создании независимого, самостоятельного и сильного государства наконец сбывается. Это чувствуется из письма Кенесары Генсу в начале 1843 года. Кенесары не оправдывался, он указывал на то, что заставил своими действиями против Коканда, Бухары и Хивы перекочевать в пределы российских владений роды и Старшего, и Младшего, и Среднего жузов, и даже содействовал в сборе налогов Ахмеду и Арслану Джантюриным. И в этих его словах сквозило то, что он себя считал уже полноправным правителем степи и постоянно уверял, что является другом империи и как правитель просит освободить своих близких родственников, а среди них и Губайдуллу Валиханова. И для этого у него были веские доводы. К этому времени у него в подчинении было около 5 тысяч аулов и

множество родов — баганалинского, аргынского, двух племен джугары и тюменьчакты, табынского, таминского, чиклинского, чумекеевского, яппасского и других. В этих аулах бойко шла торговля. И как полноправный властитель, Кенесары в своих письмах указывал на необходимость полного освобождения близких ему людей. И, конечно, Обручев не простил того, что мятежник не просто просил, а постоянно требовал для себя того, что ему вообще не положено.

И Обручев обратился к казахам Младшего жуза с грозным воззванием, где Кенесары объявляется преступником, к которому не может быть никакого снисхождения, а те, кто следует за ним, не останутся без должного наказания. Это воззвание было обращено скорее к тем родоправителям, которые были уже противниками Кенесары. У последнего на конец 1843 года имелось до трехсот кибиток туленгутов и до 10 тысяч лошадей — огромная сила, способная противостоять даже очень сильному противнику.

Спокойны были оренбургские рубежи, где Кенесары, искусно лавируя, укрепил мирные отношения с Перовским. В 1840–1842 годах отношения между Кенесары и Перовским достигли серьезных успехов. Кенесары получил от самого императора амнистию. Амнистия фактически означала, что Кенесары признается как бы отдельным владельцем, формально подчиненным российскому престолу. Наконец, Перовский прекрасно понимал, что просто так Кенесары не взять, и потому стал применять тактику, которая способствовала бы укреплению Оренбургской администрации, и здесь Кенесары Касымов становился даже важным союзником Перовского и всей Оренбургской администрации. Но, к сожалению, эти почти дружеские отношения между Перовским и Кенесары все-таки не стали плодотворными. И главной причиной было то, что оба они стремились к разным целям.

Военные действия, которые Кенесары предпринял в пользу бухарского эмира и захватил укрепления кокандцев, вызвали озабоченность со стороны Перовского. Он писал: «Неужели вы собираетесь начать борьбу с кокандским ханом?» В ответ на это Кенесары указал, что в борьбе против кокандского хана у него были личные притязания: «Находившиеся при нас роды отняты кокандцами, которые прежде еще убили старших братьев моих: Саржана-султана, Есенгелди-султана, Айтжан-султана, Касыма. Ныне в 1841 году мы отправили на Коканд войско, чтобы выручить находившиеся там роды». Из этих родов остались 6600 кибиток. Формально эти 6600 кибиток, или приблизительно более 30 тысяч человек, находились в подданстве России. И, естественно, такие действия Кенесары,

как возвращение из Кокандских пределов подданных России, навели Перовского на мысль постепенно привлекать его на свою сторону.

Один из противников Кенесары Касымова, султан Ахмед Джантюрин, предупреждал Оренбургскую администрацию и самого губернатора о том, что Кенесары хочет только выиграть время. Эти сомнения разделял и председатель Пограничной комиссии Гене. Однако Перовский полагал, что восстание Кенесары и его борьба против среднеазиатских ханств является ответом на те действия, которые предпринимали западно-сибирские администраторы, в том числе и Горчаков. И потому он в определенной степени пренебрегал предупреждениями личного противника Кенесары — Ахмеда Джантюрина. Вместе с тем Кенесары не мог опереться полностью на среднеазиатские ханства.

Известные обстоятельства, которые он никогда не забывал, привели к тому, что многие роды, которые приняли подданство Кенесары как хана, испытывали большой недостаток в пастбищах; в это же время произошла массовая гибель скота. Множество добровольно покинувших свои места родовых структур оказалось без удобных земель, без водопоев, без пастбищ.

Государственное устройство Кенесары находилось, если можно так сказать, в устойчивой нестабильности. И предпринимаемые Кенесары-ханом меры по усмирению этих родов, по претворению в жизнь своей главной цели постоянно наталкивались на нехватку материальных и земельных ресурсов, на нехватку всего того, что необходимо было для создания его государства.

Кенесары, играя на противоборстве и противоречиях между Западно-Сибирской и Оренбургской администрациями, постоянно указывал Перовскому на то, что он является в целом союзником России, ее подданным. И вместе с тем он требовал, чтобы наконец, освободили его родственников и ближайших сподвижников в этой непрекращающейся борьбе.

Представители Оренбургской администрации, как и Западно-Сибирской, наконец стали понимать, что Кенесары Касымов остается столь же неуловимым в степи, будоражит весь народ, и постепенно на его сторону переходят различные роды, а внутри самого казахского общества происходят те глубинные процессы, которые в будущем позволят объединиться всем казахским родовым структурам в государственное целое.

Призывы Оренбургского генерал-губернатора Перовского к тому, чтобы Кенесары во что бы то ни стало возвратился в Российские пределы, а

с этой целью была проведена амнистия самого Кенесары и многочисленных его родственников, не возымели действия. И Оренбургская администрация решила, что теперь в борьбе с Кенесары необходимо применять вооруженные силы, которые смогли бы твердой рукой подавить само восстание. Но издержки применения вооруженных сил для Оренбургской администрации были тяжелы. Во-первых, это требовало больших материальных затрат, а, как известно, сам Перовский при возведении Новой линии, при принятии Оренбургского губернаторства действовал так, чтобы вверенный ему край не давил на бюджет всей империи. Именно с этой целью на него были возложены огромные полномочия.

Удача создания Новой линии, которая отмежевывала у казахов северных районов многие десятки тысяч десятин и которая, наконец, позволяла отрегулировать бюджет самого Оренбурга, натолкнула крупных сановников империи на то, чтобы Перовский возглавил Оренбург. Но удача как бы отстранилась от Перовского. Неудачен был зимний поход против хивинцев, на который было угроблено огромное количество средств. Затем эти средства были в некоторой степени восполнены за счет налогов, которые собирались с казахов. Однако это было большим проигрышем в той политической игре, которую затевал генерал-губернатор Перовский. Вторая неудача — это восстание Кенесары Касымова. В любом случае Кенесары все-таки действовал самостоятельно, и постепенно на его сторону переходили многие родовые структуры.

Пример Кенесары был заразителен. Начались беспокойства и внутри других национальных регионов. Потому царские вельможи, несмотря на то что Перовский пользовался огромным влиянием у самого императора, был баловнем судьбы и постоянной опорой царской власти, в начале 1842 года отстранили его от должности губернатора. На его место был назначен генерал-адъютант Обручев. Генерал Обручев обладал военной жилкой, был полностью продуктом николаевской системы и главной своей задачей считал ликвидацию мятежников и создание стабильности в Оренбургском крае, где власть имели бы те военные, которые находились у него в подчинении.

Вместе с тем Обручев хорошо понимал, ознакомившись с делами, что просто так Кенесары Касымов не сдастся, и потому в начале 1843 года пишет докладную записку на имя императора с предложениями о том, как справиться с мятежным Кенесары Касымовым. Это был обстоятельный, продуманный военный план карательной экспедиции. Обручев просил выделить на эту операцию 14 тысяч рублей и сверх того 3 тысячи рублей за

голову Кенесары. И при этом указывал на то, что Кенесары имеет хорошо подготовленную армию и угрожает нападением на сам Оренбург. Но так уж велось в бюрократических кругах царской России, что эта докладная попала на отзыв Перовскому, как бывшему военному губернатору. И Перовский написал: «Мне кажется, что господин Обручев напрасно и не в меру встревожен действиями Кенесары и неблагонамеренностью ордынцев. Донесение его большей частью составлено из толков киргизских и не включает ничего положительного. К сожалению, план экспедиции и сам состав отряда кажется мне так ошибочным, что, не предвидя от предпринимаемых мер никакой пользы, можно почти наверное предсказать различного рода неудачи». Но мнение Перовского, который и сам не справился с Кенесары, уже не очень много значило. Обручеву были даны большие полномочия.

Наряду с этим Обручев решил наконец ликвидировать соперничество между Западно-Сибирской и Оренбургской администрациями. При этом он сделал предложение Горчакову выслать хорошо вооруженные военные отряды против Кенесары. Горчаков, не имея столь сильного влияния на царский двор, какое имел Перовский, на свой страх и риск, защищая престол и его идеологию, отправил в том же 1842 году под командой Сотникова отряд, который напал на аулы Кенесары. И этот отряд увел большое количество скота и, самое главное, взял в плен до десяти человек, в том числе жену Кенесары Касымова Кунымжан. Несколько позже отряды, возглавляемые тем же Сотниковым, разбили аулы Кенесары и угнали более тысячи верблюдов, трех тысяч лошадей, десять тысяч баранов и убили более ста человек. В плен было взято двадцать пять человек. И эти действия, предпринятые Западно-Сибирским генерал-губернатором Горчаковым, возымели результат.

Конечно, поднявшись на борьбу против царского режима, Кенесары понимал, что будет кровопролитная и тяжелая война, но нападение отряда Сотникова на его аулы все же оказало сильное воздействие на самого Кенесары. Он понял, что начинаются открытые и непрерывные военные действия, подкрепленные к тому же профессиональной военной стратегией, которая была разработана в стенах военных учебных заведений России.

Само собой разумеется, что российские вооруженные силы имели значительный перевес, имели и хорошо продуманный план действий с военной точки зрения. Однако этот план был не только военным, но и социально-экономическим. С одной стороны, угон скота, и в большом количестве, из аулов Кенесары был той самой мерой, которая позволила бы

потом поставить Кенесары на колени; с другой стороны, военный отряд Сотникова продвигался по степи экономно и быстро, и это тоже было новинкой, которую ныне применяли царские власти. Вместе с тем прошение Обручева о выделении средств получило одобрение у самого императора. Но расходы на ведение войны были возложены также и на казахское население. Таким образом, в борьбе против Кенесары должно было принимать участие и само казахское население, притом в огромной своей массе.

И потому Кенесары начинает проводить линию на сближение с различными родами, которые должны были войти в его государственное образование. Эти родовые объединения в то же время находились под неусыпным вниманием многих султанов и крупных родоправителей, действовавших уже против Кенесары, и тем самым они попали под двойное, а вернее, даже тройное влияние. С одной стороны, грозный и мощный хан — легенда казахской степи Кенесары Касымов, с другой — родоправители, которые вели их каждодневные дела и были во вражде с Кенесары, с третьей — постоянные налогообложения со стороны Оренбургской и Западно-Сибирской администраций.

Таково было положение рядовых кочевников. Генерал Обручев поручил войсковому старшине Лебедеву возглавить отряд, высылаемый на борьбу с Кенесары, а также привлек к этой борьбе личных противников Кенесары Касымова. Он поручил султану-правителю Ахмеду Джантюрину собрать благонадежных и преданных царизму казахов и, не объявляя о целях похода, выйти со своим вооруженным отрядом против Кенесары. То же самое было поручено султану Баймухамеду Айчувакову. Оба эти султана вышли со своими отрядами, но не сумели их вовремя сформировать, и потому эти отряды были немногочисленны.

В августе 1843 года отряд из пяти тысяч человек под командованием полковника Бизянова вместе с султанами-правителями Арсланом Джантюриным и Баймухамедом Айчуваковым выступили из крепости Сахарной для уничтожения мятежного султана Кенесары. В это же время формировались другие вооруженные отряды, которые должны были выступить из Омска, Петропавловска и Каркаралинска. Несколько ранее отряд Лебедева в составе более чем 300 человек встретил на реке Иргизе передовые отряды Кенесары. Военного столкновения не произошло. Обе стороны хорошо понимали, что начинается война выдержек, война, которая должна выявить победителя. Только так.

Да и все участники этой драмы понимали — наступили новые времена, когда окончательно должен быть выявлен победитель.

Известно, что когда образовывалось Букеевское ханство, то Николай I сказал о том, что в этой стороне не может быть двух царей, и уже в сороковые годы XIX века стало понятно, что невозможно создать независимое казахское государство, которое находится фактически во владениях России.

Горчаков постоянно бомбардировал высшие инстанции империи письмами о том, что Кенесары Касымов имеет регулярные сношения и с Бухарой, и с Хивой и в целом противодействует той политике, которую проводила царская администрация в южных районах империи. К этим же выводам пришел и Обручев, полностью приняв тактику Сибирской администрации. Так, он обратился с воззванием к кочующим казахам, в котором писал: «К вам обращаюсь я с советом полезным для вас — отриньте заблуждения ваши, оставьте злодея, пораженного теперь страхом, возвратитесь на прежние места ваших кочевков для собственного спасения вашего. Я делаю это воззвание, чтобы отвратить от вас те бедственные последствия, которые вы можете навлечь на себя и семейства ваши, продолжая оставаться в сообществе с Кенесары». Но и Кенесары Касымов к тому времени стал уже совсем другим. Ему уже были подвластны более пяти тысяч аулов из родов Баганалы, Аргын, Табын, Тама, Байбакты, Чекты, Чумекей и других мелких родовых единиц. В этих аулах джигиты обучались военному делу, чтобы стать настоящими войсковыми соединениями, которые должны были противостоять силам администрации.

К этому времени отряд полковника Бизянова вместе со своими соратниками Баймухамедом Айчуваковым и Арсланом Джантюриным двинулся по реке Иргиз, а затем и по нижнему течению реки Ул-куяк. В этих местах кочевали аулы Кенесары, и именно здесь находилась база Кенесары и были сосредоточены его главные военные силы. По пути следования отряд Бизянова и отряды его спутников Джантюрина и Айчувакова разоряли аулы, стремились во что бы то ни стало увеличить свой обоз, привлекая на свою сторону любого мало-мальски авторитетного человека, но методы у них были карательные — все эти отряды постоянно собирали налоги со всех родовых подразделений. Эти налоги тяжким бременем ложились на плечи рядовых кочевников, и потому они в качестве новых родовых подразделений появлялись в лагере у Кенесары, хотя и там аульных не ждала привольная жизнь.

Действия отрядов Бизянова и его так называемых сподвижников Джантюрина и Айчувакова были настолько не согласованы и проводились без понимания всей той политической обстановки, в которую они попали,

что уже в сентябре 1843 года Джантюрин с Айчуваковым вынуждены были двинуться к Тоболу, в места, менее доступные отрядам Кенесары, а сам отряд Бизянова возвратился в Орск, ничего не добившись.

Перед империей и ее властями встал вопрос о создании новой стратегической политики в борьбе против Кенесары Касымова. Обручев в своих докладных записках в высшие инстанции империи писал о том, что для борьбы с Кенесары необходимы самые действенные, самые эффективные меры, что эффективность этих мер зависит не только от количества посылаемых войск, но и от того, как они вооружены, насколько они обучены ведению степной войны. Кавказский театр военных действий показал, что в целом победоносная российская армия должна научиться побеждать и те мелкие военные соединения, которые с успехом действуют в тесных горных ущельях и на широких степных просторах. На степных просторах, кроме того, очень важно было знать саму местность. Рекогносцировочные работы в это время не проводились или проводились только в тех местах, где рекогносцировка была возможна. И потому в условиях ведения степной войны необходимо было опираться на исключительное знание местности, используя местных проводников. Но проводники не всегда были надежны и часто давали почувствовать властям, что, владея тайными сведениями, не всегда их разглашают.

Наконец, после пяти-шести, а может, и более лет противостояния, после полутора лет открытых военных действий и, наконец, после того, как Кенесары Касымов объявил себя фактически независимым государем, даже самые высшие вельможи империи поняли, что нужны иные способы борьбы. Первым таким способом стало создание новых военных укреплений именно в тех местах, где должны были находиться соединения Кенесары Касымова.

Что могло заставить кочевников прекратить свои военные действия? Это, в первую очередь, прерывание тех путей сообщения, тех коммуникаций, которые они использовали, и в особенности войско Кенесары Касымова. Далее необходимо было создать укрепления в тех районах, где Кенесары Касымов пользовался наибольшим успехом. Это, конечно, линии Улутау и Иргиза. Занять Улутау — этому Западно-Сибирские власти придавали исключительно важное значение. Во-первых, это была самая сердцевина восстания Кенесары, во-вторых, в этих местах были сосредоточены лучшие джайлау, где скот мог выпасаться без всяких ограничений. Кроме того, это были те районы, которые издавна служили базой Кенесары.

Вместе с тем Улутау в казахской истории представлял собой район

первоначальной казахской государственности. Именно там, в горах Улутау, находился памятник знаменитому основателю казахского улуса, а впоследствии и прародителю всех чингизидов — Джоши-хану, старшему сыну Чингисхана.

Стремление Западно-Сибирской администрации вместе с администрацией из Оренбурга создать в Улутау подлинно боеспособные военные крепости становилось реальностью.

Не дремал и сам Кенесары. Так, в конце 1843 года со своим племянником, знаменитым батыром Ержаном Саржановым, он напал на аулы правителя средней части Оренбургского ведомства Арслана Джантюрина. Это было нападение не только на султана-правителя, это было нападение на злейшего своего врага. В то время в подчинении у Кенесары находилось более чем три с половиной тысячи хорошо вооруженных джигитов. С боевым кличем «Кенесары! Аблай! Наурызбай!» они бросились на отряды и аулы Джантюрина. Арслан Джантюрин не смог оказать никакого сопротивления. Было угнано большое количество скота, нанесен чувствительный материальный ущерб аулам, а также моральное унижение самому султану.

Нужно отметить, что 1843 год был для Кенесары очень сложным и трудным. В течение года все те успехи политического характера, которые были получены таким невероятным напряжением сил, постепенно утрачивались. Все это наводило на новые размышления. Теперь Кенесары, как единственно дееспособный хан во всей казахской степи, должен был взять на себя ответственность за жизнь своих подданных и те политические интересы, во имя которых он всю жизнь боролся. Вместе с тем он должен был обезопасить свое, пусть и маленькое, государственное устройство от враждебных посягновений многих султанов и султанов-правителей. Несмотря на сословную общность, несмотря на то, что все они были чингизиды, несмотря ни на что, эти же султаны были и серьезными противниками Кенесары Касымова. Он должен был объединить своих союзников в лице рядовых батыров и народного ополчения. Народное ополчение, которое создавалось Кенесары, также было неоднородным. Вместе с Кенесары в его лучшую часть войска входили и по наследству доставшиеся толенгуты. Это были наиболее боеспособные части его войска и самые преданные ему бойцы. Тем самым у Кенесары создавалась своя собственная армия. Но эту армию необходимо было снабжать, эту армию необходимо было как следует обустроить, одеть, обеспечить вооружением, и притом наилучшим вооружением. Такую армию Кенесары Касымов мечтал создать, но это оказалось его неосуществимой мечтой.

Потому что многие правители, которые поднялись вместе с ним на эту борьбу, теперь один за другим отказывали ему в помощи. Стремительное продвижение царских войск легло на плечи Кенесары новыми трудными и тяжелыми заботами. В стане чингизидов также появились те, кто действовал против него не только открытыми, но и скрытыми методами. Именно с этих позиций Кенесары рассматривал свое нападение на аул Арслана Джантюрина.

Арслан Джантюрин, как и все другие сторонники режима, очень тесно сотрудничал с его представителями, в особенности с представителями администрации, и, конечно, чиновничья бюрократическая система, которая господствовала в России в то время, была очень сподручна для таких, как Джантюрин. Именно они стали той коррупционной базой чиновников, которые обогащались сказочным образом в казахской степи и именно для них делались баснословные подарки, и именно для них гнул спину простой люд, и именно для них шли поборы, шли большие средства на их развлечения, и именно для них создавались такие условия, когда можно было за несколько лет сколотить себе огромное богатство.

Конечно, Кенесары Касымов не был идеальным властелином, он также взимал налоги, он также наказывал за то, что люди их не платили, иной раз, может быть, жестоко и несправедливо, но для него важно было создать свое большое самостоятельное и независимое государство. Тем самым действия Кенесары отличались от действий многих султанов-правителей как в Среднем жузе, так и в Младшем. Именно эти султаны-правители, их приспешники родовитые бии и баи, которые создали свое богатство на ограблении народа, именно они стали первыми противниками Кенесары, и для них было очень важно как можно быстрее уничтожить государственное устройство Кенесары, как можно быстрее уничтожить его как чингизида, уничтожить его идеологию, его сподвижников. И каждый из этих сподвижников — а мы должны воздать им самые большие почести, многие из них впоследствии были подвергнуты суровому наказанию — тоже понимал, что его ждет впереди.

Практически все лето полковник Бизянов со своим отрядом в количестве 1800 человек, да еще и при четырех орудиях гонялся по степи за Кенесары. Пограничная комиссия и оренбургское начальство в это время объявило уже Кенесары мятежником. Этому предшествовало то, что наконец Обручеву было позволено претворить в жизнь полностью план, который он пробивал с таким усердием в высших сферах империи. И потому Кенесары Касымову уже не оставалось ничего другого, как самому совершать нападения на отдельные форпосты и отряды, которые

возглавлялись не очень смелыми и не очень сильными командирами.

Как правило, карательные отряды выходили на борьбу с мятежником с огромным обозом при мощной охране и фактически представляли собой достаточно неудобное в маневрах вооруженное соединение. А у Кенесары, как отмечалось, была собственная тактика — мгновенным ударом пронестись по степи, как ураган, а затем скрыться в степных просторах. Но, по плану Обручева, именно в горах Улутау и на Иргизе должны были быть построены те самые укрепления, которые в конце концов надломили мощь и силу всего движения Кенесары.

Именно осенью 1843 года проявилось своеволие Кенесары. После того как отряд Бизянова ни с чем возвратился в Орск, Кенесары стал господствовать в степи. Он собирал со многих казахов зякет, взимал штрафы с тех, кто не хотел добровольно к нему присоединиться, грабил в степи караваны. Его влияние распространилось на районы и бассейны рек Сырдарьи и Тургая. Именно в это время он стал проявлять элементы жесткой борьбы, которые необходимы были при строительстве нового государства. И это понятно — ни одно новое государство не могло создаваться только на сознательных и добровольных началах. Да, многие роды присоединились к Кенесары, но они также были и против той жесткой регламентации, которую он проводил в конце 1843 года.

Как уже говорилось, один из лучших военных тактиков в это время войсковой старшина Лебедев хорошо понимал, чем можно остановить Кенесары Касымова. И потому его отряд, не углубляясь далеко в степь, продвинулся в районы гор Улутау и фактически отрезал Кенесары пути, ведущие в Каракумы. Действия Лебедева были продиктованы определенными условиями. Во-первых, вся группа войск должна была двигаться равномерно, без каких-либо передовых отрядов, высылались только конные разведывательные разъезды, не задерживающиеся в степи. Кроме того, Лебедев, прекрасно зная условия степи, также должен был применять тактику внезапных ударов. Именно это было вменено ему в вину, когда над ним состоялся суд, но именно действия Лебедева и его тактика в 1843 году были очень чувствительны для Кенесары Касымова. А царская администрация, видя, что Лебедев не очень быстрым и энергичным маршем продвигается в глубь степи, признали его виновным в этом замедлении. Но виновен-то был не Лебедев, а военные действия Кенесары Касымова. Такова была стратегическая обстановка на 1843 год. Кенесары полностью обосновался в районах Улутау, в Верхних Тургаях и в районе Верхнего Иргиза.

Султаны-правители, в том числе Арслан Джантюрин, после неудачной

попытки ликвидировать Кенесары со своими соподчиненными удалились в пределы своей власти и там занялись тем же старым делом — взимать поборы и новые налоги.

Оренбургская администрация строила новые планы для окончательного разгрома Кенесары, в чем особое рвение проявил оренбургский генерал-губернатор Обручев. Западно-Сибирская администрация после неудачной отправки своего отряда на соединение с отрядом Лебедева также предпринимала усилия, для того чтобы полностью уничтожить гнездо мятежников в районах кочевания подотчетных им аулов и родов. Сам же Кенесары и все его сподвижники готовились к новым битвам.

К 1844 году Обручев и Горчаков находились на своих местах. В своих кочевьях полновластно распоряжался Кенесары Касымов. А в военных ведомствах, как отмечалось, произошли серьезные перестановки. Оренбургское начальство, вменив Лебедеву разгром подчиненного российским властям старшины Байкадама, отстранило его от ведения военных действий. И тем самым, по сути дела, был устранен единственный человек, который реально понимал всю создавшуюся обстановку. Назначенный вместо него полковник Дуниковский в 1844 году совершил множество ошибок, следствием которых стало то, что Кенесары Касымов снова оказался на просторах степи. Усиленно готовившееся кольцо зажима Кенесары так и не сработало. Казалось, сам Бог и провидение вели Кенесары и его повстанцев к созданию независимого и самостоятельного государства.

Борьбу с Кенесары надо было вести и другими методами. И потому в 1844 году было принято новое Положение по управлению Младшей Ордой киргиз-кайсаков, которое как раз и предусматривало те новые виды политики, которые вскоре были направлены против создания в степи независимого и самостоятельного казахского государства.

Военные действия 1843 года оказали большое влияние и на последующие кампании. С обеих сторон применялась самая различная тактика. Непримируемость борьбы была налицо. Если Кенесары Касымов создавал новые военные отряды боеспособной армии, во главе которой стояли его ближайшие и преданные делу сподвижники, то российская армия также использовала значительные новинки. Многочисленные архивные документы и письма тогдашних деятелей говорят о том, что власти наконец поняли — только согласованными действиями всех сил можно победить Кенесары, этого неуловимого Митридата казахских степей, в бескрайних просторах Улутау, Тургая, Сарысу и Чу.

Администрации Оренбурга и Омска также старались теперь сплотить свои действия, для того чтобы единым ударом сломить такого вора и разбойника, каким был Кенесары Касымов.

И ни той ни другой стороне не приходила в голову мысль дать возможность Кенесары самому определить свой статус — статус независимого правителя казахской степи.

Таковы были обстоятельства того времени, что Кенесары Касымову приходилось бороться и против части своих сородичей в лице чингизидов, соплеменников, отдельных родовых объединений, не подчинявшихся его воле, и против царской администрации. И в каждом из этих противостояний и противоборств Кенесары Касымов показал себя талантливым организатором, способным военным деятелем, прекрасным политическим и дипломатическим представителем своего народа. В армию Кенесары, кроме простых кочевников, стали приходиться и представители других народов, даже попавшие к нему в плен казаки становились под его знамя. Таковы были личные его качества, такова была его харизма, таковы были его способности, что народ тянулся к нему, несмотря ни на какие обстоятельства.

Кенесары снискал себе славу национального героя и народного батыра как защитник всеобщих интересов. Но, к сожалению, это было несколько далеко от правды. На самом деле очень часто Кенесары применял такие методы ведения войны и такие способы принуждения, которые были свойственны феодальным правителям. Наконец, Кенесары Касымов, прекрасно сознавая, какую роль он играет в деле освобождения казахского народа, постоянно уделял самое большое внимание прославлению подвигов его батыров, его сподвижников. И сам зачастую становился героем таких прославлений.

Совершенно неожиданно случилось то, что в руки Кенесары попали 40 пленных и его войсками был сожжен форштадт Екатерининский. В это время ему достались такие трофеи — 18 ружей, 2 пистолета, 18 сабель, 27 пик. До нападения на Екатерининскую станицу Кенесары обещал казахам, которые находились рядом с ним или его отрядами, что он непременно нападет на Оренбургскую пограничную линию и что главной его целью является наказание всех жителей этой станицы, дабы они поняли, что идет война за национальную независимость. Но, к сожалению, такие заявления Кенесары хоть и привлекали на время к нему людей, однако имели и обратное действие. Именно такого рода заявления позволяли войскам под главенством генерал-майора Жемчужникова все дальше и дальше продвигаться в глубинные районы кочевания Кенесары. Сам Кенесары,

боясь с ними столкнуться, ушел в более южные районы — в Мугоджарские горы, но Жемчужников преследовал Кенесары и там.

В начале сентября 1844 года отряд полковника Дуниковского направился по реке Иргиз в Орскую крепость, а войска генерал-майора Жемчужникова ушли в сторону Улутау. Таким образом, замысел окружить Кенесары и не дать ему возможности выйти в Каракумы, не увенчался успехом. Кенесары к концу года уже кочевал по рекам, впадающим в Эм-бу, скрывался и укреплялся в Мугоджарах.

В целом положение Кенесары к концу 1844 года было очень и очень трудным. Во-первых, в его аулах находилось совсем немного людей. Как докладывал один из свидетелей, там оставалось лишь человек триста взрослых и примерно до шестисот малолетних и пастухов. Во-вторых, хозяйственное состояние этих аулов было очень тяжелым. Вместе с тем приверженцев, кочующих с ним, тоже было не очень много, не более тысячи человек, а вооруженных и того меньше — около пятисот человек, и то вооруженных очень старыми ружьями. Кроме того, отмечалось, что мастеров, которые изготавливали бы оружие, в аулах Кенесары не было. Многие очевидцы свидетельствовали, что сам Кенесары ставил свой аул и свою юрту абсолютно без охраны и к нему мог прийти любой, кто хотел.

К концу 1844 года вместе с ним кочевали или оказывали ему содействие отдельные представители Чумикеевского и Джагалбайлинского родов. Почему так получилось? Да потому, что Кенесары, нападая на Новую линию, стремился укрепить свои отношения с родами джагалбайлинцев. Вместе с тем один из источников отмечает, что Кенесары очень гуманно обращался с пленными русскими солдатами. Как уже говорилось, многих из них он хотел даже женить, отдавал им предпочтение, назначая на командные должности. Так, одним из его полководцев был известный русский солдат Метлин. Еще в сентябре 1844 года под командованием Ковалевского для рекогносцировки местности и для того, чтобы определить точное место нахождения Кенесары, вышел отряд в составе 300 казаков к Мугоджарским горам. Подполковнику Ковалевскому было дано задание не тревожить аулы Касымова, если тот в точности исполнит требования начальства, то есть перестанет наконец сопротивляться и отдастся властям. Наряду с этим оренбургские власти устроили небольшое совещание местных воротил, султанов и родоправителей, с тем чтобы они обратились к Кенесары Касымову с требованием сдаться. В этом случае Кенесары был бы реабилитирован и не понес бы наказания. Узнав об этом, Кенесары решил в какой-то степени принять условия оренбургских властей. Он заявил: «Смею доложить, что

без греха один Бог, много виноват я и прошу простить меня во всем, что я сделал до получения Вашего милостивого письма». Это был его своеобразный ответ Ладыженскому. Нужно помнить, что Ладыженский все же был крупный политик, который, может быть, и соглашался с мнением начальства, но иной раз старался поступать так, как ему диктовали его совесть и политическая необходимость.

Складывалось очень серьезное положение. С одной стороны, войска никак не могли взять в плен или хотя бы ограничить территорию кочевания султана Кенесары, с другой — у Кенесары не хватало ни людей, ни материального обеспечения. Документы свидетельствуют, что его приверженцы и его аул фактически переживали очень трудную и тяжелую зиму. В-третьих, у Кенесары не оставалось ни одного союзника. Он мог бы иметь приверженцев в стане своих же родственников чингизидов, но этого не произошло. Многие чингизиды поняли, что Кенесары в степях Казахстана, в особенности в районах кочевок родов Аргын, Чумекей, Торткара, Джагалбайлы, Шекты, Тама, уже не в состоянии оказывать сопротивление царским войскам. Петля вокруг султана Кенесары все больше и больше затягивалась. Однако надо отметить, что сама личность Кенесары вызывала такое уважение даже со стороны противника, что он еще как бы вольно находился в степях Казахстана. Он мог кочевать в южных районах Мугоджарских гор, где все-таки, несмотря на скудную растительность, имелись пастбища и можно было выпасать скот. И все же сам Кенесары понимал, что теперь у него практически не остается выхода, что та самая государственность, о которой он мечтал, которую он стремился построить по следам своего деда, теперь уже фактически неосуществима.

Но вместе с тем в конце 1844-го — начале 1845 годов Кенесары еще надеялся, что можно приобрести какие-то территории, на которых он мог бы кочевать, если ему удастся найти общий язык с Оренбургской администрацией или с некоторыми ее представителями. Так, генерал-губернатор Обручев, который сменил Перовского и был более жестко настроен по отношению к Кенесары, все же в определенной степени уважал его как личность, но в то же время его действия внушали генерал-губернатору страх, и он стремился навести полный порядок, или, как выражались тогда, «успокоить степь». Вся эта гамма чувств была очень хорошо проанализирована султаном Кенесары.

Хан Кенесары, в официальных документах именовавшийся султаном, прекрасно понимал, что независимое и самостоятельное государство, которое могло бы вписаться в общую струю различных стран, в данной

ситуации уже невозможно было построить. Традиционность натолкнулась на цивилизационное мировидение. Цивилизационное мы можем назвать в кавычках. Но все же европейское мировидение стало опережать традиционное. Несмотря на то что царская Россия сама была «страной рабов, страной господ», она все же постепенно продвигалась к прогрессу. Вопросы создания казахской государственности в том традиционном виде, который представлял Кенесары, не были актуальны. И самой насущной задачей Кенесары в этот момент была необходимость каким-то образом договориться с оренбургскими и сибирскими властями и отвоевать свою территорию в качестве подданного империи. И самая большая заноза, которая свербила в его душе, — то, что его семейство находилось в плену и тем самым у него постоянно были связаны руки.

Однако, невзирая на все это, осенью и зимой 1844 года Кенесары нападал на те аулы, которые были ему подчинены или, даже не признавая его власть, все еще находились под его главенством, и стремился собрать с них зякет и ушур. Странная получалась ситуация. Эти аулы платили свои налоги и царизму, и в зависимости от обстоятельств, центральноазиатским феодалам, в то же время налоги собирал и грозный воитель Кенесары. И эти родовые объединения, с которых взимал налоги и Кенесары, и его сподвижники, все больше и больше предпочитали отдалиться от Кенесары, отдалиться от его длинной руки.

Все эти обстоятельства оказались так сложны, что, наконец, Кенесары решил пойти на политические контакты с оренбургскими властями. Это явилось своеобразным ответным шагом Кенесары на то, что оренбургские власти тоже хотели в какой-то степени пойти на переговоры. Но обеим сторонам было понятно, что все эти переговоры означают только оттягивание времени в той неустанной и не прекращающейся ни на один день войне, которую вел Кенесары против режима. Уже более семи лет, а если включить и борьбу его старшего брата Саржана, то почти двадцать лет длилась эта непрерывная борьба за национальное освобождение, за национальное достоинство. С обеих сторон были жертвы. С обеих сторон применялись самые различные методы. В борьбе люди неизбежно принимают ту или другую сторону. Но есть еще те, кто, оказавшись между этими двумя огнями, становятся их жертвами. Порой кровавыми. История многих народов и стран показывает, что в национально-освободительной борьбе каждого народа, даже в объединении этих стран в период Средневековья, неисчислимыми были жертвы неприсоединения. И то, что Кенесары Касымов предпринял тактику ведения партизанской войны, опираясь на старую кочевническую традицию военного искусства, это

свидетельствует о том, что он не хотел идти на лишние жертвы, не хотел оставлять за собой кровавый след. Но борьба не могла быть и абсолютно бескровной, похожей на шахматные баталии, когда противники даже могут пожать друг другу руки. Борьба, которую вел Кенесары Касымов, была очень сложной и трудной. К ней примешивалась и политика, и понимание психологии каждого из начальников, и умение ладить с каждым из них. Выше уже говорилось о том, каковы были взаимоотношения Кенесары и Перовского, Кенесары и Горчакова. От того, что эти администраторы на протяжении долгих лет соперничали между собой, Кенесары много выигрывал. Он гнул свою линию, линию мятежника, а по сути, борца за освобождение.

Особенно стал показателен 1845 год, когда, как отмечают некоторые исследователи, Кенесары вознесся на вершину своей славы. Казахский хан и одновременно крупный политик, Кенесары оказывал очень большое воздействие на всю политическую обстановку Центральной Азии. Но вместе с тем именно на 1845 год падает то усилие царской администрации, которое было предпринято, чтобы любыми способами приручить, покорить или разгромить Кенесары Касымова. В этой ситуации появились те самые покаяния, которые принес Кенесары, чтобы усыпить бдительность Оренбургской или Западно-Сибирской администрации. В этом отношении Кенесары действовал очень хитро и дальновидно, по крайней мере, для своих замыслов и для претворения в жизнь своих планов. Однако необходимо отметить и то, что Оренбургская администрация тоже стремилась оказать свое воздействие на политическую обстановку в целом в регионе. В этом большую роль сыграли те посольства, которые были направлены к Кенесары, — посольства Долгова и Герна, которым предшествовала обширная переписка и дополнительные инструкции Оренбурга, для того чтобы Кенесары был обезврежен или нейтрализован.

По наущению Оренбурга, казавшийся независимым, а на самом деле весьма и весьма зависимый хан Джангир написал письмо Кенесары, в котором убеждал того, что самое лучшее состояние государства то, когда процветают его люди. Но не для этого Кенесары боролся на протяжении восьми, а может быть, и более лет, чтобы поверить хитрому царедворцу. Администрация Оренбурга прекрасно отдавала себе отчет в том, что просто так Кенесары не сдастся и никакие увещевания и посулы не смогут заставить его свернуть с избранного пути, поэтому в своем указании послу Долгову, который должен был попасть в аулы Кенесары, говорилось, что необходимо всеми возможными методами, в том числе самыми коварными, заставить Кенесары умолкнуть.

Немаловажную роль в этом должна была сыграть, казалось бы, дальновидная политика оренбургского губернатора. Одно из его требований было таково: сложить наконец оружие и изъявить полную покорность — не просто принести покаяние, а присягнуть престолу на Коране, священной книге мусульман. Вместе с тем указывалось, что если он это исполнит, то в будущем сможет перекочевывать со своими аулами в те места, которые сам выберет. Но эти места в определенной степени должны были быть ограничены районами проживания оренбургских казаков и казачества в целом. Кроме того, в предписании председателя Пограничной комиссии посольству изъяснялось, что необходимо указать Кенесары на то, что клятвопреступление является очень большим злодеянием.

Это писали те самые люди, которые при всяком удобном случае стремились напасть на аулы Кенесары и нападали под видом военных поисков или, еще чаще, под видом умирительных действий.

Для того чтобы клятва была исполнена, вместе с Долговым должен был присутствовать наиболее авторитетный из мулл. Это носило очень своеобразный характер. Долгов, по идее, должен был в первую очередь представить военно-разведывательные данные, а лишь затем, исходя из политической ситуации, убедить Кенесары сложить оружие. Оренбургское начальство предполагало, что благодаря таким полномочиям посла Кенесары задумается, сумеет каким-то образом перестроиться. Кроме того, Оренбург в первую очередь указывал на то, что Кенесары необходимо забыть всю его предшествующую жизнь. Фактически человек должен был начать свою жизнь заново. И в этом плане, конечно, Кенесары никак не мог согласиться с такой установкой.

Заведомо понимая, что это посольство, может быть, потерпит неудачу, Оренбург посылает вслед за ним и посольство Герна. Оба эти посольства должны были убедительно представить политические намерения Оренбурга, их серьезность и важность, и, наконец, заинтересованность в этих намерениях всех высших слоев империи. И этого они, по-видимому, в первые месяцы 1845 года добились. Но и Кенесары научился понимать эту сложную политику Оренбурга. И потому решил действовать хитро. Не отвечая ни «да», ни «нет», но постоянно показывая как бы свое гостеприимство и преданность престолу, он возил с собой Долгова по степным дорогам. Долгов фактически находился у него в плену на протяжении почти двух месяцев. И ни разу у них не состоялся серьезный разговор на тему дальнейшей судьбы аулов, которые перекочевали вместе с Кенесары и с ним самим. Таким образом, это посольство, блуждая вместе с

Кенесары по степи и не имея точных географических данных, как бы находилось в неизвестности. По долгу своей службы Долгов и его люди должны были разъяснить Кенесары Касымову то, как производится сбор налогов: что налоги взимаются ныне лишь в денежном виде, и это налоги правительственные; что казахи приграничных областей, и в том числе Оренбургского ведомства платят вместе с тем и свой традиционный зякет. Кроме того, на отдельных казахских начальников распространялись самого разного рода наказания за те или иные преступления. Среди них наиболее тяжелым было наказание за противодействие властям. Должно было быть разъяснено, что несмотря на тяжелые наказания, штрафы и так далее, вносится некоторое облегчение — многие виновные должны были быть наказаны телесно, а затем по усмотрению удаляться из орды в другие области степи. Таким образом, перед Кенесары, если бы он принял подданство и присягнул на верность государю, открывалась возможность самоличных поборов с различных своих подданных, в том числе и с наиболее беднейших слоев населения. За это он не понес бы большого наказания или ответственности. Большой виной считалось также укрывательство беглых: русских, татар и башкир. Те, кто самовольно прибывал в степь, должны были находиться на учете. И этим учетом, по идее, должен был ведать сам султан Кенесары. Кроме того, категорически запрещались тайные сношения с различного рода неприятелями. А неприятелями, как известно, были и хивинцы, и Бухарское ханство, и, наконец, Коканд.

Повозив с собой на протяжении двух месяцев Долгова, Кенесары сделал, как казалось, видимую уступку-захваченных пленных в количестве шестидесяти человек он отправил обратно в Оренбург. Тем самым оренбургское начальство получило надежду на то, что Кенесары, наконец, начнет складывать оружие и образумится. В своем послании Кенесары оно сообщало, что по «всемиловитейшему указанию» и по указанию министра наконец могут решиться вопросы об освобождении из плена его жены и родственников, а также вопросы отведения мест для кочевания султана — на основании всего лишь изъявленной им покорности, точного исполнения требований начальства и раскаяния в содеянных им противозаконных поступках.

Этого, конечно, хан не мог принять. Кенесары был легитимным ханом, избранным многими казахами, в том числе родовитыми, и, наконец, Кенесары признавали правители, те же самые неприятели российского престола — правители Хивы, Бухары и Коканда. Потому выполнение этих требований — полное раскаяние и сложение оружия, что означало потерю

всякой надежды на создание своей государственности, за то лишь, что ему возвратят его жену, пусть даже самую любимую, и родственников — было для него неприемлемо. Слишком малая цена за все то, что он претерпел за восемь и более лет. И потому Кенесары очень даже сомневался в таких намерениях царского режима. Наконец было определено место: «Для летней и зимней кочевки Вашей с приверженными Вам киргизами». Это было урочище Кара-Куга с окрестностями. «Обширное место, как известно, изобилующее всеми угодами для своего назначения, причем предваряю, что указание пределов в натуре кочевки Вашей с приверженцами возложится на особого чиновника, который и будет к Вам прислан своевременно». Даже в определенные места для кочевания, оказывается, были выделены надзирающие чиновники, которые должны были наблюдать за Кенесары на протяжении всего этого года.

Как могла в этот период сложиться судьба самого Кенесары? Предположить трудно. Во-первых, он, конечно, не склонился перед престолом. Он старался создать собственную государственность, пусть даже вассального характера, и потому ясно почувствовал, что необходима дальнейшая борьба, пусть даже гибельная для него, для его близких, для всех его сподвижников, но вместе с тем борьба благородная, борьба за собственное достоинство, за свободу, за независимость. И здесь вновь на арене появляются так называемые союзники Кенесары, которые так же, как представители Оренбурга и Омска, стремились во что бы то ни стало заполучить кочевья Кенесары, — те же самые хивинский и бухарский ханы. Но и с ними Кенесары вел достаточно долгую, длительную, а порой и двойную игру. Почему? Да потому, что все его кочевья находились именно в этих приграничных районах. А круг их кочевания все более и все более сужался. Кроме того, в союзниках у Кенесары оставалось очень мало казахов. Различные интриги султанов, родоправителей, в том числе и биев, в особенности Ахмеда Джантюрина, приводили к тому, что от Кенесары отходило все большее и большее количество аулов и приверженцев. Да, ему было очень тяжело и трудно. Но цели своей он не оставил.

Пытаясь каким-то образом создать союзнические отношения с хивинским ханом, Кенесары отослал ему пленников, которые попали к нему в свое время. Хивинский хан принял их с благодарностью, высказал, правда лишь на словах, намерение подобрать удобные места для его кочевок, а заодно послал Кенесары пять ружей, одну саблю и двух верблюдов, навьюченных порохом и пулями, предлагая ему менять оружие на баранов, которых почти не было у Кенесары.

Хитроумная политика среднеазиатских владельцев приводила все

более и более к тому, что Кенесары мог лишиться своего имущества. За сладкими посланиями и, казалось бы, добрыми намерениями хивинского хана стояли требования. Он предупреждал, что для взимания зякета, который обычно собирал Кенесары, он приведет тысячу хивинцев и других подданных в количестве пятисот человек, чтобы они полностью собрали весь зякет, который должен был якобы уплатить Кенесары хивинскому хану.

Петля все туже и туже затягивалась вокруг Кенесары. Известно и документально подтверждено, что в 1845 году Николай I дал предписание действовать против Кенесары, не прибегая к оружию, но возвести два укрепления на Иргизе и Тургае, а в случае упорства мятежника или появления других возмутителей отгеснить их аулы в места бесплодные, выждать, чтобы бескормица и лишения заставили их искать лучшие кочевья, а при приближении нагрянуть на непокорные аулы и нанести им полное поражение. То есть тем самым и Оренбург, и Омск, и Хива, и Бухара, и Коканд, — все они стремились теперь окончательно уничтожить Кенесары.

Кенесары мешал всем, мешал администрации Оренбурга и Омска, мешал хивинцам, бухарцам, кокандцам. Но в самую первую очередь Кенесары стал неудобен для некоторых султанов-правителей. Надо сказать, что в 1845 году Кенесары Касымов понял, что все эти родоправители являются не просто его личными врагами и противниками, они являются противниками свободы и независимости казахского народа. Конечно, воспылав такой ненавистью к ним и, может быть, даже к дальним родственникам, султанам чингизидам, иной раз Кенесары срывался и покорял заново те аулы, которые были под властью этих султанов-конформистов.

Окружение Кенесары началось. Так, по распоряжению государя императора, одно из укреплений должно было быть возведено на реке Иргиз, а другое на реке Тургай. Со стороны Сибирской линии также должно было быть построено укрепление. Кроме того, в этих укреплениях должны были находиться довольно солидные контингенты войск, а содержание их падало на самих же казахов, живших вблизи укреплений. При назначении войск преследовалось несколько целей. Одна из них — надзор за казахами, а в случае надобности — преследование мятежников. Другая — привлечение на сторону властей казахов-земледельцев, издавна кочевавших в этих районах, для обеспечения этих укреплений хлебопашцами. Кроме того, известно, что Сырдарьинские территории и территории, которые окружали эти укрепления, были земледельческими,

где издавна велось орошаемое земледелие. Так империя продвигалась в глубь степи.

Вот как складывались обстоятельства в 1845 году. Кенесары сумели таки добиться от Оренбурга возвращения его жены Кунымжан и некоторых его родственников. За два месяца, проведенных у него Долговым, а затем и Герном, они сумели убедиться, что Кенесары не преклонит колени перед престолом. Однако решение свыше, в особенности императорское решение, было очень важным для самого Кенесары. Дело в том, что высшие органы империи, в том числе и администрация Оренбурга, решили все-таки вернуть родственников Кенесары, заведомо понимая, что Кенесары может и не клюнуть на их удочку и не выказать своей покорности. Потому вместе с посольством поручика Герна к Кенесары приехали его жена Кунымжан и другие его родственники.

Доклады обоих посольств — и Долгова, и Герна — показали, что необходимо построить укрепления, о которых говорилось выше. В целом, решение о возведении укреплений принималось довольно долго. Прежде всего в планах Оренбурга, в том числе и Перовского, и Обручева, постоянно обозначалась необходимость каких-то серьезных средств, чтобы остановить движение Кенесары. Поэтому для начала была проведена рекогносцировка местности. Начиная еще с 30-х годов Кенесары прекрасно понимал, что проведение рекогносцировки местности обнаруживает, где есть водопой, луговые места, колодцы, проходы и для войск, и для караванов — все то, что всегда находилось в сфере внимания Кенесары. Вместе с тем он был не в состоянии проконтролировать все эти подготовительные работы.

В былые времена советские историки постоянно указывали на то, что среднеазиатские пределы и степи Казахстана постоянно находились под пристальным вниманием ученых и исследователей. Но какая цель при этом преследовалась? Она зачастую забывалась. А в первую очередь исследования территории Казахстана велись с целью проведения военно-экспедиционных работ, создания различного рода форпостов, крепостей, укреплений. Это, в свою очередь, означало появление новых торговых путей, новых торговых отношений. В целом надо заметить, что в Российской империи торговля никогда не была в большом почете. Многие исследователи подчеркивали, что в России торговля была всегда подотчетна чиновничьим и бюрократическим структурам. И конечно, отдельные караваны под главенством купцов шли с огромным конвоем. Обычно этот конвой занимался добычей продуктов питания в близлежащих поселениях. Не одна большая петиция или жалоба хранится в архивах

Алматы, Оренбурга, Омска и Санкт-Петербурга, где говорится о своеобразии охраны караванов. Вместе с тем нужно указать и на то, что исследователи, которые шли в степь, руководствуясь строго прагматическими целями, одновременно делали важные и очень нужные открытия для науки. Именно эти открытия стали достижениями и российской научной мысли, и мировой цивилизации. Вследствие такого понимания задач научно-исследовательских работ многие российские ученые видели своими глазами, какова реальная обстановка. Свидетельством тому являются многочисленные исследования этих ученых. В результате их деятельности территория Казахстана, которая охватывала огромные пространства, была очень хорошо исследована в географическом, экономическом и, как тогда выражались, статистическом отношении.

Таким образом, посольства Долгова и Герна, которые были направлены с одной лишь прагматической целью, в то же время привнесли и некоторые элементы в изучение дальних краев, которыми в то время считались казахские степи и места, где кочевал Кенесары. В официальных документах рекогносцировочные работы, которые вместе с казачьими отрядами углублялись в степь, упоминались как исследования, хотя на самом деле являлись не чем иным, как воинскими поисками, наследием XVIII века. Отряды, которые занимались воинскими поисками под руководством армейских или казачьих офицеров, зачастую разоряли аулы и потому снискали дурную славу. И потому администрация, постоянно сталкивающаяся с сопротивлением казахов, всегда стремилась отправлять на эти поиски очень хорошо экипированные небольшие отряды. Конечно, отряды численностью в двести, триста, пятьсот человек не могли продвинуться в глубь степи и не могли нанести такого урона, как армии на европейском театре военных действий.

В 1845 году поиски проводила и Сибирская администрация. В особенности командир приграничных областей и командующий непосредственно казахами, в то время еще полковник Вишневский очень энергично проводил эту политику. Генерал-адъютант Горчаков был, как мы знаем, самым сильным противником Кенесары Касымова. А среди его подручных по привлечению на свою сторону султанов, биев и так далее, которые стремились пожить в этом краю, был Вишневский. Как правило, в реляциях не писалось о проведении этих воинских поисков, о них упоминалось вскользь.

Кенесары Касымов был сыном своего времени, своего народа и впитал его ментальность. И часто личное и общественное в нем переплеталось. Как в свое время мы отмечали, у него имелось несколько жен, которым

выделялись свои юрты со своим скарбом и имуществом. Вместе с тем очень часто Кенесары испытывал чувство личной мести по отношению к тому или иному непокорному роду. И когда в 1844 году он напал на отряды, которые возглавляли Ахмед и Арслан Джантюрины и полковник Дуниковский, он это сделал и из чувства мести. Джантюрины и Айчуваковы и другие султаны того времени не стремились к той цели, к которой стремился Кенесары. Им было очень выгодно и приятно проводить время рядом с Оренбургской администрацией, получать от нее поощрения и большие подарки. Им присваивались новые звания и должности, хотя для получения этих званий у них не было никаких оснований. Дело в том, что они в большинстве своем не заканчивали военных училищ и не проходили действительной военной службы. Но им через некоторые промежутки времени повышали звания, и многие из них становились полковниками и генералами. Если бы они были хорошо подготовлены в военном плане, то, конечно, сумели бы создать свою собственную тактику и стратегию ведения степной войны. Однако этим отличился один лишь войсковой старшина Лебедев, достойный противник Кенесары Касымова. Но и его обвинили в каких-то грехах, и он был предан суду. Вместе с тем понимание ведения степной войны и обращения со степными народами заключалось не только в проведении военных походов. Это требовало тонкой дипломатии, тайной и явной, и внедрения ее в политическую систему степи. И этого зачастую не могли сделать ни чиновники, ни армейские чины, ни сама администрация. А те султаны и правители, которые были знакомы с ментальностью казахского народа, явно противодействовали глубокой, цельной и целенаправленной политической линии правительства. Это было им невыгодно, поскольку за многие свои действия они могли понести наказание.

Большая политика требовала новых усилий, в ней переплелись интересы самого Кенесары, его сподвижников, интересы Оренбурга, омского начальства, высших чинов империи и даже правителей близлежащих государств, которые льстиво и сладкоречиво пытались привлечь на свою сторону Кенесары. Тот же бухарский хан подарил Кенесары значительные подарки, о которых мы уже говорили. Поэтому получалось, что он должен был находиться на службе и у хивинского, и у бухарского ханов. Тем более что бухарский хан фактически был полновластным владельцем всех центральноазиатских владений, и хивинских, и даже части кокандских территорий, которые были ему в какой-то степени подотчетны. Но у Кенесары было свое собственное политическое мнение. Заручившись поддержкой хивинского хана, он хотел

любыми путями создать свою самостоятельную вотчину — хотя бы на территории Хивинского ханства. Хивинский хан этому не противился. Он хорошо понимал, что такой союзник, как Кенесары — отважный герой, боец, — может стать тем самым буферным устройством, которое защитит его ханство от воздействия России.

Вместе с тем торговля России и центральноазиатских государств все больше и больше росла, все больше товаров поступало из России. Конечно, эти товары не могли соперничать с промышленностью Англии, которая постепенно внедряла своих агентов и свою торговлю в Афганистан, в другие районы и даже проникала в глубинные регионы Центральной Азии. Но у России были свои преимущества — ее выгодное положение: можно было без всяких издержек на дорогу проводить караваны прямо из Оренбурга и других внутренних районов до хивинских и бухарских пределов. В высших кругах Российской империи ценились многие экзотические товары — те же самые шелка, ткани, парча, замечательные выделки кожи и т. д. Хотя в центральноазиатской торговле самое большое место занимали продукты сельского хозяйства, в особенности изюм и другие сухофрукты.

Как мы уже отмечали, Кенесары Касымов в свое время вел весьма оживленную торговлю с хивинцами. Хивинцы в обмен на поставку замечательных жеребцов или тучных баранов отправляли в Казахстан старые свои ружья. Многие разведчики, которые были в стане Кенесары, отмечали, что у него многие ружья — фитильные, и даже с рогами. В то время как европейские армии, в том числе и российская армия, были хорошо вооружены современными видами оружия. Все это приводило к тому, что Кенесары разочаровывали и Бухара, и Хива. Но он понимал, что если действовать против них не вооруженными силами, а хитростью и дипломатическим путем, то можно заручиться их поддержкой или, по крайней мере, получить уверенность, что они не будут нападать на его тылы. С другой стороны, он осознавал, что является ханом. В его представлении это было завещанное предками ханство как самостоятельное образование — хан старался всегда решить все политические вопросы сам или в свою пользу.

Дело заключалось и в другом. Для того чтобы находиться в дружбе с хивинцами и бухарцами, необходимо было уничтожить своего закоренелого противника — кокандского хана. Именно Кокандское ханство и в особенности ташкентский кушбеги были тем камнем преткновения, который постоянно противостоял Кенесары Касымову. Если хивинцы и бухарцы в какой-то степени даже отодвигались от борьбы Кенесары и

стремились привлечь на свою сторону отдельные роды, которые были непокорными Кенесары, то Коканд к этому времени проявлял исключительную агрессивность, и притом руками самих же казахов. Известно, что огромную часть кокандского войска составляли те же самые кочевники, которым было трудно прожить. Наборы в эти войска производились захватническим образом. Очень часто туда попадали те, кто был обездоленным. И сама идеология Кокандского ханства заключалась в том, чтобы показать, что наиболее богатые и лучшие государства те, которые исповедуют ярый ислам, стремятся утвердить мусульманство во всех уголках Земли.

Здесь мы должны определить и другой момент: было ли в целом движение Кенесары Касымова мусульманским? Мы можем сказать однозначно: нет. Как раз мусульманская религия, несмотря на то, что Кенесары Касымов, как отмечается во многих документах, был очень набожным человеком, не стала главенствующим звеном в его государственном устройстве. Именно то, что Кенесары сумел создать пусть незначительную, но свою собственную государственность без главенствующей позиции ислама, светскую государственность, — надо вменить ему в заслугу.

Кокандское ханство постоянно стремилось обеспечить свою позицию в казахской степи несколькими способами. Первый — это насилие и разорение. Первыми разорялись роды, которые проживали по долинам Сырдарьи и в других местах, близлежащих от Коканда. Второй — это привлечение различного рода политических деятелей из среды чингизидов. Восхвалялись их качества, доблесть, давались какие-то должности, большей частью среднего уровня. Кокандские феодалы стремились показать, что они сумеют удержать не только чингизидов, но и подвластные им народы в своих руках. Кроме того, Кокандское ханство имело большую опору в той прослойке хищных баев, которые к тому времени состояли в отдельных родовых объединениях казахов из Старшего жуза и киргизов.

Политику Коканда по отношению к казахским родоправителям в лице чингизидов, которые своими корыстными интересами проводили в жизнь решения Коканда, следует оценивать неоднозначно. С одной стороны, высшая феодальная знать Коканда всегда стремилась найти с ними общий язык, так как обирать и разорять нужно было только казахские роды, расположенные на юге Казахстана. С другой стороны, Коканд всегда стремился как бы уважать этих чингизидов: одаривал их драгоценностями, шел на уступки, давал различные ценности. Но самое главное состояло в том, что эти чингизиды в конце концов начали противоборствовать между

собой.

А это было нужно как раз феодальным властителям Коканда.

Именно к лету 1845 года относятся некоторые положительные подвижки Кенесары Касымова во взаимодействии и с хивинцами, и с бухарцами, но своего непримиримого противника — кокандского хана — Кенесары Касымов не привлекал на свою сторону и не пытался завязать с ним каких-либо отношений. Еще осенью 1841 года эта вражда позволила Кенесары Касымову взять некоторые кокандские крепости, которые были расположены вдоль Сырдарьи и представляли собой небольшие, но прочные укрепления. Позже, в октябре 1846 года, Кенесары были взяты кокандские крепости Чим-Курган и Яны-Курган, а также осаждена Ак-Мечеть. Конечно, такой поворот событий был довольно своеобразным в той центральноазиатской политике, которая существовала во всей Центральной Азии.

Теперь взоры Кенесары были обращены к югу Казахстана. Летом 1845 года он отправил к своему двоюродному брату султану Рустему двадцать посланцев для того, чтобы они узнали, возможно ли пребывание государства Кенесары Касымова на территории Старшего жуза. Это посольство было лишь разведывательным и не могло указать те территории, на которых мог бы кочевать Кенесары Касымов. Принципиальное же одобрение со стороны султана Рустема было получено.

Таким образом, надежды Кенесары Касымова отныне были направлены в сторону Старшего жуза, на ту территорию, где можно было реально обосновать свое новое ханство. Именно с этой целью он и начал свои взаимоотношения с хивинскими и бухарскими вельможами. Получив и от них одобрение, но с какими-то материальными претензиями в будущем, он надеялся, что чингизиды в достаточной мере смогут удовлетворить его требования. Эти вещи были для Кенесары Касымова весьма реальными, но сама жизнь Центральной Азии была далека от тех реалий, которые стали проявляться в большой политической игре. И в эту большую политическую игру вступали большие державы. В первую очередь Россия, затем Англия и Китай. В этих условиях, конечно, будущее самостоятельное ханство Кенесары Касымова должно было стать разменной картой в руках каждого из этих государств.

Однако Кенесары Касымов не был столь послушным ханом, он тоже стремился создать свое самостоятельное государство, но реальная жизнь все больше отодвигала эти планы в далекое будущее. Реальность была такова, что все эти крупные державы стремились закрепиться на

центральноазиатских просторах и создать свой плацдарм — новое колоссальное имперское владение. Взоры всех были устремлены в пустынные, слабо населенные места: в верховья рек Чу и Сарысу, в Кызылкумы, где могло по-настоящему развернуться мощное государство. Но и взоры Кенесары Касымова обратились именно к этим районам, потому что он видел в них реальную возможность обосновать свое ханство под прикрытием многих казахских родов всех жузов. Все-таки он всегда представлял себя как единый казахский хан. И потому к концу 1845 года, когда стали строиться укрепления на Тоболе и на Иргизе и входить в полную силу, поскольку туда придвигались войсковые соединения, которые строили эти укрепления, все больше и больше аулов отходило от самого Кенесары Касымова, тех аулов, которые были не в состоянии заплатить огромное количество налогов и налагаемых штрафов и не могли стать основной материальной базой для войск Кенесары. Все эти причины, вместе взятые, и послужили тому, что Кенесары Касымов двинулся в районы Старшего жуза. И, как водится в традициях казахской старины, он двигался на юг как полновластный хан. И как хан, конечно, не отказывался ни от подарков, ни от иных почестей, которыми его награждали многие родоправители. Многие из них награждали его с тем, чтобы он оставил их в покое, но не таков был Кенесары Касымов. Напротив, принимая подарок, он всегда давал почувствовать, что этот подарок связывает теперь незыблемыми узами эту часть рода и эти аулы с ним самим и его идеей.

Идея создания самостоятельного государства была очень близка десяткам тысяч людей. Почему? Да потому, что они испытывали гнет и тех, и других феодалов, и думали, что в конце концов один сильный хан сможет оградить их от всех этих поборов и взимания зякета и ушура всемогущим Кокандом. А зачастую зякет и ушур взимались на несколько лет вперед. И тот, кто взимал налог, брал в свою пользу три части этого налога. Таким образом, в саму казну хан мало что получал от него. Известно, что вельможи и бухарского, и хивинского, и кокандского ханов постоянно жаловались на то, что налоги не доходят до казны. Казна всегда оставалась почему-то пустой. А вместо этого огромное богатство и влияние приобретали зачастую сами феодалы, и они становились теми политиками, которые направляли действия ханов. Фактически все эти ханы становились игрушками в руках феодальных властителей, которые формировали политику. А политика у них была очень проста: разжиться, развлечься и иметь для себя самые большие выгоды где бы то ни было. Настоящая политическая игра, та политика, которая должна была стать одним из направлений деятельности этих государств, зачастую наталкивалась на

своеволие феодалов, вельмож. Поэтому получалось так, что все эти взаимоотношения — переплетения и столкновения политических, экономических, социальных, межродовых, межклановых интересов — накладывали отпечаток на жизнь и юга Казахстана, и центральноазиатских государств.

Центральноазиатские правители зачастую объединялись по своим политическим целям, но эти цели были не так дальновидны, как хотелось бы. А в 1845 году, наконец, осталась позади та самая кровопролитная война между Бухарой и Хивой, которая должна была решить в определенной степени и судьбу Кенесары Касымова. В центральноазиатских делах Хива постоянно покровительствовала Коканду. И потому теперь Кенесары Касымов понял, что необходим разрыв с Хивой. Но куда же перекочевать в таком случае? Остаются единственные территории, которые не могут достать ни кокандские войска, ни хивинский хан, ни тем более российские отряды, — это Прибалхашье, где находились места кочевания многих родов Старшего жуза. Да, Прибалхашье — это пустынная часть Казахстана, но вместе с тем она является как бы связующим звеном между теми родовыми подразделениями, которые находятся севернее в составе Среднего жуза, и теми подразделениями, которые находятся в Жетысу и являются основными родами Старшего жуза. Благодатная земля Жетысу всегда привлекала всеобщее внимание и выгодным расположением торговых и других путей, издавна проторенных в этих местах, и замечательными горами, на склонах которых могли выпасаться тучные стада скота, и большим количеством водоемов, и замечательными климатическими условиями — всем тем, что создавало своеобразный райский уголок на степных просторах Казахстана.

Основные силы Кенесары Касымова в этот период были направлены на захват кокандских крепостей. Некоторые его отряды двигались в Туркестан и Ташкент. Таким образом, Кенесары Касымов со своим войском направлялся в районы заселения Старшего жуза и Семиречья. Семиреченская жизнь Кенесары Касымова — это особая страница его движения, его жизни. Ностальгия местных жителей по тем славным временам, когда ими управляли действительно разумные казахские ханы, проявилась в бесконечной череде почестей и преклонений перед ханом Кенесары. В душе, конечно, Кенесары Касымов осознавал, что все это может быстро исчезнуть, как те степняки, которые, появившись на горизонте, быстро исчезали на своих быстрых скакунах. Вместе с тем он стал тут же создавать все те коммуникации, всю ту экономическую базу, которая позволила бы ему стать полноправным правителем в районах

Старшего жуза. Но там были свои правители, свои собственные баи и бии, которым было не очень лестно принимать Кенесары Касымова как своего главного хана. И потому уже в это время начались раздоры на почве главенства над населением хана, султана, бия или батыра. Их нельзя обвинять в том, что они не понимали Кенесары Касымова и не хотели его принимать. Они его хотели бы принять, но лишь как гостя, а Кенесары Касымов хотел быть хозяином этих земель. Хозяином положения. К этому его обязывали и ханский титул, и его происхождение. К этому обязывала его идея восстановления казахского ханства.

Но ведь события, которые произошли после падения ханства Абылая, после падения отдельных родовых объединений, после постройки приказов и внешних округов, — все они прошли, как бы не задевая самого Кенесары. Да, они имели к нему непосредственное отношение, но его идеологию они не задели. И получилось так, что Кенесары Касымов со своей идеологией не мог вписаться в рамки Старшего жуза в смысле его сегодняшних забот и тревог. Это не означает, что Кенесары Касымов не хотел или не стремился найти общий язык с владельцами Старшего жуза. Наоборот, и они искали с ним союза, и они старались с ним быть на одном векторе политической жизни, но обстоятельства ушли далеко вперед от стремления этих людей. Таким образом, мы можем сказать о том, что Кенесары Касымов со своими сарбазами и со своим ханством, может быть, даже опоздал для создания своего государства на территории всего Казахстана и даже на территории Старшего жуза. Да, он был принят как хан, как боец и как народный герой, но события опережали его. Ему необходимо было сообразно этим событиям постоянно находиться в гуще политической жизни. И он сумел в некоторой степени выдержать этот сложный, а может быть, и сверхсложный политический экзамен.

Мы не будем углубляться в те противоречия, которые возникали между батырами и Кенесары Касымовым или между теми союзниками Кенесары Касымова, которые погибли вместе с ним, а вместе с ним погибли представители всех родов, которые шли за ним до конца, окрыленные идеей национальной независимости и национальной самостоятельности. Нужно сказать только о том, что эти междоусобицы и раздоры подталкивались многими и многими высшими чинами и России, и среднеазиатских ханств, и Китая, и еще бог знает кого. Известно также, что к этому времени наметились поползновения со стороны Британской империи в районы Центральной Азии. Поползновения эти были столь значительны, что именно в начале сороковых годов были развязаны англо-афганская и англо-китайская войны, где сталкивались интересы России и

Англии. И в этих условиях создание самостоятельного государства под главенством такой фигуры, как Кенесары Касымов, было невыгодно великим державам. И, естественно, они прилагали все усилия для того, чтобы это ханство не состоялось.

Это и есть подоплека всего того, что произошло потом, в 1846–1847 годах. Вместе с тем деятельность каждого из администраторов, в особенности генерала Вишневого, который постоянно натравливал и киргизских родоправителей, и центральноазиатских владельцев через своих лазутчиков на борьбу с Кенесары Касымовым, привела к тому наконец, что Кенесары так трагически погиб в мае 1847 года. Но это все будет впереди. А пока заканчивался тот самый 1845 год, в начале которого слава Кенесары Касымова достигла далеких пределов не только казахской степи, но и всей Центральной Азии.

БРОСОК НА ЮГ. ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Разумеется, Кенесары Касымов прекрасно понимал, что восстание идет на убыль и что к нему не могут присоединиться казахи многих родов, которые были его верными сподвижниками и его основной военной базой. В целом обстановка, которая в то время наблюдалась на юге Казахстана, в том числе и в Семиречье, была чрезвычайно сложной и запутанной.

Документы тех лет нередко противоречат друг другу. Во многих из них пишется о том, что Кенесары Касымов постоянно был в одиночестве, что у него оставалось несколько его аулов, которые были изолированы. Как же быть с теми сведениями, которые говорят о том, что к нему присоединились в огромной своей массе многие роды Старшего жуза, как и роды Уйсунь-шапрашты, которые испытывали сильнейший гнет кокандского хана? Они были за Кенесары Касымова. В одном документе проскользнуло то, что у Кенесары Касымова находилось до 20 тысяч кибиток. Это была огромная часть населения Старшего жуза.

Вишневский, ставший к тому времени генерал-майором, постоянно получал указания из Омска о ликвидации движения Кенесары Касымова — «пресечь и все его военные действия против российского престола». Генерал-майор распространял среди казахов и среди множества иных родов, в том числе и киргизских, свои прокламации о том, чтобы они отступили от Кенесары Касымова. Многие, конечно, следовали этим призывам. Но необходимо сказать и о другом: все казахское население, которое населяло Старший жуз, понимало, что необходимо братья за оружие, и под предводительством Кенесары, так как в это время царизм уже вплотную начал колонизацию юга Казахстана.

Но сам Кенесары Касымов, загнанный в степи и полупустыни Южного Казахстана, зачастую принимал неверные решения. Вместо прозорливой дипломатической политики он часто снисходил до представлений о мести хана, наказывая те или иные аулы, те или иные роды, приверженцев того или иного родоправителя за какие-либо поступки или за их строптивость. В этом плане Кенесары Касымов, конечно, представлял собой продукт собственной исторической традиции. Об этом надо говорить прямо и открыто.

До сих пор в историографии существует мнение, что Кенесары

Касымова или предали отдельные султаны и правители, или, наконец, он сам пострадал за свою жестокость. Но если рассматривать дело глубже, нужно сказать, что многие жестокости были связаны с войной, беспощадной и кровавой. Война никогда не обходится без кровопролития, без человеческих жертв, как не обходится она и без принятия сложных политических решений. Для нас важно другое. Кенесары Касымов и здесь, в Южном Казахстане, преследовал свою цель — самостоятельное казахское государство. Известно, что кокандские правители вкупе с генерал-майором Вишневым старались во что бы то ни стало ликвидировать Кенесары Касымова. Как уже отмечалось, Кенесары Касымов мешал всем — и российскому правительству, и тем родоправителям, которые сами мечтали стать местными царьками, и в первую очередь мешал кокандским правителям. И для того чтобы дискредитировать его политику в отношении казахского населения и всех тех, кто были его приверженцами, в ход пускались самые хитроумные и коварные расчеты. Ни одно из движений не имело таких последствий, как движение хана Кенесары. И не только потому, что оно длилось уже многие годы, но и потому, что оно вдохновляло людей на борьбу за свою самостоятельность и независимость. Многие родоправители преследовали свои собственные цели. Среди них, к сожалению, были и дальние родственники Кенесары Касымова по линии хана Абылая. При этом многие из них заручались поддержкой со стороны российских властей и кокандского правителя.

В свое время кокандские правители и российские власти сумели надломить все основные силы Кенесары Касымова, вынудив его уйти в южные районы Казахстана. Но и на юге Казахстана обстановка накалялась. Накалялась из-за той глобальной политики, которую старались проводить все высшие круги. И помощью этой политической линии становилась деятельность тех же казахских родоправителей. Владея огромными землями, фактически находящимися в их собственности, владея тучными стадами, эксплуатируя рядовых кочевников, они в то же время выказывали свое одобрение Кенесары Касымову, даже высылали ему богатые подарки. И одновременно в переписке с российским начальством они осуждали Кенесары Касымова, стремились его опорочить, доказывая свою верность престолу и омскому начальству. Такая двойственная политика, которая вдобавок еще и не была устойчивой, так как в этих районах постоянно наблюдались движения различных родов, взаимные упреки — все это влияло на то, что Кенесары Касымов предпринимал очень решительные и смелые действия. Порой они, конечно, носили жестокий характер по отношению ко многим родам, но вместе с тем, отдавая себе отчет в этих

действиях, Кенесары Касымов преследовал главную цель — создание своего независимого государства, которое не только позволило бы ему быть ханом, но и самому народу позволило бы стать вершителем своих судеб. И это, разумеется, не нравилось родоправителям.

Весной 1846 года состоялось совещание основных родоправителей, которые заправляли политикой в Старшем жузе и собрались якобы для того, чтобы полностью очистить свои земли от Кенесары Касымова и его сподвижников. Об этом говорят донесения генерал-майора Вишневого. Однако многие из тех родоправителей, которые в своих письмах наверх писали о том, что они стремятся ликвидировать Кенесары Касымова, на самом деле поддерживали его. Поддерживали его многие славные батыры, которые стали потом легендами Семиречья.

Местом перекочевок для себя Кенесары Касымов избрал низовья реки Или и полуостров Камал. Временно в этих районах кочевали те самые роды дулатов, шапрашты и албан, которые со своими аулами испытывали страшный произвол и со стороны Коканда, и со стороны российской администрации через северо-восточные пределы Казахстана. Для Кенесары Касымова эти районы были важны тем, что здесь были сосредоточены те родоправители, которые не только на словах, но и фактически иной раз поддерживали его. Но ни один из них не предпринимал реальных усилий по оказанию ему действенной военной помощи. В этом состояла их огромная ошибка. Впоследствии, после смерти хана Кенесары, многие из них стали понимать, что любой колониализм ничем не лучше кокандского и что вопросы самостоятельного развития могут быть сдвинуты с места только при одном условии: при единстве всех родовых структур, при единстве родоправителей.

К сожалению, слишком часто этому мешали личные обиды. Но главным было то, что родоправители уже умели приспособливаться к начальству и видели, что начальство не хочет признавать Кенесары Касымова ханом, полновластным владельцем казахских аулов. А раз начальство не признавало Кенесары ханом, то и они тоже, на словах оказывая ему почести, фактически не признавали его ханом, ханом единой казахской степи.

В одном из документов писалось, что «Кенесары удалился к киргизам Большой орды, между коими кочует теперь на Каратау, где пронырством и хитростью сумел склонить большую часть в свою пользу». Но на самом деле это не было хитростью — призывы Кенесары к созданию самостоятельного государства стали главной причиной того, что эти родовые структуры объединились вокруг него, как законного и

легитимного хана. При этом российская администрация очень четко разделяла те родовые структуры, которые шли за Кенесары Касымовым, и те, которые находились в подчинении у российского престола. Да, в определенной степени законодательные акты способствовали развитию этих самых родовых структур. Но наряду с этим они все больше начинали испытывать двойной гнет, о котором в свое время писали идеологи социализма. Сборы налогов и угоны лошадей, произвол казачьих начальников — все это сказывалось на родовых структурах. Вместе с тем были и законные налоги, которые взимались с каждой кибитки, существовали различного рода повинности, которые приходились именно на период хозяйственных работ.

Кочевое скотоводческое хозяйство испытывало серьезный кризис. Уменьшение пастбищных земель, природные обстоятельства приводили к необходимости интенсивных форм ведения хозяйства, но они применялись очень мало. В основном все кочевое население занималось хозяйством, свойственным кочевому образу жизни. Такое положение сказывалось на судьбе всех родоправителей, которые должны были считаться и с положением рядового кочевника. В таких условиях они могли принять и неадекватное решение.

Одно из постановлений султанов и биев, под которым подписались практически все те, кто распоряжался кочевниками Старшего жуза, гласило: «В присутствии состоящего в должности приграничного начальника господина генерал-майора Вишневого мы положили с непоколебимой твердостью мятежного султана Кенесары Касымова и его приверженцев, пришедших на наши места, как нарушителя общенародного спокойствия считать врагом нашим, не иметь с ним никаких сношений, чтоб как он (Кенесары), так и его приверженцы не находились на занимаемых нами местах». Этот документ, с одной стороны, подтверждает двоякую политику, которую вели султаны, в душе искренне поддерживавшие Кенесары и изъявившие ему покорность прилюдно. Но вместе с тем они не могли не видеть того, что российские власти все активнее продвигаются в южные районы Казахстана — в Семиречье. И чтобы обезопасить себя, они подписывали такого рода документы. Эти документы свидетельствуют и о другом: многие казахские родоправители не могли больше принимать собственные решения, самостоятельность их канула в былое. Раньше они сами расправлялись с представителями враждебных структур, теперь становились игрушкой в руках российской администрации и генерал-майора Вишневого. Каждый из этих родоправителей имел в своем подчинении сравнительно небольшое количество людей. И как люди,

зависимые от престола, они, конечно, в одиночку не могли оказать противодействия ни российским отрядам, ни тем более Кенесары Касымову. Судя по рапорту есаула Нюхалова, начальника военного отряда, который был послан для уничтожения Кенесары Касымова, у последнего находилось большое количество людей. Так, в этом документе пишется: «Представляет много тому препятствий (имеется в виду ликвидация Кенесары Касымова и его отряда. — Э. В.) по большинству вооруженных людей его шайки, которых они считают до 10 000, и что вооружение у них улучшено находящимися у них 8 хивинскими мастерами».

Поскольку Кенесары занял укрепленный самой природой полуостров на Балхаше, называемый Камалом, где кочевал со своими приверженцами, и поскольку в этом месте не было переправ через реку Или, есаул полагал, что тот намерен здесь сопротивляться отчаянно. Конечно, Кенесары не только сопротивлялся, но, как видно из этих цифр, к нему стекалось и огромное количество народа.

Душевный подъем Кенесары в то время был велик, его вдохновляла мысль хотя бы на этих южных рубежах Казахстана создать новое казахское государство. И хотя все его надежды уже иссякали, но этот дух все-таки привлекал к нему десятки и тысячи людей. Потому Кенесары Касымов начинает связываться и с другими родовыми структурами, которые кочевали севернее озера Балхаш. Об этом имеются различные документы. Но основная деятельность Кенесары Касымова по созданию единого казахского самостоятельного государства проходила именно в южных районах Казахстана, в районах благодатного Жетысу.

Многие представители Старшего жуза отряжали отряды для борьбы с Кенесары Касымовым. Вместе с тем они постоянно указывали властям на то, что теперь к Кенесары проникнуть невозможно. Хотя известно, что если кочевники задумали вести военные действия, они могли бы очень быстро пройти сравнительно неширокую долину реки Или и перебраться на полуостров Камал. Жалобы на то, что эти места не позволяют людям пройти или проехать, конечно, были лишь уловкой со стороны родоправителей. Но и для них это было беспокойное время — они думали, что если бы вдруг исчез Кенесары Касымов со своими подданными и со своей идеологией национально-освободительного движения, то им, конечно, было бы намного спокойнее жить. Было бы легче брать взятки от своих подчиненных, отдавать эти взятки, в свою очередь, администрации, лишь бы она оставила их в покое и дала возможность быть полными хозяевами на местах.

Генерал-майор Вишнеvский разрабатывал очень серьезный план

ликвидации Кенесары Касымова. Этот план был создан к осени 1846 года. По этому плану необходимо было провести все подготовительные работы, доставить материальное обеспечение отряду есаула Нюхалова, кроме того командировать казачьи соединения в близлежащие крепости. Также предусматривались хорошая экипировка и постоянная сытная пища. Операция по устранению Кенесары Касымова намечалась на раннюю весну, когда начнется половодье и все хозяйство мятежников, включая лошадей, будет находиться в очень сложном положении.

Кенесары Касымов тоже понимал, что теперь он обложен со всех сторон. Известно, что к этому моменту началось продвижение российских войск в верховья Сырдарьи. В то же время российские войска укрепились в районах реки Аягуз и в более северных районах. Тем самым получалось, что в его распоряжении оставался лишь полуостров, проникновение на который неминуемо должно было произойти. И тогда Кенесары Касымов предпринял еще один замечательный в смысле военного искусства маневр. Он со своими многочисленными сторонниками переправляется через реку Или, используя для этого заблаговременно приготовленные плоты и два небольших парома, как свидетельствует документ. И далее направляется в более сухие долины реки Чу.

Переход Кенесары к реке Чу диктовался и своеобразными политическими соображениями. Он надеялся в междуречье Чу и Таласа, а особенно в предгорьях Каратау снова поднять народ, собрать всех своих приверженцев и здесь же создать свое государство. Кроме того, он ожидал, что в этих планах ему помогут многие киргизские родоправители. Но российская администрация действовала еще более тонко. Она приложила большие усилия к тому, чтобы киргизские родоправители, в том числе и известные бии, — а они являлись главными правителями родовых объединений киргизов и приглашались постоянно в ставку к российским властям, — были на ее стороне. Кроме того, все они получали письма, в которых им сулили щедрые подарки, чтобы они стали союзниками российских войск в борьбе против Кенесары.

В то же время Кенесары Касымову было очень важно показать, что он все еще остается общепризнанным ханом. Поэтому уже в период его пребывания на полуострове Камал он вдруг совершенно неожиданно двинулся в степи, лежащие севернее, и продвинулся к Кокчетау. Здесь находилось очень много его приверженцев. Большинство людей были из тех же самых родов, которые поднимались с ним на восстание еще восемь лет назад. Они все хорошо помнили всю семью Кенесары. С одной стороны, их уважали, но с другой — испытывали некоторый страх перед

своевольным и грозным ханом.

Показывая свою боеспособность, Кенесары Касымов в то же время имел постоянное посольство у киргизов, кочевавших в Притяньшанье. При переходе к реке Чу, который совершался не только по необходимости, но и по приглашению со стороны отдельных родовых структур Старшего жуза, к нему стало стекаться большое количество народа. В одном из донесений писалось, что именно в этот период к Кенесары Касымову присоединилось до 20 тысяч кибиток казахов, бывших в подданстве Коканда. Да, для Кенесары Касымова как будто вновь наступали неплохие времена. Казалось, он вновь встанет во главе огромного войска и сможет реализовать свою мечту — создать независимое казахское государство. Но российская администрация, чтобы окончательно разгромить Кенесары, посылает отряд есаула Нюхалова, который подошел вплотную к реке Или. Обстановка все больше и больше накалялась. В целом против Кенесары Касымова были сформированы три отряда. Первый отряд, под командованием сотника Карбышева, состоящий из восьми урядников и 125 казаков, выступил весной 1846 года и был направлен на Каркаралы, то есть в те северные районы, куда не должен был проникнуть Кенесары Касымов. Второй отряд выступил из той самой линии на правом фланге, который занял Нюхалов, его маршрут лежал от Семипалатинска до реки Аягуз и далее на юг — тем самым Кенесары отрезался путь в восточные районы Казахстана. И третий отряд, в составе 150 казаков под командованием есаула Нюхалова, был командирован в Семиреченский край и должен был ликвидировать самого Кенесары.

Таким образом, план военных действий, разработанный в Омске, был вполне осуществим в данной обстановке. Может возникнуть вопрос: а почему же не могли дать отпор многие тысячи сторонников Кенесары Касымова этим немногочисленным казачьим отрядам? Необходимо иметь в виду, что сторонники Кенесары Касымова, как уже отмечалось, имели всего лишь восемь хивинских мастеров, которые делали оружие старинного типа, а основное оружие, которым располагал Кенесары, — это самодельные пики, копья, луки и стрелы. Имея такое вооружение, невозможно было вести войну против артиллерии, скорострельных винтовок, которые уже появились на вооружении российской армии. Система разведывательной службы Вишневого и всей Сибирской администрации имела хорошо налаженную связь с теми киргизами, которые противостояли Кенесары. Разжигалась межнациональная рознь, прельщали разного рода подарками и посулами. Наконец киргизам была обещана власть над казахами Старшего жуза. В этих условиях, конечно, они старались усердно выполнять

поручения Вишневого. Хотя на самом деле многие киргизы стремились наладить дружеские отношения с казаками, для чего не было никаких препятствий, кроме как территориальных претензий, в результате которых на протяжении десятилетий были определенные противоречия. Но опять же эти противоречия часто решались мирно-на бийском суде. Традиционное представление о своей территории у каждого этноса было свое собственное.

В одном из документов пишется, что «...прибыл к нам Кенесары и уже три года как мы сделались врагами». Как могли сделаться врагами люди, которые на протяжении десятилетий были в дружеских отношениях? Это говорит о корысти киргизских манапов, которые стремились во что бы то ни стало угодить российскому начальству. С неменьшим усердием и Кенесары Касымов стремился восстановить дружеские отношения между казаками и киргизами. Но в традиционном понимании. Он посылал не одно свое посольство к киргизам с тем, чтобы они покорились ему как общеказахскому и киргизскому хану. При этом он всегда чувствовал за собой поддержку дулатовцев, которых киргизы непродолжительное время считали своими врагами.

По прибытии Кенесары в районы кочевания Старшего жуза разросся его конфликт и с киргизскими феодалами. Один из них, пишпекский кушбеги Алишер — ставленник кокандского хана, а также манап Курман предложили киргизам откочевать в глубь страны, а сами начали собирать свои войска для борьбы с Кенесары. Места, которые они выбирали, — это в основном глубокие ущелья, в которых можно было засесть с небольшим количеством войск, а внутри этих ущелий разбить огромную армию. В одном из многочисленных донесений один из манапов писал генералу Вишневному: «Кенесары, прибыв к нам, сделался уже врагом. В прошлом году они разбили аулы наши и сто наездников умертвили. Но мы с помощью божьей вооружились под предводительством султана Боке и умертвили 4000 человек». На самом деле война, наверное, не была уж столь победоносной со стороны киргизских феодалов, если они постоянно наталкивались на сопротивление Кенесары. Но война несла за собой страшные последствия. Она губила людей, разоряла их домашнее хозяйство, многие попадали в плен.

Посольство, которое было направлено со стороны киргизских манапов к Кенесары-хану, возглавил известный манап Калигул. В конце концов обе противоборствующие стороны признали, что киргизы и казахи будут дружественной и самостоятельной стороной, но по всем важнейшим делам будут советоваться с Кенесары, прислушиваться к его голосу.

Перемирие, однако, было недолговременным. Уже к 1847 году оно было нарушено, а поводом послужило то, что киргизские манапы решили во что бы то ни стало отомстить одному из батыров Кенесары — знаменитому в Джетысу батыру Саурыку. Во время отдыха Саурык-батыра 70–80 киргизов напали на его отряд, перебили его джигитов, убили его самого и угнали более 700 лошадей. Нападение киргизских манапов на одного из полководцев Кенесары Касымова, конечно, вызвало новые военные действия, которые предпринял Кенесары против киргизов.

К весне 1847 года война была в самом разгаре. Одно из самых последних сражений Кенесары с киргизскими войсками происходило в горах Кекли, недалеко от Бишкека. Испокон века это место, в особенности местность Майтобе, считалось у киргизов достаточно кровавым. И именно в этом месте сошлись две армии, одну из которых возглавлял киргизский манап Ормон, а другую — Кенесары-хан. Ориону в этой битве в какой-то степени оказало помощь то, что и Рустем-султан, и Сыпатай-батыр в ночь перед большим сражением ушли от Кенесары-хана, мотивируя это тем, что необходимо окружить киргизов с другой стороны. Однако они не переправились через реку и фактически не участвовали в бою. Кроме того, кокандские властители предложили Ормон-хану свой довольно большой отряд. И получилось так, что Кенесары Касымов со своими отрядами и людьми оказался в полном окружении. Он предпринял тогда очень важное, с военной точки зрения, решение — вместо того чтобы на лошадях пробиваться сквозь строй противника, когда большая часть могла погибнуть, Кенесары предложил заколоть всех лошадей, оставив только тридцать, нагрузить на них мясо и другую провизию, а самим пробиваться пешими с пиками в руках. По казахским представлениям, такое решение военной задачи было, конечно, равносильно самоубийству, так как лошадь — это второе «я» степняка.

Кенесары, его ближайшие спутники и сподвижники, в том числе Наурызбай-батыр, во главе своих отрядов решили выйти из окружения. Но на них обрушились удары киргизских войск. В одном из документов пишется, что сотни бойцов Кенесары, засасываемые предательской рекой, потонули под ударами наседающих каракиргизов, но, погибая, они выручали своего любимца — султана Кенесары Касымова. Жертвуя собой, они спасли Кенесары-султана, перебрасывая его с одной тонущей лошади на другую.

Взяв затем в плен Кенесары Касымова, киргизы решили лишить его жизни. Вот как описываются последние мгновения жизни Кенесары перед казнью: «Кенесары, взглянув тогда на собравшийся народ, на далекие горы,

на высокое небо, откуда лились ласковые лучи веселого солнца, взглянув кругом себя, запел песню. Долго лилась его песня среди собравшейся толпы, и словам сим долго внимала толпа, не имея ни сил, ни желания оторваться от властных слов его песни, что глубоко западали в душу каждого, кто слушал их. В песне своей исполнил он всю свою жизнь в родных и привольных степях в кругу родного аула».

В октябре 1847 года главный манап Джантай Карабеков написал пограничному начальнику о своей войне с Кенесары и о его гибели: «Мятежника же Кенесары схватил мой человек по имени Калча и первым известил меня о том. После чего он — Кенесары уведомил, чтоб показать ему лицо и из награбленного имущества торговцев предложил 60 навьюченных в тюках верблюдов, с тем чтобы его отпустили. Но я за сделанные многим народам злодеяния и равно, чтобы доставить обиженным спокойствие и благоденствие, не польстившись сказанным именем, умертвил его, тем самым оказав услугу государю. Потом брату моему Калыгулу отдав голову, при письме, с печатью на оном, отправил султану Рустему и бию Сыпатаю, на тот конец, чтобы они о том известили Вас, господин генерал».

Таким образом погиб не только сам великий герой, погибло все его дело. Но надо сказать о том, что память о Кенесары Касымове осталась в сердцах многих и многих потомков. И много десятилетий спустя эта память воплотилась в новых исследованиях, созданных казахскими историками на тему народно-освободительного восстания Кенесары Касымова.

Как свидетельствуют некоторые архивные документы, вместе с Кенесары Касымовым попали в плен и погибли его брат, двое его сыновей и до 15 султанов. Тем самым закончилась кровавая борьба между Кенесары и киргизскими войсками. Победителей в этой войне не оказалось. Некоторое время спустя, через каких-то 10–15 лет, киргизы в хитросплетениях политической игры сами оказались игрушкой в руках властей.

Конечно, когда посылались посольства киргизов к Кенесары, когда они молили о том, чтобы он не воевал с ними, а стремился создать подобие союзнического государства, то Кенесары это отвергал. Эти свидетельства и сказания были записаны не только со слов казахских родоправителей или казахских шежире, но это было записано и со слов киргизов, которые, конечно, в душе своей сочувствовали Кенесары. Потому что он воевал за самые благородные и высшие цели — за свободу и независимость каждого, в том числе и киргизского народа.

Но кто же из родоправителей-казахов поддерживал Кенесары

Касымова? Достаточно долгое время его поддерживал султан Рустем, некоторые другие родоправители, в том числе один из героев национально-освободительной борьбы батыр Саурык. Кроме того, его поддерживал один из батыров-дулатовцев Сыпатай. Но здесь отношения были очень сложными. Никто из родоправителей не хотел подчиняться единому хану, никто не хотел иметь над собой власть единого хана, потому что само по себе подданство кокандцев, которые чуть ли не ежемесячно меняли своих наместников и старались собирать побольше налогов, при этом льстя родоправителям, конечно, воспитало целую плеяду людей, которым было комфортно жить в условиях множественного подчинения. У каждого из родоправителей были собственные амбиции по поводу того, кто из них может стать главенствующим лицом в тех или других родах. Это не говорит о том, что те люди заведомо были предателями Кенесары и его дела, но они были людьми своей эпохи. И это исторические реалии судеб казахского народа в тот период. В целом, сами условия приводили к тому, что раздоры стали одной из основных составляющих жизни казахского аула, особенно на юге Казахстана, и раздоры эти были значительны.

Имел ли Кенесары какие-либо отношения с китайскими правителями? Возможно, имел, а может быть, и нет, сейчас судить об этом очень сложно. Кенесары Касымову необходим был мощный союзник, но он его нигде не находил. Он не нашел его ни в лице азиатских правителей, ни в лице собственных родоправителей, амбиции которых при каждом удобном случае поднимались до невероятных высот. Он не нашел своих союзников в лице манапов, которые в конце концов стали проявлять к нему враждебность. Он не нашел союзников в лице многих своих сородичей султанов-чингизидов. Но обратиться к простому народу, стать действительно народным вождем, как нам хотелось бы видеть, он не смог. И хотя он действительно был народным героем, все-таки над ним довлела печать чингизида, властителя подчиненного ему народа, что не позволило ему опереться на широкие массы, которые ему верили, но и опорой ему не стали, поскольку они верили в него как в традиционного хана. В этом состояла огромная трагедия казахской степи, когда традиционность тянула назад, в былые времена, все помыслы, намерения и надежды тысяч и тысяч людей Казахстана.

Одна из самых трагических страниц в истории Кенесары — это его гибель и борьба казахов и киргизов в горах Алатау.

Поначалу, еще при переходе на территорию Старшего жуза, Кенесары предполагал наладить отношения с киргизами. Так, в 1846 году он отпустил 200 киргизов во главе с Калчаби, взятых в плен при их нападении

на него. Он писал: «Цель моего прихода сюда не враждовать и проливать кровь, а соединить силы казахов и киргизов в одно, отделить их от Коканда и вообще освободить от притеснений кокандцев. Между тем случились некоторые нежелательные дела, теперь на все происшедшее между нами я объявляю салават и прощаю вам недоразумение, что я не питаю злобы, можно видеть из того, что выпускаю на свободу невредимым Колчабия и его 200 джигитов. По получении этого письма удалите из сердца опасения и явитесь ко мне, чтобы соблюсти обряды покорности и тем достичь высокой степени счастья. Если же это предложение не придется вам по сердцу и вы не откажетесь от вражды, то отвечайте сами за свою судьбу».

Однако, как мы уже отмечали, народ и манапы представляли далеко не одно целое. В борьбе против Коканда и против российского престола Кенесары и манапы сильно разнились. Манапам необходимо было лишь предстать родоправителями или самими ханами. Так, на переговорах между киргизскими и казахскими родовладельцами один из влиятельных биев, Ормон, сказал: «Пусть ханство над обоими народами передаст мне, а Кенесары будет действовать с моего согласия». То есть он тоже претендовал на ханство, которое позволило бы ему стать во главе и казахов, и киргизов. С другой стороны, у Кенесары не оставалось другого выхода, как вести борьбу с этими манапами. Положение о том, что при таких народных столкновениях, таких народных войнах страдает в основном неимущая часть населения, которая борется за свою свободу и независимость, оказалось верным. И с той, и с другой стороны предпринималась масса усилий, чтобы доказать свою правоту. Необходимо подчеркнуть, что Кенесары во всех своих действиях преследовал одну цель — создание свободного и независимого государства. Цели же родоправителей типа Ормона состояли лишь в том, чтобы это государство находилось в их власти и было похоже на Коканд или на другие среднеазиатские ханства.

То, что Кенесары-хан стремился создать самостоятельную государственность казахов, доказывает, что верховным правителем этой государственности, по легитимному избранию на ханство в 1841 году, Кенесары считал себя. Верховный правитель должен был организовывать и защищать это государство, и эти функции традиционного государственного правителя полностью взял на себя Кенесары, до самой своей последней минуты. При Кенесары существовал, как и в былые времена, ханский совет, но все же решающий голос оставался всегда за ханом. Этим и отличалось ханство Кенесары от более демократичных государств. Но единоличное правление Кенесары-хана носило в основном справедливый характер. В

ханский совет входили представители тех кругов, которые были искренними сподвижниками Кенесары-хана и составляли основной костяк национально-освободительной борьбы, фактически представляли собой и военный совет ханства. Управление своим государством Кенесары осуществлял при посредстве своих представителей, которые в документах называются эмиссарами. В его государстве существовали различного рода ведомства, которые ведали судебными, дипломатическими, финансовыми, имущественными вопросами, и, наконец, наиболее важное место занимали люди, которые руководили военным делом.

При дипломатических переговорах Кенесары вводил свои собственные правила — протокол. Об этом свидетельствует Герн, посольство которого привело к Кенесары освобожденных жену и родственников. Так, Герн описывает: «Когда русский чиновник с Оренбургской линии с сопровождающими был уже недалеко от аула Кенесары, тогда Кенесары распорядился поставить как для чиновника, так и для султана Карибая с прочими, три кибитки расстоянием от своего аула версты за две и с того времени им во всем отпускается по вкусу азиатское самое лучшее приготовленное в пищу». То есть Кенесары-хан соблюдал какие-то правила дипломатического протокола. Конечно, нельзя говорить о том, что этот протокол составлен по всем канонам того времени, но надо отдать должное Кенесары, что он уважал чужое мнение и старался поддерживать дипломатические отношения именно посредством протокола с представителями других государств и ханств. И такое поведение Кенесары снискало ему славу одного из самых умных и справедливых ханов во многих районах.

Более сложный вопрос — это судебная власть. Верховная судебная власть была сосредоточена в руках самого Кенесары. Для решения межродовых столкновений и противоречий назначались дни. Реквизицию имущества и скота у крупных скотовладельцев осуществляла сестра Кенесары Бопай. Реквизиции подвергались только те родоправители и представители знати, которые отказывались помогать повстанцам. Для исполнения важнейших поручений в государстве Кенесары существовали особые люди. В основном эти поручения выполняли толенгуты — личная гвардия Кенесары. Толенгутов у Кенесары было не более тысячи человек. Притом он считал, что толенгуты, как и при Абылай-хане, должны по праву принадлежать ему и как султану, и как хану. Кроме того, на территории, которая была под властью Кенесары, беспрекословно выполнялись все требования дисциплины, все указания хана и его ближайших сподвижников.

Судебно-правовые отношения были наиболее сложными в государственном устройстве Кенесары Касымова. Во-первых, судебные дела имеют место в тех случаях, когда есть значительное скопление людей, объединенных не по территориальному или родовому признакам, а которых объединяла бы общая идея. Потому, конечно, судебная деятельность Кенесары должна была носить справедливый и очень действенный характер. И Кенесары всячески содействовал тому, чтобы преобразовать казахское обычное право в ряд тех законодательных актов, которые должны были стать основой его судебного законодательства. Имеются прецеденты того, что иной раз он сам назначал биев, которые могли справедливо решить какие-то вопросы. Иной раз он каким-то образом квалифицировал биев, а некоторым из них, пользующимся доверием масс, присваивал звание графа.

Роды, которые были на стороне Кенесары, постоянно обращались к нему с просьбами разрешить возникшие конфликты. Конфликты часто относились или к межродовым столкновениям, или к межпастбищным спорам. И в разрешении этих споров Кенесары нередко выглядел как очень справедливый вершитель судеб. Например, даже такому известному батыру, как Котибар, у которого возник спор из-за стародавних пастбищных претензий с другими родами, он отказал в иске, указав, что прошло двадцать с лишним лет.

Кенесары имел весьма отрицательное отношение к барымте. Барымта всегда скрывала в себе несправедливую реквизицию и отнятие скота, и Кенесары одним из самых главных условий для враждующих родов считал прекращение барымты и перемирие на почве дружбы и взаимного уважения.

В своей налоговой политике Кенесары придерживался традиционных правил. Налоги выплачивали казахи издавна в пользу и ханской казны, и своего государства, в том числе и государя. Первый налог — это налог зякет со скотоводческих племен. Как правило, зякет собирался в различных обстоятельствах и был как бы резервом для фактического существования самого государства. Зякет также взимался с хлебопашцев, но был для них не очень тяжел. Так, Кенесары установил, что стадо до 40 голов вовсе не облагалось налогом, со стада от 40 до 100 голов взималась одна голова, а далее с каждых 40 голов взималось по одной голове стада. Кроме того, с подведомственных родов он взимал зякет не только продовольствием или продуктами земледелия, но иногда и одеждой, оружием, конской сбруей. Это свидетельствовало о том, что Кенесары понимал все нужды своих людей. Кроме того, что взимались ушур и зякет, существовали так

называемые добровольные пожертвования. Они часто выполняли роль дополнительного налога и пополняли казну государства. В то же самое время Кенесары не вводил подушный и кибиточный налог, который взимался всеми, кто стоял над кочевниками тем или иным образом. Эти налоги взимались и русскими властями, и хивинскими, и кокандскими, и бухарскими. Как правило, эти налоги взимались на несколько лет вперед, а через некоторое время опять шли сборщики налогов, хорошо вооруженные, и взимали новые налоги. Налоговая политика Кенесары была справедливой, и двойные налоги никто никогда не платил.

Но особое значение в государстве Кенесары имело военное дело. По далекой тюркской традиции, как и по традиции Чингисхана, он разделил свои войска на десятки, сотни, тысячи и во главе их ставил закаленных и преданных бойцов. Им же был создан и военный совет, в котором принимали участие все его видные военачальники. В войске Кенесары имелись воинские звания, которые высоко ценились в самом войске. Так, кроме начальствующих над войсками мынбашами, жузбашами, были еще мергенбаши — начальники особых отрядов, отличные стрелки, джигиты, в совершенстве владевшие своим оружием и метко стрелявшие по целям.

Хорошо было поставлено обучение войск. Каждый воин должен был отлично владеть и стрелковым, и холодным оружием. Кроме того, бойцы постоянно участвовали в различных играх, проходили азы военного искусства, обучались и меткой стрельбе, и владению саблей.

В военном искусстве Кенесары применял различного рода военные хитрости. У него всегда имелись разведчики, лазутчики, которые постоянно добывали сведения о передвижении противника, и это оказывало ему существенную помощь. Вместе с тем в его армии существовала очень жесткая дисциплина, которая укрепляла саму армию, сплачивала бойцов вокруг главнокомандующего. Отменная дисциплина сыграла свою роль в отдельных его сражениях.

Кенесары впервые для такого государства ввел знаки воинского различия. Воины носили на груди и на плечах нашивки из красной и синей ткани, которые состояли из одного, двух, трех рядов. Почетные же люди и командиры всегда имели при себе саблю в чехле из красного сукна. Сам Кенесары как главнокомандующий носил русские полковничьи эполеты. Особо отличившихся джигитов поощряли по справедливости, не считаясь с их общественным положением. Основным видом поощрения была выдача оружия, некоторые получали очень хорошие, дорогие ружья и предметы воинского обихода.

В основном армия Кенесары была вооружена холодным оружием —

пиками, луками и саблями. Ружья были достаточно старой конструкции, но воины Кенесары стреляли из них очень метко, что отмечалось в различных документах. Оружие Кенесары хранил в отдельных подвижных арсеналах, так называемых кунак-хана (оружейных палатах), которые строго охранялись. Много оружия добывалось в качестве трофея, но какую-то часть повстанцы производили сами, в основном холодное оружие — пики, сабли, копья, которые были отличного качества и представляли собой грозное вооружение сидящего на коне батыра.

В армии Кенесары была известна начальная строевая подготовка. А ставка самого Кенесары имела вид военного лагеря. В любое время, при перекочевках или во время передислокации, Кенесары не забывал о военной подготовке своих джигитов, как не забывал о том, чтобы его войска были одеты и сыты. Военно-полевые разведывательные данные, которые собирали его проверенные разведчики, позволяли предусматривать любое приближение противника. Военное искусство, которым с давних пор владели кочевники, в особенности при наследовании тюркского военного искусства, в какой-то степени получило развитие при Кенесары и было направлено на одну цель — создание собственного независимого государства. Таковы были военные реформы Кенесары Касымова.

Вместе с тем Кенесары уделял внимание развитию земледелия и торговли. Как это ни покажется странным, но именно в том районе, достаточно населенном, где он кочевал, занимались земледелием: выращивали урожаи на поливных землях, с использованием орудий труда, притом различного характера. В то же время там очень хорошо развивалась торговля. Поначалу, налетая на торговые караваны, он не особенно придавал значения торговле. Но впоследствии караванная торговля стала одним из главных средств пополнения его казны и собственного богатства. Так, например, при переговорах с хивинскими, бухарскими ханствами в первую очередь ставился вопрос о беспрепятственном продвижении торговых караванов и бесперебойной торговле между ним и этими странами, известными своими торговыми традициями. Один из свидетелей писал: «В аулах Кенесары я видел торгующих из татар купцов, выехавших из Орской крепости, Хусаина и Мусу Бурнаевых, которые по отъезде моем в Оренбург с данными бумагами Кенесары остались еще там». В одном из донесений, которое было отправлено в Оренбургскую администрацию, сообщалось: «Бывшие в аулах этих мятежников торговцы приобрели большую выгоду, ибо от них не приказано трогать тех, кои торгуют в аулах их и сами к ним приезжают». Как видим, в государстве Кенесары наличествовала, несмотря на всю тяжесть его положения, торговая сеть.

Конечно, говорить о развитых торговых отношениях не приходится, но вместе с тем очевидно, что торговцы и люди купеческого звания были ценимы в государстве Кенесары.

Наряду с этим Кенесары Касымов внимательно следил за тем, чтобы казахи занимались земледелием и тем самым постепенно переходили на оседлость. Но могло ли государство, которое испытывало такие трудности, не имело своей территории и четко обозначенных границ, поощрять все виды мирной деятельности? Конечно же нет. В первую очередь необходимо указать на то, что самую главную обязанность в этом государстве исполняли воинские соединения, общинники, для которых война стала привычным делом.

В истории Казахстана государственность Кенесары-хана была серьезным и значительным явлением. Как бы там ни было, но это государственное устройство просуществовало почти десять лет, несмотря на отсутствие своей постоянной территории, развитой законодательной, судебной базы и инфраструктуры. И главным его основанием стала, может быть, как раз та духовность, которая всю жизнь руководила Кенесары Касымовым. Знакомясь с огромным количеством архивных документов, наталкиваешься иногда и на крамольные мысли о том, что Кенесары Касымов был жесток, — он был жесток с подчиненными, жесток в отстаивании своих государственных интересов, наконец, он был почти авторитарным властелином, который постоянно нападал на те или иные аулы. Однако в каком же государстве, где правил абсолютный монарх, могли существовать исключительно мирные отношения между властью и подчиненными? И, наконец, могло ли мирное государство соседствовать и действовать на протяжении десяти лет рядом с агрессивными соседями? И на этот вопрос следует ответить — нет.

И потому кажутся несправедливыми многие писатели, касающиеся тех событий и утверждающие, что Кенесары Касымов был очень тяжелым человеком и крайне жестоким правителем. Напротив, многие свидетельства его современников говорят о том, что Кенесары Касымов был и справедливым правителем. Но он хотел достичь справедливости теми путями, которые указывали стародавние традиции.

Государственность Кенесары-хана — это та мечта, которую вынашивали все предшественники. Независимое казахское государство, которое с самого начала своего образования постоянно было яблоком раздора среди его соседей или объектом агрессивных устремлений других завоевателей, все же должно было воплощать мечту традиционного общества о справедливом и добром правителе. И эта мечта выплеснула на

арену цивилизации свою идеологию, свою духовность, как их понимал Кенесары Касымов. Конечно, он был личностью огромной, но вместе с тем в его традиционности наблюдались и многие недостатки. Он ошибался во многих вещах, но в самом главном — в принципе создания самостоятельного и независимого казахского государства — он не ошибался. Не была ошибкой и его идеология. И, наконец, эта идеология восторжествовала после 1991 года. Необходимо указать на то, что Кенесары Касымов в своих мечтах всегда представлял себе Казахстан очень сильным, хорошо вооруженным государством. Но это были лишь мечты. Вместе с тем государственное устройство Кенесары-хана явилось достаточно серьезным экзаменом его зрелости. Начиная с 1836 года и вплоть до 1847 года эта государственность каким-то образом существовала. И необходимо указать на то, что ханство Кенесары Касымова представляло собой большое государственное объединение, в котором представители многих народов имели такие же равные права, как и сами казахи. И это государственное устройство — большое подспорье в деле возрождения национального самосознания казахов и всех, проживающих на территории Казахстана.

СПОДВИЖНИКИ И ПРОТИВНИКИ КЕНЕСАРЫ

Строя казахское государство, Кенесары Касымов, конечно, должен был опираться на отдельных людей. Как правило, все эти люди были из его ближайшего окружения. Это не означает, что он опирался только на представителей знати. Как раз в государственном устройстве Кенесары важное место занимали выходцы из различных родов, которые во многом способствовали успеху его военных предприятий, а также проведению его политики.

Наиболее значительную роль играли ближайшие родственники Кенесары Касымова. Документы свидетельствуют о том, что это семейство было во власти одной величайшей идеи — формирование независимого и территориально-целостного государства. На это были направлены помыслы и отца Кенесары Касымова, и его братьев Саржана и Есенгелди, которые были казнены ташкентским кушбеги и кокандцами. На осуществление этой идеи были направлены помыслы и замыслы его других ближайших родственников — младших братьев Наурызбая и Абулгазы и старшей сестры Бопай. Когда говорят о Кенесары, всегда подчеркивают, что самым ближайшим его сподвижником и наиболее значительной фигурой во всем освободительном движении Казахстана являлся Наурызбай-батыр. Наурызбай был на двадцать лет моложе Кенесары, но вместе с тем это был очень зрелый и достаточно умелый политик. Именно Наурызбай-батыр представлял так называемую идею государственности Кенесары в полном объеме. Много легенд связано с деятельностью Наурызбая. И во многих легендах претворена мечта о юных героях, которые становятся во главе народного ополчения, являют собой образец мужества, стойкости и справедливости.

По своим внешним данным Наурызбай-батыр соответствовал тому образу, который потом создала легенда о нем, хотя, заметим, живой легендой он стал еще при жизни. Внешность его описана так: «Наурызбаю около двадцати трех — двадцати пяти лет, джигит, стройного телосложения и высокого роста. У него было румяное, гладкое лицо продолговатой формы, черты его были значительно крупнее, чем обычно у казахов. Чернокarie глаза с огненным блеском смотрели спокойно. С макушки свисал опущенный чуб волос — айдар, убранный светящимися бусами жемчуга и

опускавшийся на висок. Усов и бороды он еще не носил. В боях он всегда появлялся на белом коне со светло-рыжим отливом шерсти. В боевых схватках он правую руку всегда держал свободной, обнажая ее почти до локтя, а рукав спускал под туго затянутый ремень».

Наурызбай был грозой своих противников. Ни один киргиз не видел, чтобы он действовал пикой двумя руками. Как правило, с огромной и тяжелой пикой при любых условиях он управлялся одной рукой, что говорит о его действительно богатырской силе. На голове он носил пушистый соболий тумак, крытый сверху красным плюшем. Носил шубу на сусликовом меху со множеством висящих черных хвостиков, покрытую сверху темно-синим шелковым плюшем. Воротник, края рукавов и полы шубы были окаймлены мехом кундуза — выдры темно-бурого цвета.

Вот такой легендарный облик имел богатырь, возглавлявший различные войсковые соединения и представлявший собой огромную боевую силу.

Для сподвижников Наурызбая, как и для самого Кенесары, важнейшим качеством было соблюдение тех богатырских правил, которые издавна существовали в традиционной казахской культуре и традиционном казахском обществе. Одно из самых важных правил заключалось в том, что батыр должен быть справедливым и чрезвычайно активным в общественной жизни. Многие эпические сказания повествуют о том, что батыры, побеждая противника, не останавливались на этом, а стремились воплотить в жизнь собственное представление об общественном строе, личное понимание общественного долга.

Для Наурызбая общественный долг состоял в том, чтобы стать правой рукой своего старшего брата. Наурызбай боготворил Кенесары, и именно Наурызбай стал одной из главных фигур этого восстания, а затем одним из главных героев казахских легенд о Кенесары. Эпические произведения, которые потом создавали некоторые акыны, так и называются «Кенесары — Наурызбай».

Какую роль играл Наурызбай в государстве Кенесары Касымова? Прежде всего это активное участие в военных действиях, где проявлялась богатырская сила Наурызбая. Именно он возглавлял любой из передовых отрядов, который должен был нанести первый удар. Таким образом, во главе всех военных действий был Наурызбай-батыр. Кроме того, Наурызбай-батыру поручалась наиболее сложная и трудная часть в военных действиях — это ведение разведки и охранные мероприятия. Во всех случаях Наурызбай проявлял себя как очень хорошо подготовленный военачальник.

Значительную роль в государственном устройстве Кенесары играл и его младший брат Абулгазы, который тоже был почти на двадцать лет моложе Кенесары Касымова, но вместе с тем являлся очень смелым и предприимчивым человеком. Кроме того, Абулгазы прекрасно владел русским языком и составлял все те письма, которые писал Кенесары Касымов в адрес администрации Оренбурга и Омска. Именно Абулгазы осуществлял дипломатическую часть деятельности Кенесары, которая в определенной степени должна была возвышать его государственное устройство, в особенности в отношениях с представителями Оренбурга и Омска. Нужно сказать, что Абулгазы представлял собой физически крепкого и энергичного юношу, который всегда излучал добрый свет.

Весьма интересная фигура в окружении Кенесары — его старшая сестра Бопай. Одна из активных участниц движения, Бопай со всем своим семейством, а она была матерью шестерых детей, навсегда связала свою судьбу с восстанием и идеями своего младшего брата Касыма. Она возглавляла большие отряды, бывало, в 500–600 человек, которые осуществляли важнейшую функцию в государственном устройстве Кенесары — они, как правило, реквизировали скот, старались создать то самое материальное благополучие, которое постоянно подпитывало государство Кенесары Касымова. И в этом направлении именно Бопай представляла собой как бы то финансовое ведомство, которое ведало всеми материальными благами в ханстве. Она была тем человеком, который при самых сложных ситуациях мог так распределять финансы и материальные богатства, чтобы никто из приверженцев Кенесары не испытывал недостатка. Кроме того, она отличалась и личной храбростью. Как правило, она появлялась перед противником во главе своего отряда и сама же в первую очередь брала в руки оружие. Рядом с сестрой великого хана постоянно находился ее сын Нурхан, который также был активным участником движения Кенесары Касымова. И Бопай, и Нурхан вносили значительную лепту в дело создания государственного устройства. И часто они давали очень дельные советы великому хану.

Активное, деятельное участие ближайших родственников Кенесары Касымова в создании его ханства имело огромное значение. Это являлось примером для других приверженцев, находящихся не в столь близком родстве с Кенесары, и в то же время показывало, что Кенесары Касымов и все его ближайшие родственники были крепко спаяны дружбой и неразрывной идейной связью, что позволяло им противостоять и администраторам царской России, и кокандским, и другим центральноазиатским правителям. Даже в самом последнем бою Кенесары

Касымова, когда им уже грозила неминуемая смерть или позор плена, даже в этот момент один из его ближайших родственников — брат Наурызбай — предложил: «Дайте мне двести пригодных к бою джигитов под начальством Курман-батыра из рода Агыбай-батыра. Этими двумя сотнями я ударю строй киргизов и пробью его». То есть до самой последней минуты и Кенесары, и Наурызбай не теряли надежды спастись и заново претворять в жизнь свою идею. Но судьба распорядилась иначе. Наурызбай погиб вместе со своим старшим братом. Примерно такая же судьба ожидала и других братьев Кенесары, а также его приверженцев из ближайшего родственного окружения, которые боролись вместе с ним до последнего дня. Среди них надо отметить и султана Кудайменды, который был также моложе Кенесары, но вместе с тем являлся его верным сподвижником в деле восстановления казахской государственности. Именно Кудайменды, единственный из всех султанов Среднего жуза, кто перешел с Кенесары в южные пределы Казахстана, в Семиречье и до последней минуты находился рядом с ним.

Не все родственники одинаково относились к движению Кенесары Касымова. Например, один из старших братьев Кенесары — Кучак часто заявлял в российской администрации, что он не желает ни в чем участвовать и ничего не имеет общего с Кенесары Касымовым. Вместе с тем многие его аулы, которые из-за родственной близости всегда считали себя подданными и Кенесары, и Кучака, имели очень тесные связи с Кенесары Касымовым и волей или неволей втягивали Кучака в эту сложную перипетию политической и военной борьбы. Однако впоследствии Кучак в своих объяснениях администрации постоянно указывал на то, что он не является участником движения Кенесары Касымова.

Самая важная роль в движении Кенесары принадлежала его батырам, которые как раз и вознесли на самый высокий пьедестал военную славу и военные доблести Кенесары. В то же время каждый из них сам обладал этой военной доблестью и мужеством. Удалые бойцы, наиболее самоотверженные борцы движения, они как раз и сплачивали все движение в единое целое, являясь тем самым цементирующим составом, который держал это движение до последнего. Необходимо отметить и еще одно важнейшее качество батыров — многие из них были замечательными духовными наставниками молодежи. Проникшись идеями Кенесары Касымова, батыры всегда оказывались в гуще самых разных событий, как военных, так политических и дипломатических. И каждому из них вменялось то или иное поручение. Кроме того, каждый из них обладал

достаточным запасом физических сил, чтобы стать доблестным богатырем эпических сказаний. И потому движение Кенесары стало легендой уже при его жизни. В самих эпических поэмах, которые постоянно сопутствовали движению Кенесары, указывалось на доблесть, мужество и физическую силу этих людей. Многие из них при жизни стали легендами, а именами некоторых из них народ даже назвал отдельные горные вершины и урочища.

Назовем имена батыров Кенесары: Агыбай из рода Шубуртпалы, Жанайдар-батыр из рода Суюндук, Иман Дулатов из рода кипчаков — он был дедом Амангельды, знаменитого борца в 1916 году, Жоламан Тленши из рода табын, Бугубай-батыр из рода дулат, Ангалбатыр из рода атыгай, Баскара-батыр из рода кипчаков, Жеке-батыр из рода аргын — именем его названа гора в Боровом, Джайке, Суранши и Байсеит — батыры из рода дулат. Некоторые из этих батыров имели огромный материальный достаток и фактически являлись родоуправителями, например, Жоламан Тленши табынского рода, который управлял значительными родовыми подразделениями. Но многие другие, в том числе и Агыбай-батыр, были людьми среднего, а порой ниже среднего достатка. Несмотря на это, все они прониклись идеей Кенесары. И имущественное их положение никак не определяло их социальный статус, статус политических деятелей и героев.

Один из самых значительных героев, любимый батыр Кенесары — Агыбай-батыр родился в замечательных по красоте предгорьях Улутау. В различных документах и казахских народных произведениях он описывается как один из самых талантливых, смелых воинов. Еще юношей он сопровождал старших братьев Кенесары — Саржана и Есенгелди к кокандскому хану. Им удалось тогда избежать беды, потому что Агыбай-батыр спас их. Агыбай-батыр особенно прославился тем, что всегда брал на себя самые сложные задачи военного характера. Он был одним из самых главных батыров, которые устремились на Акмолинский приказ. И фактически приказ был ликвидирован. Вместе с тем Агыбай-батыр был единственным из батыров, который прорвался из окружения и сумел вынести из этого последнего боя легенду о Кенесары как о непобедимом и храбром воине. Всю свою долгую жизнь Агыбай-батыр был приверженцем Кенесары, до конца дней руководствовался идеями Кенесары. Потомки этого батыра живут и ныне на степных просторах Казахстана, некоторые из них достигли значительных высот в науке, в творческой работе. В шутку Кенесары прозвал Агыбая — Косе, то есть безбородым. И это шутливое прозвище говорило о том, что Кенесары расположен к нему более, чем к другим военачальникам. Посылая с поручениями своего брата Наурызбая,

он всегда отправлял с ним и Агыбай-батыра, который проявлял всегда большую отеческую заботу о нем. При этом Кенесары приговаривал: «Поручаю Наурызбая твоим заботам, тебя поручаю Богу Всевышнему».

Вот как описана внешность Агыбай-батыра: «У Агыбая была реденькая жидкая борода, начинавшаяся прямо с подбородка. Он был высок ростом, широкоплеч, с глубоко сидящими глазами. Он был длиннорук, и любимым его оружием была девятиуз-ловая пика, красиво украшенная кольцами, она висела у него на кожаном ремне из кожи кулана, на спине у него был круглый щит, а на боку ярко блестела на солнце сабля и кривой короткий меч». Исключительность Агыбай-батыра подтверждается и другими моментами. Так, однажды одна из его жен спросила Кенесары: «Вы в своих войсках некоторым присвоили воинские звания Мын-басы, Бесжуз-басы, почему не присвоите какого-либо воинского звания Косе, то есть Агыбаю?» На это Кенесары ответил ей: «Если авангард моих войск бросается в бой с лозунгом «Аблай!», то следующие за ним воины выступают с именем Агыбая. Вот почему я не присваиваю ему воинское звание».

Другим знаменитым батыром Кенесары был Иман из рода кипчаков. Он родился в 1780 году в местечке Дулат-Кызылджары. Отец Имана Дулат имел очень маленькое хозяйство, и фактически они являлись людьми менее чем среднего достатка. Присоединившись к Кенесары в 1839 году, Иман-батыр был постоянным членом его военного совета. Как один из самых старших людей в повстанческой борьбе, Иман-батыр неизменно пользовался почетом и уважением среди повстанцев. Личная храбрость Иман-батыра была настолько велика, что Кенесары Касымов всегда говорил: «Очень я доволен, что со мной был Екен, превзошедший по силе тигра, по хитрости лисицу».

Одним из самых знаменитых батыров в войске был Жеке-батыр, настоящее имя которого Тулебай. А прославился он, получив прозвище Жеке, тем, что во время осады и штурма Акмолинского приказа проявил себя как отличнейший боец.

Самым ближайшим советником хана Кенесары и видным героем самого восстания являлся Таймас Бектасов, который своими дельными советами постоянно помогал хану в различных политических переговорах и в тех ситуациях, когда требовалось очень большое дипломатическое искусство.

Важную роль в движении выполнял один из батыров, который получил прозвание Укули-батыр. Он выполнял разведывательную работу, руководил барымтой, то есть в определенной степени был исполнителем судебных

решений Кенесары. Он был одним из самых надежных соратников Кенесары.

Другой батыр — Тайман Меерманов был в войсках Кенесары сотенным и проявлял большую храбрость при взятии различных крепостей. С отрядом до тысячи человек он напал на Каракульский пикет и сжег его.

Батыр Кенже — один из самых близких батыров Кенесары. По имеющимся сведениям, он был из то-ленгутов и потому в какой-то степени исполнял роль представителя личной охраны хана Кенесары.

Самым близким человеком Кенесары, и в политическом, и в личном плане, была его старшая жена Кунымжан Турсунова. Именно она часто была тем советчиком, который помогал ему и добрым, и мудрым словом в самых сложных и трудных ситуациях. Она была настолько близким ему человеком, что когда была взята в плен сибирским отрядом, Кенесары обещал за ее возвращение покориться. А когда она возвращалась из плена с посольством поручика Генерального штаба Герна, тот так описал свое впечатление: «Я обратил особенное внимание на то, чтобы приобрести полное доверие и уважение султанши, женщины весьма умной, которая никогда не упускала случая высказать искреннюю признательность за отеческий, ласковый прием ее вашим высокопревосходительством в Оренбурге». В этой женщине сочеталась и заботливая мать, любящая жена и по-восточному вежливая женщина, которая прекрасно понимала свое положение и положение своего мужа, великого хана Кенесары Касымова.

Когда Кенесары попал на юг Казахстана, в Семиречье, среди самых знаменитых батыров с ним были Саурык-батыр из Старшего жуза и батыр Байсеит.

Саурык-батыр воспет в поэмах Жамбыла как один из самых ближайших сторонников Кенесары. Его постоянное участие в движении вплоть до его смерти оказало сильное воздействие на движение, на роль отдельных родовых структур Старшего жуза.

Батыр Байсеит являлся сыном Тойчубек-батыра, с именем которого связано создание крепости кокандцев на территории Старшего жуза. Именно как сын Тойчубека и в то же время как влиятельный и известный на просторах Семиречья батыр, Байсеит был одним из самых видных полководцев Кенесары.

Усилиями Саурыка и Тойчубека, а также батыра Байсеита в Семиречье была создана очень сильная группировка, которая достойно отстаивала ханство на протяжении почти полутора лет.

Другой известной фигурой в Семиречье был Суранши-батыр, являющийся приверженцем Кенесары на семиреченских просторах.

Именно его деятельность сыграла большую роль в том, что Кенесары, скрываясь на полуострове Камал, получал солидное материальное снабжение со стороны Старшего жуза.

Одним из известных приверженцев Кенесары был Жоламан Тленши, бий табынского рода, возглавивший огромное по своему размаху народно-освободительное восстание в Младшем жузе, Жоламан Тленши был самой замечательной фигурой XIX века в казахском обществе. Во-первых, он был руководителем национально-освободительного движения, которое охватило почти всю территорию нынешнего Западного Казахстана. Во-вторых, он являлся представителем тех слоев населения, которые никак не мирились с колонизацией Казахстана. Он был знатным бием, а бии, как правило, были чрезвычайно авторитетными людьми в казахской степи. И Жоламан Тленши не составлял исключения. Как главный бий он часто разрешал межродовые споры за землю и другие конфликтные ситуации. Одновременно с этим Жоламан Тленши был выдающимся батыром. Личные его качества сыграли важную роль в том движении, которое он возглавлял. Он был верным сподвижником Кенесары Касымова, с которым его связывала также и дружба.

Дружеские отношения связывали с Кенесары и другую, достаточно противоречивую фигуру национально-освободительного движения в Казахстане в 40-50-е годы XIX века — Есета Котибарова. Конечно, для того общества, в котором жили и Жоламан, и Есет, и Кенесары, очень важным являлось то, чтобы их идеи и решения были признаны другими султанами. Именно с этих позиций они рассуждали, поднимая народ на национально-освободительную борьбу за казахское государство в традиционном духе, который был завещан предками. Для Кенесары важнейшим делом было формирование воинских соединений, которые могли бы упорно вести оппозиционную борьбу с царским режимом. Для Есета Котибарова важно было, чтобы казахи занимались земледелием, чтобы они использовали земледельческие орудия труда, которые в то время начали проникать в Казахстан. Для таких людей, как Есет Котибаров и Кенесары Касымов, главным было то, что Казахстан они хотели видеть в том состоянии, в каком он должен был бы достойно занимать свое место в мировой цивилизации. Не вина их, а беда состояла в том, что они не могли уяснить для себя некоторые особенно важные моменты из жизни цивилизованных государств.

Достаточно интересные взаимоотношения были у Кенесары Касымова и с руководителем борьбы против кокандского насилия в присырдарьинских землях Жанкожей Нурмухамедовым. Именно Жанкожа,

Есет и Кенесары составили плеяду руководителей национально-освободительной борьбы, которая подняла на новый уровень национальное самосознание казахов, хотя и с различных сторон. Для Жанкожы и Кенесары важными были их личные взаимоотношения. Как один из самых известных батыров и авторитетных людей в степи Жанкожа вел переговоры с Кенесары Касымовым, очень часто в этих переговорах они достигали определенных решений, благодаря которым по присырдарьинской территории могли передвигаться многие роды, подчиненные Кенесары Касымову, и, наоборот, в случае необходимости Кенесары Касымов оказывал помощь родовым структурам присырдарьинских земледельцев.

Важным обстоятельством являлось то, что приверженцы и сторонники Кенесары понимали масштабность его политических идей, и потому перед любым передвижением Кенесары высылал своих представителей, и они разъясняли родоправителям, беднейшим людям степи свои позиции и требования. Поэтому Кенесары Касымов пользовался огромным авторитетом не только среди своих близких родственников и тех аулов, которые были под его началом, но и среди всего казахского народа. С полным правом можно говорить о том, что он был последним ханом всех казахов.

Ханство признавали и родоправители, и бии, и даже противники хана Кенесары. Конечно, администраторы из Оренбурга и Омска хотели бы видеть перед собой лишь угодливого султана, не очень дальновидного, не очень умного и не очень распорядительного хозяина своих земель. А приходилось иметь дело с очень дальновидным, умным и серьезным политиком, который имел массу приверженцев среди всех слоев общества. Они и составляли его главную и непобедимую силу. И то, что от него отказались многие родовые структуры, это, конечно, и повернуло само движение на спад.

Иметь очень влиятельных сторонников в различных родовых структурах, иметь замечательных батыров, военачальников, преданных своему делу, важно всегда, но вместе с тем необходимо было иметь своих сторонников среди казахского населения, среди тех людей, которые составляли основу его государства, основу его бытия. К сожалению, в этом плане у Кенесары были и неудачи. Например, как было отмечено, под влиянием агитации со стороны его противников, администраторов и карательных мер от него стали отходить большие родовые структуры. И в конце концов при нем остались те люди, которые с самого первого дня вышли с ним на эту борьбу, то есть преданные идеям государственности, даже, может быть, не столько самой государственности, сколько самому

хану. Но надо учитывать и другое. При создании своей государственности, не только в рамках империи, но независимого характера, Кенесары Касымов и его приверженцы очень смутно себе представляли дальнейшее ее существование — как это государство должно было функционировать, в каком виде оно должно было состояться на этой земле. Первоочередные, каждодневные задачи борьбы против военных сил противника часто выходили на первый план, становились главным началом, за которым уже не было видно самой государственности. И потому, конечно, у Кенесары-хана не могла состояться государственность в той самой традиционной форме, за которую ратовал он и его приверженцы.

Традиционные формы, которые внедрялись им в военную структуру и в политическую организацию самого государства, не в состоянии были полностью обеспечить существование этой самой государственности. Несмотря на личные достоинства и личную храбрость каждого из приверженцев, каждого из батыров, все-таки их дело становилось все более эфемерным, все более не политическим, а личностным. А когда личностные мотивы превалируют над политическими, государственными, государственное устройство также постепенно начинает приходить в кризисное состояние и наконец исчезает.

Важнейший момент — опора не только на выдающиеся отдельные личности, но и на общую массу людей — Кенесары Касымовым был упущен. Был упущен не только по его вине, но и в результате деятельности тех его личных противников, которые постоянно вели против него борьбу.

В движении, которое возглавлял Кенесары Касымов и его сподвижники, мы можем наблюдать одно знаменательное явление — трагическая ситуация, постоянно следовавшая за повстанцами и за самим восстанием.

В чем же заключался трагизм ситуации? Дело в том, что как только началась перекочевка летом 1837 года отдельных родовых структур и родовых подразделений на территории, не состоящие под юрисдикцией приказов, с этого времени, как не прискорбно, мы наблюдаем очень сложное явление. Явление, которое при некоторых обстоятельствах называется предательством и в отдельных случаях — противостоянием и противодействием. Вот такое противостояние и противодействие постоянно, на протяжении семи-восьми или даже десяти лет, наблюдалось в ходе самого восстания Кенесары. Трагичность ситуации заключалась в том, что казахское общество, которого к тому времени достаточно сильно коснулись новации, внедряемые царизмом, претерпело серьезные изменения. Самые серьезные изменения пришлось на те годы, когда шла

подготовка к восстанию и поднялось само восстание. Начиная с 1824 года, когда Саржан Есенгелди и Касым вкупе с будущим руководителем восстания Кенесары выступили против новых административных порядков, традиционная знать в лице некоторых султанов и представители нетрадиционных структур, например бии или разбогатевшие баи, постепенно уловили то обстоятельство, что за содействие администрациям в оформлении приказов, внешних округов у них появляется возможность прийти к власти. Иногда они даже сами себя выдвигали на руководящие должности. Прав у старших султанов, которые возглавляли округа, было очень много. Но самое главное право — полностью распоряжаться судьбами своих соотечественников и соплеменников — было у них отобрано. Кроме того, администрация постоянно стремилась иметь с этими султанами общие дела. К ним обычно относились сборы налогов, где имелось огромное количество нарушений, а также строительство самих приказов, когда также нарушались всяческие правила и законы. Таким образом, коррупция и взяточничество подтачивали весь организм традиционного государственного устройства казахского народа.

Нет нужды говорить о том, что в любом общественном строе, даже в цивилизованном, коррупция и взяточничество, нарушение законов и отдельных правил поведения присутствуют всегда. Но необходимо отметить и другое: когда этим занимаются властные структуры, это становится государственной политикой и выливается в распространенное социальное явление, которое называется конформизм. Именно конформизм султанов, старших султанов, различного рода родоправителей и составил ту социальную базу царизма, которая противостояла идеям освобождения, идеям султана Касыма и его сподвижников, детей и внуков. Понятно, что администрация получала значительные выгоды от колонизации. Вместе с тем какие же выгоды получали султаны и родоправители, которые сотрудничали с администрацией? Во-первых, это должностные места, так называемая выборность этих мест — все это позволяло султанам превышать свои полномочия и в достаточной мере эксплуатировать собственное кочевое население.

Мы не можем говорить о казахском традиционном обществе как о бесклассовом, где существовали идеальные порядки. Да, определенные черты демократии в этом общественном строе присутствовали, и присутствовал тот особенный менталитет, который определил в целом свойства всего казахского народа и формы его жизнедеятельности. Но к этому времени классовые противоречия, противоречия между высшими слоями и эксплуатируемым большинством очень сильно разрастались.

Конечно, до резкого подъема классовых противоречий, вплоть до противостояния классов, было еще далеко. Для этого необходимых условий еще не было, все же традиционное кочевое общество представляло собой нестабильное общественное устройство, основанное на экстенсивной экономике. Но классовые противоречия все больше становились социально опасными. В этой ситуации султаны и родоправители, сотрудничавшие с властями, интуитивно, да и не только интуитивно, это поняли и предприняли серьезную попытку ликвидировать нараставший конфликт. Ликвидация конфликта как нельзя лучше совпадала с ликвидацией самого восстания. Именно эти султаны и родоправители стали той движущей и мощной силой, которая в конце концов сумела надломить само восстание, но, конечно, не сломила его основных героев — Кенесары Касымова и его ближайшее окружение, людей, преданных делу свободы и независимости. Эти султаны и родоправители постоянно жаловались администрации на действия султана Касыма и его детей, постоянно указывали на то, что это буйное гнездо надо любым способом уничтожить, постоянно теребили администрацию, чтобы им оказывалась материальная и людская помощь, высылались войска, хорошо вооруженные, в особенности артиллерия. При этом они сознавали, что противостояние между администрацией и самим Кенесары в определенной степени помогает сбросить тот конфликт, который назревал в их владениях между бедными и богатыми. Поэтому иной раз в своих реляциях они доказывали, что Кенесары Касымов является настолько неуловимым, что его невозможно победить огромнейшей армией. Наряду с этим они обменивались посланиями и с Кенесары Касымовым. Почему так происходило? Потому что им надо было иметь под рукой войско, способное погасить конфликты внутри их собственных владений.

Немаловажную роль в ликвидации подобного рода конфликтов играло и то, что в это время в казахской степи бурно развивалась торговля, появлялись различного рода торговые пункты, где казахи обменивали продукты сельского хозяйства и животноводства на продукты, необходимые для их жизнедеятельности. Торговые операции, которые проводились в степи, очень хорошо поддерживали российские производители.

С политической точки зрения, действия султанов-правителей были необходимы и российской администрации на местах, и царизму в целом, который в это время с большими усилиями проводил политику движения империи на Восток. В разрастании конфликта между Кенесары и султанами-правителями большую роль сыграли, кроме того, и отдельные

их личные устремления. Так, некоторые из них, как, например, Конуркульджа, старались не только обезопасить собственные владения, но и стать главными фигурами в среде администрации, а также в среде султанов-правителей, под флагом старшего султана получить, наконец, желанное ханство, на которое каждый из них, как он представлял, имел полное право. Политические выгоды влекли за собой и социальные выгоды. Огромное материальное богатство, сосредоточенное в руках султанов-правителей, других отдельных родоправителей, позволяло нещадно эксплуатировать свое собственное население. У каждого такого местного князька было огромное количество челяди, личная охрана и те прихлебатели, которые выполняли любые его распоряжения. В то же самое время основное казахское население все больше и больше беднело. Бывали случаи, когда бедные люди на линиях у казачества пытались обменивать своих детей на продукты питания, скот, другие вещи, которые обеспечивали им скудное существование.

Традиционное казахское общество вместе с тем располагало и интересной системой, которая способствовала быстрому решению судебных дел. Эта система — знаменитый суд биев, в защиту которого выступала прогрессивно настроенная казахская интеллигенция второй половины XIX века, и не только она, а даже такая фигура, как генерал-адъютант Катенин, который объездил в свое время весь Оренбургский край и был поражен судом биев. Однако судебные функции биев были урезаны, а вместе с этим были урезаны их права и обязанности, и потому большинство казахского населения стало отвозить свои жалобы в те инстанции, которые были сформированы администрациями на местах. Многие эти инстанции не функционировали, а чиновники, которые в них были задействованы, так и не появлялись среди населения. В это время начинается расцвет разного рода жалоб и доносительств. Доносительства, ранее редко проявлявшиеся в казахской степи, теперь становились нормой жизни многих власть имущих в казахском обществе, нормой жизни султанов-правителей, старших султанов, выбранных администрацией биев. Но такова была чиновно-бюрократическая система, что все эти доносы и жалобы очень часто оставались лишь на бумаге. В этом отношении весьма показательны то, что все эти нерешенные судебные дела, которые должны были решаться самими султанами-правителями, находились без движения. Неразобранных дел и жалоб у каждого султана-правителя накапливалось огромное количество. Так, например, у султана-правителя Арслана Джантюрина накопилось до 2000–3000 нерешенных дел, а у султана-правителя Баимухамеда Айчувакова до 2000 дел. Как замечал один

чиновник: «Одних исходящих бумаг у султанов бывает от 1500 до 3000, и где же это, в степи, в орде, где все, по-видимому, должно идти, сообразуясь с бытом и потребностью киргизов». И, как следствие, — взяточничество на местах. Так, один из исследователей писал: «Таким образом, при прекрасно устроенном некогда суде народном, взятка отыскала наконец себе местечко».

Именно против такой системы и таких султанов-правителей поднялся Кенесары Касымов со своими сподвижниками. Как раз такая система, которая внедрялась царским режимом, очень сильно была по традиционному казахскому устройству и менталитету. Многие представители казахской интеллектуальной элиты — акыны — в то время и немного позднее, в конце 40-х — начале 50-х годов, писали о том, что времена настолько сильно изменились, что теперь такие понятия, как «батыр», «хан», «султан», «справедливый бий», остались лишь понятиями. Ныне управляют такие люди, которые негодны ни для ханства, ни для султанства, ни для принятия справедливых судебных дел. Понятно, что Кенесары Касымов, со своей идеологией, со своим понятием справедливости и со своей идеей создания справедливого традиционного казахского государства, был для них лишним человеком. Лишним не только по духу, но и по тем действиям, которые он предпринимал. Если, скажем, султаны-правители задерживали судебные решения, то Кенесары Касымов брал на себя роль судьи и очень быстро решал дела.

Одним из самых серьезных и сильных противников Кенесары Касымова был султан-правитель восточной части области оренбургских киргизов Ахмед Джантюрин. Во-первых, Джантюрин был для своего времени очень грамотным человеком, прекрасно знавшим казахские народные обычаи, имевший очень много контактов с Оренбургской администрацией. Во-вторых, он был очень предприимчивым человеком. Так, например, по словам одного из исследователей, он состоял пайщиком в значительной торговой компании, состоящей из киргизов, и имел у себя до 25 приказчиков. И, конечно, владея торговыми предприятиями и компаниями, он был очень богатым человеком своего времени. По его примеру поступали и многие другие родоправители восточной части Младшего жуза. В политическом смысле он ориентировался на Оренбургскую администрацию, являлся верным помощником губернаторов Перовского и Обручева и вместе с ними постоянно вел борьбу против Кенесары, при этом не очень удачно. Так получалось, что он никогда не поспевал на места сражений. Было ли это простой неорганизованностью или же уловкой, к сожалению, мы не можем сказать, но факты остаются

фактами — он никогда не поспевал за теми отрядами, которые должны были участвовать в военных операциях против Кенесары. Кроме этого, у Ахмеда Джантюрина было великолепное чутье по поводу политической ориентации. Как только Кенесары передвигался по степи, это становилось известно Джантюрину, и тут же посылались реляции в Оренбург. Он всегда доверял только слухам, а не фактам, но стремился убедить администрацию в том, что он в состоянии сам победить Кенесары и почти без применения военной силы. Но когда возникала необходимость защиты его личных интересов, он просил помощи и притом значительной. Имея хорошие отношения с губернаторами и многими чиновниками Оренбурга, он постоянно стремился заручиться их поддержкой, постоянно пристраивался к военным отрядам, которые, по его мнению, могли оказать сопротивление Кенесары Касымову. Знаменателен такой факт: когда по указанию губернатора он должен был соединиться с отрядом Бизянова, то, как обычно, опоздал и не смог присоединиться к отряду. В сентябре 1843 года Ахмед Джантюрин, узнав, что отряд Бизянова ничего не добился, возвратился к Тоболу. Это еще раз подчеркивает, что сам Джантюрин не предпринимал никаких действий для того, чтобы сразиться с Кенесары в открытом бою. У них были разные представления о чести и достоинстве. Джантюрин в своих реляциях стремился показать себя с самой лучшей стороны и оклеветать Кенесары Касымова.

Другой противник Кенесары Арслан Джантюрин также не отличался большими достоинствами, но мнил себя хорошо подготовленным военным человеком. В известном походе в августе — сентябре 1843 года Арслан Джантюрин показал, на что способен полковник русской службы, который не проходил военной подготовки и не имел достаточного военного образования, — он оказался слишком бездарным полководцем, чтобы противостоять таланту и организаторским способностям Кенесары.

Кенесары решил показать, что может противостоять такому бездарному полководцу своим военным талантом. В конце 1843 года он вместе с племянником Ержаном Санжаровым во главе вооруженного отряда, насчитывающего 3500 джигитов, напал на аулы Арслана Джантюрина, которые располагались по реке Уилу, захватил свыше 5000 лошадей, 3000 верблюдов, огромное количество баранов и другие трофеи. Сам Арслан Джантюрин прославился тем, что жестоко обращался со своими подданными и много обогащался за их счет. Именно такое отношение к своему народу и родовым структурам и привело его к конфронтации с народно-освободительным движением. Борьба Арслана Джантюрина против знаменитого батыра Есета Котибарова закончилась

тем, что Есет в конце концов его уничтожил.

Еще один противник Кенесары — правитель западной части Младшего жуза Баймухамед Айчуваков, представитель той части казахской знати, которая полностью и окончательно перешла на сторону российской администрации, верой и правдой служила царю. Известны его личные отношения с такими видными деятелями национально-освободительного движения, как Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов. Именно в борьбе против них проявился конформистский характер и натура этого представителя знати, который был полностью в услужении у царя. Поэтому царское правительство щедро и постоянно награждало Баймухамеда Айчувакова. В конце концов, ему присвоили звание генерал-майора российской службы. Кенесары в одном из своих посланий Баймухамеду Айчувакову написал такие строки: «Почтенному полковнику Баймухамедову, свату нашему, от меня Кенесары султана Касымова поклон. Я сам живу в счастии и добром здоровье, как уже два года вы, покорясь русским, действуете против меня и делаете мне неприятности. На это я не обратил внимание. Было сказано, кто делает дурное, тому делай добро. Хотя вы мне вредите, но я не забываю вас. К новому генералу в Оренбург отправил я с письмом посланца. Если вы помните меня, то, значит, письмо мое доставьте по принадлежности. Что скажет вам Баймухамед-мулла, тому верьте. В удостоверении султан Кенесары Касымов печать приложил».

Как видим, личная неприязнь Кенесары к Айчувакову была очень большой. Несмотря на это, он признавал в нем своего сородича чингизида. В то же самое время сам Баймухамед Айчуваков никак не хотел признавать за Кенесары султанства и, наконец, ханства. Поэтому постоянно направлял своих лазутчиков и передовые отряды к Кенесары. Отряд Бизянова, в котором принимал участие Баймухамед Айчуваков, как помним, так и не добился никаких результатов.

Конечно, любому представителю знати трудно было противостоять Кенесары Касымову. Во-первых, он носил имя, освященное великим предком ханом Абылаем, во-вторых, сам был выдающейся личностью на просторах степного Казахстана, в-третьих, обладал военным талантом. Для того чтобы подавить хана Кенесары, необходимы были особые военные усилия, при которых должно было предусмотреть все: и тыловое обеспечение, и возможности отступления, и ведение тактики, позволяющей загнать хана Кенесары в ловушку. Такие султаны-правители, как Ахмед и Арслан Джантюрины, как Баймухамед Айчуваков, не были на это способны. Но это сумели сделать другие противники хана Кенесары —

киргизские манапы Ормон и Жанатай, которые с большей силой восстали против его ханского достоинства.

Ормон в те годы, когда боролся против Кенесары, объявил себя ханом и был горд этим обстоятельством. Это привело к тому, что Ормон должен был стать самой главной фигурой в борьбе против хана Кенесары, поскольку хорошо понимал, что Кенесары является значительной фигурой и может воспрепятствовать его ханству не только в Семиречье, но и в Кыргызстане.

Ормон-хан понимал, что Кенесары не тот человек, которого можно уничтожить лишь военными средствами. Необходимо было загнать его в ловушку, из которой он не смог бы выбраться. Вместе с Ормоном против Кенесары выступали Бурамбай и Кочит Байназаров. В одном из донесений писалось, что самые главные бии-правители над дикокамен-ными киргизами Бурамбай и Кочит Байназаров, который был в Омске во время генерал-губернаторства Капцевича, готовы сразиться с Кенесары и сразить его, если только русские на это согласны. Таким образом, они должны были иметь опору в лице российских войск. В 1847 году российские войска все плотнее окружали Кенесары Касымова.

Чем же Кенесары не угодил киргизским манапам? В одном из донесений манапа Ормона говорилось: «Кочевавший на берегах реки Чу сын Карабека Джантай и султан Кенесары, прибывший к нам, сделались уже три года врагами. В прошлом году разбили аулы наши и сто наездников умертвили. Но с помощью божьей вооружась, под предводительством султана Буке разбили 4000 человек. В нынешнем же году три месяца сражаясь, опять с помощью божьей захватив Кенесары, Наурызбая и Ержана, с 3000 человек также умертвили. В продолжение трех лет число убитых было 30 султанов».

Таким образом, манапы Джанатай и Сагатай и те же Бурамбай и Ормон видели в Кенесары междоусобного борца, который претендовал на ханский престол. Это была та причина, которая заставила их захватить Кенесары Касымова и умертвить.

Очень сложно говорить о Рустеме и Сыпатае. Оба батыра были достаточно известные люди в Семиречье. То, что они сделали, несовместимо с понятиями дружбы и справедливости, о которых мечтал Кенесары. В ночь перед решающим сражением они покинули Кенесары со своим отрядом, чтобы ждать у реки якобы подхода другого противника, хотя не было никаких сомнений в том, что главные силы противника будут брошены против Кенесары. Это, мягко говоря, было недальновидным поступком. Поначалу они сами широко приветствовали Кенесары как хана

на земле Семиречья. Что же толкнуло их на такой поступок? Повидимому, личное честолюбие и отношение к Кенесары как к хану, претендовавшему на владение всеми казаками. Вряд ли они могли предвидеть, что в течение нескольких лет в их родных районах тысячи людей погибнут при штурмах крепостей отрядами Черняева, и именно там проявится лучшее качество сына Кенесары султана Сыдыка.

Многие представители казахских родоправителей-султанов были людьми другого склада. Одним из таких людей был Чиген Мусин — известный аргынский бий, который славился своим красноречием и умением решать любой сложности судебные дела. Чиген Мусин поначалу увещевал Кенесары и находился в самых теснейших контактах с администрацией Оренбурга и другими представительствами. При этом он не скрывал, что является их человеком и предпринимает всевозможные меры, которые способствуют поимке Кенесары. В своих донесениях он постоянно указывал, что твердо предан престолу и что ему необходимо оказывать должные знаки внимания. Однако ситуация стала меняться, и такие люди, как Чиген Мусин, поняли, что в этой ситуации необходимо брать сторону Кенесары. Они постепенно начали отходить от своих позиций и примыкать к Кенесары, хотя и не были его яркими приверженцами. В первую очередь их беспокоили личные родовые подразделения и личное спокойствие.

Таким образом, в казахском обществе существовали самые различные позиции по отношению к Кенесары Касымову: были его приверженцы, его противники, и те, кто старался находиться на нейтральной полосе. Вместе с тем имя Кенесары Касымова стало символом борьбы за национальную независимость, и потому уже при жизни оно обросло легендами, появились эпические сказания, которые еще более возвеличивали значение этого предводителя как последователя дела своего деда хана Абылая, как продолжателя старой казахской традиции.

ВТОРАЯ КАЗНЬ КЕНЕСАРЫ

В 1943 году, когда шла тяжелейшая Великая Отечественная война, принесшая людям невообразимые страдания и горести, было опубликовано письмо казахского народа фронтовикам-казахам, где упоминалось и имя Кенесары Касымова как одного из лидеров национально-освободительного движения. Всем известно, какой высокий патриотический дух поднялся тогда во всех городах и весях, во всех уголках Советского Союза. Все народы, все, в ком была чиста совесть, поднимались на борьбу с врагом.

Тогда, в 1943 году, появилось фундаментальное издание «История Казахской ССР», в котором деятельное участие принимала академик АН СССР А. М. Панкратова. И с ее легкой руки была опубликована глава, посвященная восстанию Кенесары Касымова. Опубликовал ее молодой ученый-историк Ермухан Бекмаханович Бекмаханов, не подозревая, что через несколько лет он станет той жертвой, которая будет принесена на алтарь идеологических догм.

«История Казахской ССР» должна была показать зрелость не только казахстанской исторической мысли, но и зрелость исторической науки Советского Союза в целом, ее «правильное» отношение к буржуазным домыслам и вывертам. Эту работу как значительное явление выдвинули на Сталинскую премию. Историки Казахстана, как и историки всего Союза, могли торжествовать победу, но ходу дела помешала отрицательная рецензия на труд члена-корреспондента АН СССР А. И. Яковлева, а также личные эмоции со стороны некоторых ведущих ученых-историков Москвы. У всех на памяти были репрессии 1937 года. Не исключено, что историки хотели лишний раз «подстраховаться» от возможных нападок тех, кто контролировал идеологию.

В ответ на это А. М. Панкратова предложила провести дискуссию по проблемам истории Казахстана, и такая дискуссия состоялась в мае — июле 1944 года. На ней присутствовали ведущие идеологи страны — секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков, а также А. А. Жданов и Г. М. Маленков. На что рассчитывала А. М. Панкратова? Сложно через столько десятилетий войти в положение ведущего историка страны Советов, убежденного ученого-марксиста. Возможно, она наивно полагала, что развернется подлинно научная дискуссия по проблемам истории не только Казахстана, но и по другим вопросам, накопившимся на уровне исторической науки. Предположительно в целом она ждала одобрения фундаментального

труда, где была одним из ответственных редакторов, да и самого труда в это издание было вложено немало. На основе разнообразных документальных источников была создана исторически верная картина развития Казахстана за всю его многовековую историю, хотя авторский коллектив не уходил в целом от постулатов советской идеологии.

Итак, дискуссия состоялась в мае — июле 1944 года. Фундаментальное издание получило одобрение ряда крупнейших историков страны, однако против него выступали А. И. Яковлев и С. К. Бушуев. Их выводы звучали категорически: книга антирусская, содержащая недопустимую идеализацию национальных восстаний; когда основная тяжесть войны легла на плечи русского народа, какие-то «борзописцы» с подачи буржуазных националистов восхваляют национальные движения, направленные на разрыв с русским народом, бросают тень на великую дружбу народов и, самое главное, противоречат гениальным мыслям вождя и учителя о национальном вопросе. А присутствие ведущих идеологов режима наложило свой отпечаток: все теперь могли ждать чего угодно, от шельмования в прессе до Лубянки и Сибири. Тем самым был занесен дамоклов меч над головами историков, писавших о национально-освободительном движении, и в том числе над Е. Б. Бекмахановым.

Время было трудное, конечно, в ЦК ВКП(б) просачивалась информация о настроениях всего общества, и необходимы были большие идеологические кампании, которые образуют многонациональный советский народ. И буржуазная пропаганда не дремала, пытаясь внедрить в головы советских людей сказки о лучшей жизни. Для советских идеологов важно было привести систему к тому порядку, который существовал ранее, и проделать это незамедлительно, иначе победа над фашизмом могла стать и победой над недавним прошлым. В какой-то степени новую кампанию по осуждению национализма пришлось начать немного позднее, поскольку мешали и победы Красной Армии, и международное положение СССР, и множество других причин.

И вот в 1945 году в шестом номере журнала «Большевик», главном идеологическом рупоре режима, появилась рецензия М. Морозова на «Историю Казахской ССР». Рецензия квалифицировала издание как неудачное воплощение националистической идеи, а присоединение Казахстана к России вообще, по мнению рецензента, не соответствовало истине — казахстанские ученые рассматривали его как «абсолютное зло». И в августе победоносного 1945 года ЦК Коммунистической партии Казахстана принимает постановление об издании новой «Истории Казахской ССР», уже без идеологических ошибок.

Но маховик раскручивался дальше. Молодой Ермухан Бекмаханов с блеском защитил докторскую диссертацию осенью 1946 года в Институте истории АН СССР. Казалось, ему была дана путевка в жизнь, и вопросы национального движения, в особенности движения Кенесары Касымова, стали лишь предметом научных изысканий. В 1947 году на основе докторской диссертации была опубликована книга «Казахстан в 20-40-е годы XIX века». Можно было считать, что движение Кенесары Касымова и его личность заняли достойное место в историческом прошлом Казахстана. И действительно, несмотря на отдельные недочеты, книга в целом верно обрисовала картину жизни казахского общества того времени. В книге упорно выдвигался тезис как о положительной роли Кенесары Касымова в самом восстании против николаевского режима, так и о его выдающейся роли в воссоздании казахской государственности.

Однако началась идеологическая война режима против свободомыслящей интеллигенции и против некоторых представителей науки в частности. В 1946 году страна находилась в тяжелейшем положении. Разруха, голод на огромных территориях, невозможность вести жизнь, достойную народа-победителя. Но самыми тяжелыми были трудности даже не материального характера. В последние годы были опубликованы многие документальные материалы и пространные труды, в которых обличался тоталитарный советский режим, его давление, достигшее невиданных размеров. И современные читатели были ошарашены многими перегибами политиков тоталитаризма как от идеологии, так и от других сфер жизни.

Не хочется очернять советский режим и его сторонников, ведь они получали и до сих пор получают поддержку со стороны и так называемых простых людей, и части интеллигенции, а это свидетельствует не только о темных сторонах советской эпохи. Людям хотелось строить свою жизнь, достигать собственного благополучия, и многие его достигали, правда, при условии, если их взгляды соотносились с советскими идеологическими установками, а многие и искренне верили в справедливость социалистических идей. К тому же мощная идеологическая пропаганда из газеты в газету, из радиопередачи в радиопередачу трактовала буржуазный национализм, космополитизм, безыдейность и «упадничество» великих мастеров прошлого как враждебные новой жизни, вырабатывая определенные штампы мышления.

Печально известное постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», названное ждановским, ужесточало идеологический контроль над творческой интеллигенцией,

раскрепощенной духом всенародного единства во время войны. Наступал черед пересмотра всей политической линии: в центре началась борьба с «космополитизмом», а на местах клеймили «буржуазных националистов». В эти жернова попали и казахские ученые, в том числе Е. Б. Бекмаханов.

В январе 1947 года ЦК Коммунистической партии Казахстана рассмотрел «грубые политические ошибки в работе Института языка и литературы АН Казахской ССР». Работы казахских языковедов и литераторов по воссозданию «извращенного» прошлого получили резкую критику. Творческое наследие народа, его эпические сказания, весь тот пласт народного языка, языка, на котором были созданы гениальные творения Абая, — все это было подвергнуто идеологической ревизии, а ученые и литераторы обвинялись в пропаганде буржуазных, националистических идей, чуждых советскому строю. Доходило до абсурда: все сокращения названий партийных и государственных структур должны были передаваться в русской транскрипции без искажения и без перевода на казахский язык.

Этой же участи не избежал и Е. Б. Бекмаханов, которому вменялся национализм, притом феодального толка. И уже в феврале 1948 года в Институте истории АН СССР началась дискуссия по его книге «Казахстан в 20-40-е годы XIX века».

Ведущие ученые-историки Москвы провели подробный научный анализ монографии Бекмаханова и, указав на некоторые ее недостатки, в целом положительно оценили книгу. Кроме того, многие из них резко выступили против наклеивания всякого рода политических ярлыков на ее автора. Притом эти ярлыки навешивались не учеными Москвы, ведущими историками, которые внесли свой огромный вклад в изучение истории не только Казахстана, но и других народов СССР. Эти ярлыки навешивали как раз местные казахстанские ученые, такие, как Х. Г. Айдарова, И. Шоинбаев. В итоге, для представительной аудитории, которую собрал Институт истории СССР, эти мнения о буржуазном национализме, который попытался протащить сквозь такую, казалось бы, далекую от современности книгу молодой ученый Бекмаханов, получили достаточно твердое звучание. И вопрос о национализме начал разрастаться. Один из видных советских ученых, академик Б. Д. Греков, призвал на этом заседании всех историков страны и своих казахстанских коллег к дружеской творческой работе и попросил в научных спорах воздерживаться от политических обвинений.

Однако это был глас вопиющего в пустыне. Этот маховик начали раскручивать дальше. И уже в июле 1948 года в Институте истории,

археологии и этнографии АН Казахской ССР была организована еще одна дискуссия по книге Бекмаханова. Она проходила в течение пяти дней, в ней выступило более 20 человек. Само проведение дискуссии и указание свыше на то, чтобы в ней прозвучала серьезная критика в адрес буржуазного национализма, получили большой политический резонанс. Какая-то часть ученых пыталась защищать Бекмаханова, но опять-таки в рамках тех положенных пунктов, без которых невозможно было бы вообще выступление любого ученого.

В целом дискуссия должна была носить обвинительный характер. И она стала таковой. В дискуссии принимали участие ученые различного уровня и различной эрудиции. Некоторые из них старались любыми способами окончательно приклеить книге ярлык националистической. Другая часть ученых выступала с не менее горячей защитой движения Кенесары Касымова и в целом всей книги. Необходимо заметить, что начало книги было посвящено той обстановке, которая складывалась в стране перед возникновением движения Кенесары Касымова. И как раз те ученые, которые хвалили этот труд, отмечали, что именно здесь был дан достаточно глубокий анализ состояния казахского общества, отношений Казахстана с различными регионами и вместе с тем сделана попытка показать Казахстан как единое целое, который, с одной стороны, испытывал колониальное давление, а с другой — был неотъемлемой частью всей империи.

Некоторые из выступающих отмечали имеющиеся в книге недостатки именно под углом марксистско-ленинской идеологии. Конечно, такие недостатки свойственны и многим другим изданиям, многим научным трудам, от этих недостатков не избавлена и сегодняшняя историческая наука. Главное заключается в том, какое взято методологическое направление исторической науки и вообще общественных наук. Методологические основы часто изменчивы и не столь однозначны, как хотелось бы в свое время видеть советским идеологам. Естественно, что история степных кочевых цивилизаций является одной из заметных составляющих мировой истории, мировой цивилизации и потому, конечно, достойна изучения. Новые подходы, которые появились с середины XX века и все больше распространяются среди обществоведов и историков, заставляют нас взглянуть уже совсем по-иному на отдельные проблемы и вопросы, которые были затронуты в книге Бекмаханова. И потому эта книга — как памятник выдающейся исторической мысли середины XX века, как итог труда всех историков Казахстана и самого молодого ученого, который, несмотря на все сложности и трудности, использовал огромное

количество источников и сумел создать подлинно фундаментальное историческое исследование, — представляет собой значительное явление. И потому, наверное, дискуссия 1948 года была направлена именно на то, чтобы не только укротить самого автора, но и изъять из научного обихода вопросы национально-освободительных движений, национального характера, национальных привычек и традиций.

Как известно, при тоталитарном режиме всякого рода научные дискуссии возникают не стихийно и не тогда, когда проблема приобретает насущное значение, а всегда диктуются теми или иными идеологическими соображениями. И, естественно, дискуссия, проходившая в 1948 году, была далеко не случайной. Она явилась как бы продолжением борьбы с тем же пресловутым космополитизмом, национализмом, другими политическими течениями, не совместимыми с господствующей идеологией. И в то же время появление такого рода дискуссий косвенно указывало на то, что советский народ в основной своей массе начал понимать: тоталитарный режим постепенно изживает себя, будучи явлением наносным, и что только лишь восхваление одного вождя, учителя, не является главной его особенностью.

Знакомясь со стенограммой дискуссии, которая была опубликована уже в наше время в независимом Казахстане, приходишь, как ни странно, к довольно интересному выводу. Оказывается, что многие из тех, кого шельмовали в этой дискуссии, очень четко и определенно оценивали восстание под руководством Кенесары Касымова. Это видно, например, в выступлении одного из главных обвинителей Бекмаханова — Т. Шоинбаева: «Как известно, изучением восстания Кенесары Касымова занимались и дореволюционные историки, которые, разумеется, не смогли дать и не дали правильного освещения этого вопроса. Не меньше внимания уделяли этому вопросу казахские буржуазные националисты, которые восхваляли Кенесары Касымова. Это вполне понятно, для буржуазных националистов этот пресловутый национальный герой, султаны и хан Кенесары были символом борьбы, отторжения Советского Казахстана от великого русского народа». Заметим, что во времена Кенесары Касымова Советского Казахстана не было и в помине. Далее: «Воспоминания о борьбе Кенесары с царской Россией служили для казахских буржуазных националистов призывом к восстановлению ханской власти в Казахстане. Казахские буржуазные националисты сделали его духовным отцом». Да, в этих выступлениях много говорилось о том, что Кенесары Касымов действовал не всегда правильными, не всегда четко осознанными и логически выверенными дипломатическими методами. Но ведь была война,

и на военные действия необходимо было реагировать соответственно. Понятно, почему многих столь сильно волновал образ Кенесары Касымова — прежде всего он выражал волю и желание казахского народа обрести самостоятельность и независимость.

И далее: «Отсюда понятно, почему автор поднимает на щит как народного героя, как его массового вождя султана Кенесары Касымова. Его работа построена на тенденциозном возвеличивании хана Кенесары и его деятельности, на раздувании его подвигов, на мнимой его близости к народу. Идеалистическая картина «единения» классовой верхушки с трудящимися массами проходит через всю работу». Тем самым Кенесары Касымову было отказано в руководстве народными массами, а также ставились под сомнение те его личные характеристики, которые так четко и ясно были даны в работах еще дореволюционных российских ученых.

Самое главное, в чем выразилась политическая неблагонадежность автора, заключалось, по мнению рецензента, в том, что: «Разглагольствуя о созданном якобы Кенесары Касымовым казахском государстве с установившейся верхушкой власти, общегосударственными органами управления и так далее, автор тем самым умаляет значение Великой Октябрьской социалистической революции, впервые в истории освободившей казахский народ от поработителей и эксплуататоров и создавшей подлинное независимое государство — Казахскую Советскую Социалистическую Республику, являющуюся неразрывной частью великого Советского Союза». Об этом говорилось в 1948 году. А уже через 50 лет от Советского Союза не осталось ничего. И, как все другие государства, Казахстан обрел свою независимость.

Другой оппонент Бекмаханова — С. Е. Толыбеков, рассматривая кризисную ситуацию первой половины XIX века, говорил и о другом: «Не было никакой возможности у казахов для выхода из такого ужасного тупика, из заколдованного круга, своими собственными силами, без могущественной помощи извне. Такую помощь в тех исторических условиях можно было ожидать только со стороны русского государства, русского народа. Реальная возможность получения этой помощи уже была налицо. Великим счастьем и спасением от дальнейшего растерзания и уничтожения многострадального казахского народа в этой кровавой и разорительной бесконечной войне было принятие казахами русского подданства. Только оно положило конец всей этой грабительской войне среднеазиатских ханств против казахов и многочисленным междоусобицам самих казахских феодалов, в основном подогреваемых этими же ханствами. Только с этого момента зажила казахская степь мирной и плодотворной

жизнью». Здесь неизбежно напрашиваются вопросы: а почему же тогда масса приверженцев Кенесары Касымова и других борцов за национальную независимость поднялась на восстание и почему миролюбивый в целом казахский народ так долго и упорно противостоял царским отрядам?

Тот же оппонент так квалифицировал само восстание: «...поэтому всякое сопротивление, оказываемое в свое время против распространения благотворного прогрессивного влияния русского государства в глубь степи, организованное отдельными казахскими феодалами, придерживающимися среднеазиатской ориентации и даже без нее, было сплошным реакционным движением». Тем самым Толыбеков оправдывал все действия царской администрации, и высших ее чинов, и мелких чиновников, случайно попадавших на эту стезю. «Сами же казахи не в состоянии были управлять, — по мысли оппонента, — собственной землей, собственной территорией, и, наконец, собственным хозяйством и собственной жизнью. Они были абсолютно не способными сколько-нибудь способствовать развитию производительности общества, следовательно, изменить в лучшую сторону технику и способ производства. Для них в лучшем случае идеалом могло служить исламское мракобесие и среднеазиатский деспотизм. Они были даже не способны хотя бы создать спокойную и мирную обстановку в степи... Они никак не могли быть народными героями, а их восстания народными движениями. Так как они абсолютно не были связаны с интересами народа». А как же тогда воспринимать множество эпических сказаний, связанных с деятельностью батыров, которые находились в армии Кенесары Касымова? Об этом оппонент молчал. Интереснее всего то, что книгу одобрили выдающиеся советские ученые, проработавшие в науке долгое время и получившие признание всего народа, такие, как Н. С. Дружинин, А. М. Панкратова, С. В. Бахрушин, М. П. Вяткин, давшие высокую оценку труду Бекмаханова. И это в своем выступлении подчеркивал И. У. Будовниц, считавший, что оголтелое навешивание ярлыков на Бекмаханова — очень подлый прием, который позволяет теперь расправиться с ним как с ученым. Разумеется, это свое мнение он не мог выразить столь прямо и откровенно, но в то же время сказал в адрес оппонента Бекмаханова: «Но если товарища Шоинбаева я слушал с недоумением, то второе выслушанное нами вчера выступление товарища Толыбекова, особенно в третьей части, вызывает не только недоумение, но и чувство глубокого возмущения. Все выступление товарища Толыбекова — это сплошная апология царской колониальной политики, колониального гнета, царского самодержавного режима». Характеризуя роль самого Кенесары Касымова в деле укрепления казахской государственности,

оратор подчеркнул: «Кенесары все время приходилось вести непрерывные военные действия, менять места кочевков, совершать огромные переходы. Все это изматывало все его силы и не давало возможности развить большую созидательную государственную работу. Но те мероприятия, которые он успел провести, являются, безусловно, прогрессивными и вовсе не вели к застою. Мы знаем, что он поощрял занятие казахов земледелием, упорядочил сбор налогов, упразднил суд биев, что он боролся с родовой знатью, что он, особенно во второй период своей деятельности, поощрял торговлю с Россией. Разве это не прогрессивные явления?» И еще раз он высказал негативное отношение к оппоненту Бекмаханова: «В своем стремлении опорочить это национально-освободительное движение товарищ Толыбеков договорился до бесстыдного утверждения. Он считает, что выступление Кенесары толкнуло царские войска на насильственные действия, что оставило ядовитое жало на долгие годы. Выходит, таким образом бедные царские генералы и офицеры совершали неслыханные злодеяния будучи на это подтолкнуты только строптивостью, невниманием Кенесары. Это очень напоминает буржуазных либералов, которые оправдывали зверства и эксцессы царских держиморд на том «основании», что их якобы провоцировали на зверства бунтовщики». Повидимому, выступление И. У. Будовница оказало довольно сильное влияние на весь ход дискуссии в зале. И потому один из ведущих казахстанских историков А. Н. Нусупбеков в своем выступлении подчеркнул: «Товарищи обвиняют автора в том, что им написана книга научно несостоятельная, политически вредная, что автор отошел от марксизма-ленинизма и протаскивает буржуазный национализм. Смотрите стенограмму товарища Айдаровой, выступления товарища Жизневского, Толыбекова. Это тяжелое обвинение. Мы так легко можем обвинить друг друга в чем угодно, но нас интересует не это, нас интересует правильное решение поставленной проблемы. Мы можем найти общий язык и прийти к общему мнению, если поставить вопрос так: является движение казахов под предводительством Кенесары Касымова национально-освободительным, прогрессивным движением или это обычная борьба сверхкорыстных феодалов за власть, за свое политическое господство... Так утверждает товарищ Жизневский. Но я разделяю вашу точку зрения. Все доводы и факты, известные нам до сих пор, говорят, что движение было национально-освободительным движением казахского народа, и спорить против фактов не приходится». Другой оппонент Е. Б. Бекмаханова — Х. Г. Айдарова подчеркнула в своей письменной рецензии: «Идеализация Кенесары, доводящая его до уровня руководителя «революционной борьбы трудящихся», подкрашивание его

под общенародного прогрессивного деятеля, объединяющего борьбу всех классов казахского общества против царизма, — глубоко ошибочно. Это искажает историческую действительность. Вредность книги заключается и в том, что в ней цитатами из классиков марксизма-ленинизма завуалирована буржуазная концепция. Неискушенного в истории Казахстана читателя он вводит в заблуждение». Кто из них был в заблуждении — Х. Г. Айдарова или Е. Б. Бекмаханов — рассудило время. В сегодняшнем Казахстане положительное отношение к деятельности Кенесары Касымова, как и к деятельности самого историка, подтверждено многочисленными свидетельствами. Один из первых ученых-историков Казахстана Х. М. Адильгереев в той же дискуссии указал и на другую сферу деятельности Кенесары Касымова, косвенно подтвердив совпадение своих взглядов со взглядами автора: «Борьба казахов в 1837–1847 годах была войной казахского народа против агрессии царизма за сохранение своей независимости. Эту борьбу казахов против наступавшего царизма, стремившегося захватить Казахстан и окончательно лишить казахов независимости, возглавил султан Кенесары Касымов. Кенесары боролся за государственное объединение казахского народа на единственной в то время феодальной основе. Стремление Кенесары Касымова к сохранению независимости и государственному объединению казахского народа имело в той исторической обстановке прогрессивный характер». Другой защитник Бекмаханова — А. Жиреншин в своем выступлении говорил и о другом: «В заключение хочу сказать, что для нас одно только должно быть ясным, что движение казахского народа, руководимое Кенесары Касымовым, было антиколониальным, национально-освободительным, следовательно, прогрессивным. Мнение выдающихся историков нашей страны, лауреатов Сталинской премии, профессоров Дружинина, Бахрушина, Панкратовой, Вяткина, и, наконец, академика Грекова единодушно сводится к этому. Мы, воспитанные на традициях этой истории, учимся у наших заслуженных ученых, и не верить их доводам у нас нет никаких оснований. Мы не должны забывать о скромности нашего великого поэта Абая, когда он говорил, что «только Михаэлис открыл мне глаза на мир». Товарищи, которые критикуют Бекмаханова, иногда смешивают личность Бекмаханова с проблемами истории Казахстана. Одно дело — личные качества его как человека, другое — более серьезные проблемы истории Казахстана». Другие участники дискуссии постоянно подчеркивали роль и значение Кенесары Касымова как крупного организатора войны против царского режима, крупного организатора казахского общества. Так, например, в выступлении Б. А. Аспандиярова

прозвучало следующее: «За Кенесары шел народ. Народ — это не одиночки. Движение казахских народных масс объясняется очень просто. Царские чиновники изымали лучшие земли и тем самым лишали жизненных условий, это стимулировало народное движение. Такова почва, на которой появился Кенесары. Кенесары давал более приемлемый для масс лозунг, он обещал и землю, и свободу, и независимость. В глазах широких масс Кенесары боролся и против внешних врагов. Вот почему массы шли за Кенесары и поддерживали его. И это является естественным». Далее оратор говорил: «Товарищ Айдарова объясняет текучесть состава участников восстания запугиванием Кенесары. Если так, то я задал бы ей вопрос: а карательные отряды царского правительства меньше ли запугивали? Разве вся система карательной политики не нагоняла страх на казахские массы? Разве карательные отряды не разоряли казахские аулы? Не применяли свои методы для того, чтобы оторвать отдельных сторонников Кенесары? Кто в данном случае сильнее? Царское правительство больше запугивало, больше карало, больше отрывало народные массы от движения, возглавляемого Кенесары Касымовым». Некоторые выступавшие не забывали подчеркнуть и свою неразрывную связь с большевизмом, свой большевистский настрой и в конце концов выглядели большими большевиками, нежели лидеры большевизма. Так, один из них, А. Н. Нурканов, говорил: «Как видите, Бекмаханов хочет показать Кенесары в роли революционера, воспитавшего целое поколение в духе свободы и защиты своих прав, что равносильно идейному воспитанию профессионала-революционера. Такое воспитание народных масс, к вашему сведению, товарищ Бекмаханов, присуще только партии большевиков, а не кому-либо другому. Между прочим, Бекмаханов сознательно возвышает до смешного роль Кенесары. Это имеет свои корни. Эти корни заключаются в том, «что возвышение роли Кенесары до революционера дает возможность доказать», что до Октябрьской революции в Казахстане не было ни одного восстания, равнозначного по размеру и значению восстанию, возглавляемому Кенесары». Причину идеологических ошибок автора книги один из ведущих историков тогдашнего Казахстана В. Д. Шахматов видел в следующем: «В заключение хочу сказать, что объясняю ошибки Бекмаханова тем, что, принимаясь за свою книгу, он был в плену литературы, сусально отображающей действительность, в плену феодально-байского фольклора о старых феодальных представлениях о Кенесары. Выдумками я считаю безответственные утверждения выступавших товарищей Будовница и Нусупбекова, будто противники их взглядов на Кенесары хотят лишить

казахский народ права на национально-освободительное движение. Нет, никто не хочет скинуть со счетов истории Кенесары Касымова, который, несомненно, представляет собой крупную для Казахстана историческую фигуру, хотя и отрицательного характера. Но мы хотим очистить историческую науку от идеализаторских бредней в оценке прошлого». В конце концов предоставили слово автору этой монографии. И то, что сказал молодой историк, можно определить однозначно: не покаяние, а анализ, и притом научный анализ ценой своих ошибок, и в то же время попытка оправдать и Кенесары Касымова: «Можно без колебания сказать, что данная дискуссия является одним из стимулов для развития молодой исторической науки в Казахстане. Пройдет немало времени, когда по каждому серьезным проблемам истории мы будем иметь не одну, а несколько работ, и тогда легче будет разобраться во всей сложности тех или иных разрабатываемых проблем. Те горячие споры, какие были в этой дискуссии по моей книге, объясняются в значительной мере тем, что товарищи по данному направлению имеют пока единственную работу монографического порядка. Наряду с положительной стороной данной дискуссии я могу не отметить ее общий недостаток. Во всех выступлениях ораторов, за исключением отдельных речей, сквозила некоторая односторонность. У одной группы выступавших была тенденция хвалить книгу от начала до конца, не указывая на отдельные, порою, может быть, существенные недостатки книги в освещении отдельных проблем, а у другой группы выступавших ораторов, особенно это замечалось в выступлениях трех-четырех товарищей, была явная тенденция к сплошному охаиванию книги. Больше того, автор услышал из уст этих ораторов такие лестные словечки вроде «меньшевизм», «донкихотизм», «национализм» и другие измы. К сожалению, выступления этих товарищей не опирались на глубокое знание проблем и научную аргументацию. Как это ни странно, их выступления были основаны на чувствах, на чувствах грубых и недобрых. Для этих выступлений характерен не только их низкий теоретический уровень, этого я коснусь позже, но и порочный метод аргументации». И в конце своего выступления, чтобы спасти себя от неминуемой кары, а эта кара уже была, по-видимому, подготовлена в высоких партийных кабинетах, он высказался еще по одному поводу: «Мои критики не хотят понимать ту элементарную вещь, что в истории бывали и такие освободительные войны, когда народные массы боролись за полную независимость от России. Именно восстание Шамиля преследовало эту цель, тем не менее движение признается прогрессивным». Полная стенограмма дискуссии была опубликована, как говорилось выше, уже в

наше время, и в ней приведены также тексты тех людей, которые не успели выступить. Вот, например, что хотел сказать в своем выступлении С. С. Медведев: «...товарищ Жизневский еще много раз спросил у аудитории: почему, например, Кенесары знал, что не победит и все же восстал, почему Бекмаханов, характеризуя стремление Кенесары к созданию самостоятельного государства, считает все же это стремление прогрессивным? Вопросы эти, между прочим, ставили и Айдарова, и Шоинбаев на московской дискуссии. Им прекрасно ответили Дружинин, Вяткин, Бахрушин. Нам нет нужды повторять эти ответы. Но вот почему эти ответы не понял товарищ Жизневский? Потому что он не потрудился вникнуть в суть этих ответов, зато бросил в адрес ученых безответственную фразу о том, что они своей положительной оценкой санкционировали националистические шатания Бекмаханова. Товарищ Жизневский, позвольте вам сказать, что вы думали бросить бомбу в этих ученых и Бекмаханова, а вышло так, что вы бросили тухлое яйцо. Да и вообще в книгу Бекмаханова, да и в самую проблему, которая разбирается в книге, в движение Кенесары Касымова некоторые товарищи набросали много тухлых яиц. Вот, например, товарищ Айдарова, с одной стороны, она заявляет, что книга Бекмаханова безаполитичная, а с другой стороны, что книга националистическая. Чем же тут не тухлое яйцо? Нет, не свели концы с концами критики Бекмаханова. Кучкин по этому поводу заметил на московской дискуссии, что Айдарова начала за упокой, а кончила за здравие. А мне критика Айдаровой, Шоинбаева и некоторых других напоминает фразу «обратно покойника несут». Хотя никто никогда покойников обратно не носил. Это означает, что товарищи сами не понимают смысл критической фразы. Айдарова не понимает смысла прямо-таки позорной своей фразы о том, что лучше колониальный гнет, политический режим царизма, чем движение Кенесары. Но ведь, повторяю, что так же рассуждали и те султаны-правители, изменники казахского народа, которых Николай I купил золотой саблей и другими подачками». Вообще советские идеологи считали, что дискуссия носила конструктивный характер. Была подвергнута критике книга молодого ученого, которому, как потом заявляли, дали возможность проследить свои ошибки, ликвидировать их, а затем приниматься за новые научные работы на пользу социалистического строительства. Но сама по себе идеология не может не идеологизировать ни одной серьезной дискуссии. И потому уже тогда многие представители интеллигенции Казахстана ясно понимали, что над Бекмахановым начали сгущаться тучи, что не сегодня завтра может разразиться гроза. И эта гроза разразилась в конце 1950 года. Дискуссия,

как помним, прошла в июле 1948 года, а обвинительное заключение появилось только в конце декабря 1950 года. В центральном печатном органе страны, в газете «Правда», была опубликована статья Т. Шоинбаева, Х. Г. Айдаровой, А. В. Якунина «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана». В ней самой резкой критике была подвергнута книга «Казахстан в 20-40-е годы XIX века», а ее автор обвинялся в открытом и оголтелом буржуазном национализме и представлялся едва ли не врагом социалистического строительства на просторах Казахстана и всего Советского Союза. В ответ на эту публикацию в «Правде» в апреле 1951 года появилось постановление ЦК Коммунистической партии Казахстана, в котором статья признавалась правильной. И Бекмаханов, который как ученый-историк и исследователь пытался всего-навсего прояснить некоторые вопросы национально-освободительного движения, уже 5 сентября 1952 года был заключен во внутреннюю тюрьму Министерства государственной безопасности Казахской ССР и затем осужден по статье 58–10 УК РСФСР, то есть обвинен в предательстве и измене родине. После этого начались гонения на казахскую интеллигенцию, которым были подвергнуты известные ученые республики С. Исмаилов, К. Жумалиев, К. Мухаметханов, Б. Сулейменов (который даже оппонировал Бекмаханову), геолог С. В. Русаков. Наряду с этим изымались из всех библиотек их труды, а также труды А. Жубанова, С. Кенесбаева, Б. Кенжебаева и др. Подверглись моральному остракизму выдающийся казахский ученый президент Академии наук Каныш Имантаевич Сатпаев, видный ученый и великий писатель Мухтар Омарханович Ауэзов. Были приняты административные меры к ректору Казахского государственного университета Тулегену Тажибаеву. Дело Бекмаханова, длившееся так же долго, как и само восстание Кенесары Касимова, с 1943 по 1952 год, было, наконец, закончено. И автор книги о Кенесары Касымове, и сам Кенесары Касымов были подвергнуты гражданской казни, и тем самым Кенесары пережил вторую смертную казнь. Однако не все оказалось однозначным в этом деле. На конференции, организованной Институтом истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова, было высказано много различных точек зрения и о самом восстании, и о его участниках, и о тех, кто был подвергнут репрессиям за описание этого восстания. Участники этой конференции подчеркнули выдающуюся роль не только Кенесары Касимова и его движения, но и всех национально-освободительных движений, которые в то время происходили и на Кавказе, и в самой России. 21 сентября 2003 года состоялось торжественное чествование хана Кенесары на древней земле Кокчетая, посвященное 200-

летию прославленного батыра и государственного деятеля. На эти торжества прибыло много гостей из Алматы, Астаны и других уголков Казахстана, чтобы отдать дань глубокого уважения жизни и деятельности Кенесары Касымова. Среди гостей были и прославленный летчик дважды Герой Советского Союза и Герой Казахстана Талгат Бегельдинов, первый космонавт Казахстана Токтар Аубакиров, писатель Абиш Кекилбаев, а также известные ученые и другие видные люди Казахстана. На торжественном заседании с речью выступил президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев. Он отметил, что в истории казахского народа среди славных имен когорты мудрых правителей особое место занимает имя Кенесары Касымова. Глава государства подчеркнул, что освободительное восстание под его руководством было самым крупным в борьбе за национальную независимость. Н. А. Назарбаев указал на то, что движение, возглавляемое Кенесары, преследовало цель сохранить государственность, территориальную целостность, единство казахов. И в заключение он сказал: «Сегодня мы должны отдать дань уважения памяти хана Кенесары, памяти всех борцов, сложивших головы за свободу и независимость нашей Родины». Чествование Кенесары Касымова было данью глубокого уважения всего казахского народа к жизни и деятельности этого выдающегося исторического деятеля. Признание того, что восстание под руководством Кенесары Касымова было выражением воли самого казахского народа, говорит о том, что эта тема должна стать предметом более глубоких научных изысканий и исторических исследований. И еще один вопрос, который стоило бы осветить. Какова же судьба авторов той печально знаменитой статьи в «Правде» от 26 декабря 1950 года? Эти люди прожили довольно долгую жизнь. Иной раз думается, что не вина их, а беда в том, что они пошли на поводу той оголтелой идеологической травли молодого ученого. Многие из них сами потом пострадали от всевозможных уколов тоталитарного режима, некоторые прожили вполне благополучную жизнь. И все же кажется, что всех их до конца дней мучила совесть из-за того, что они приняли участие в том обвинительном акте против Ермухана Бекмаханова и Кенесары Касымова. В независимом Казахстане получили право на существование различные мнения об историческом прошлом как казахского народа, так и других народов, его населяющих. И в поисках исторической правды многим помогает дух Кенесары. Однако не успокоится его дух окончательно до тех пор, пока не найдено будет место его захоронения, а также место нахождения его головы, которая была преподнесена киргизскими манапами царским администраторам. До сих пор дух Кенесары витает в поднебесье и стремится наконец упокоиться в

своей земле. И нам кажется, что это должно случиться в самые ближайшие годы.

ЭПИЛОГ

Кенесары-хан оставил не только огромное духовное наследие. У него также осталось большое количество наследников. Так, например, один из его потомков, Ахмед Кенесарин, в книге, опубликованной до революции 1917 года, отмечал: «После смерти Кенесары-хана от двух его жен осталось 8 сыновей. От старшей жены, взятой девицей, ханши Кунымжан, были следующие сыновья — Джафар, Тайчик и Ахмед, от второй жены, взятой вдовой, по имени Джаным-ханым — Омар, Осман, Абубекр, Садык и Джегей. В год смерти султана Тайчику было 20 лет, Садыку 10 лет и Ахмеду 5 лет». Все сыновья Кенесары Касымова унаследовали от отца его таинственность, его дух, его беспокойный характер. После столь тяжелой смерти самого хана все его дети перекочевали в низовья Чу, в горы Каратау и город Туркестан и оказались подданными Коканда. Дети Кенесары-хана жили между конратовскими родами. И, естественно, подчинялись кокандскому хану. В любом случае они должны были находиться на военной службе. Военная удача и военные заслуги отца и деда Касыма-султана оказали на них очень большое влияние. И Тайчик, и Садык, и Ахмед хорошо владели оружием, отличались воинской доблестью. К началу 60-х годов XIX века и правителям Коканда, и многим родоправителям юга Казахстана стало понятно, что падение Кокандского и других ханств на территории Центральной Азии — это лишь дело времени. И потому султаны Тайчик и Ахмед, которые были под началом Кокандского ханства, рассуждали так: «И раньше уже кокандское войско потерпело поражение под Ак-мечетью, и на этот раз 40 тысяч человек побеждены 800 русскими. (Здесь имеется в виду Узун-агачская битва, в которой русские войска одержали победу.) «Судя по этому могущество Коканда близко к падению. И русские скоро, наверное, займут эту страну. Поэтому, не ожидая занятия, перейдем на сторону России и будем служить ей, если это удастся. В противном случае будем пользоваться спокойствием в подданстве у ней». Садыку не понравились такие рассуждения: «Я не пойду к русским, бросив путь, по которому шли мои предки, если русские возьмут Коканд, я перейду в Бухару, если возьмут Бухару, я перейду в другое мусульманское государство. Таких много, но я не оставлю пути моего отца». В 1865 году Тайчик и Ахмед уже находились на службе у российского государя. Оба получили награды и чины за хорошее владение оружием. Уже в 1863 году они сражались на стороне России, и в одном из

сражений оба снискали военную славу, но султан Тайчик погиб от удара пикой. Он говорил: «Мы от Бога и возвратимся к Богу». Его же брат султан Ахмед, оставшись на русской службе, участвовал в разных походах и получил несколько чинов. Затем он служил на различных административных должностях и умер почтенным человеком Чимкентского уезда. На кокандской стороне воевал бесстрашный султан Садык и как известный полководец имел большое влияние в этих войсках. Султан Садык участвовал в сражениях при взятии генералом Черняевым Чимкента и Ташкента и показал свою храбрость. Участвовал он и в других сражениях. В 70-е годы XIX века, когда был завоеван Туркестан и подчинены центральноазиатские ханства, султан Садык перешел на сторону туркмен, но на этом не закончились его приключения. После того как Туркмения была завоевана царскими войсками, султан Садык ушел в пределы Кашгара и долго находился там. В завязавшихся битвах между китайцами и кашгарцами султан Садык был на стороне кашгарцев. Но кашгарцы потерпели поражение, и Садык понял, что нужно возвращаться в родные пределы. Наконец, как пишет Ахмед Кенесарин, султан Садык сказал: «Я столько лет уже воюю против русского царя, убегая от русских, я ходил в разные стороны, но все безуспешно. Теперь я бессильно ранен в руку и нигде не могу найти себе безопасное место. Я принужден идти в русские владения. Россия — сильное государство. Если по пословице: повинную голову — меч не сечет, простят мою вину, то я поселюсь там и буду жить со своими братьями: султаном Ахмедом и другими. Иначе будет со мною то, что укажет Бог». Российские власти его приняли, и он жил у своего брата Ахмеда Кенесарина, младшего помощника уездного начальника в Чимкенте. Вот как описывалась внешность султана Садыка: «Это был человек среднего роста, лет пятидесяти пяти, смуглое лицо киргизского типа, с черной с проседью бородой, оживленными замечательно красивыми глазами, вся его наружность, пропорционально сложенная фигура с мягкими контурами лица, маленькими женскими руками, манера держаться всегда спокойно и как бы некоторая застенчивость в разговоре — все это изобличает в нем человека, прожившего при среднеазиатских ханских дворах, и вместе с тем кровь аристократа, белую кость, таким он есть на самом деле по своему происхождению. При первом взгляде на этого задумчивого скромного человека как-то не верится, что это именно тот наездник Садык, с именем которого всегда возникала мысль об отчаянном степном разбойнике, упорном, назойливом партизане. Что это тот Садык, который наводил в 70-х годах страх на нашу передовую линию в Туркестане». Таковы были

жизнь и деятельность султана Садыка, одного из сыновей хана Кенесары. Другой сын хана Кенесары Ахмед прожил всего лишь 46 лет и в 1888 году умер. Его сын Азимхан выделялся из многих детей султана Ахмеда. Будучи внуком хана Кенесары, Азимхан Ахметович Кенесарин жил по представлениям нового времени, когда Россия уже бесповоротно закрепила в Центральной Азии. И это наложило на него свой отпечаток. В одном из сообщений говорилось о том, что он как один из чиновников в Ауле-Атинском уездном управлении принимал самое активное участие в общественной жизни. Так, например, в 1916 году он участвовал в борьбе против набегов саранчи, которая была в те годы чрезвычайно опасной. В 1917 году, когда в Казахстане образовалась первая политическая организация — партия освободительного движения «Алаш», в число членов этой партии единодушно был принят Азимхан Кенесарин. В 1921 году он был секретарем Сырдарьинско-го ревкома, затем переехал в Чимкент, служил в должностях, не связанных с политикой. По специальности гидротехник, он с 1924 года до своего ареста в 1937 году участвовал в строительстве гидротехнических сооружений. В 1930 году, когда начались первые репрессии против интеллигенции под флагом борьбы с буржуазным национализмом, Азимхан Кенесарин попал в число этих самых «националистов». И только то, что у него не нашлось каких-либо документов, которые бы свидетельствовали о его антисоветской деятельности, позволило ему в течение нескольких лет оставаться на свободе. Но уже в 1937 году он вновь был арестован и окончательно пропал в застенках НКВД. Азимхан Кенесарин пользовался большим авторитетом. Он, например, встречался с такими видными представителями казахской интеллигенции, как Ахмед Байтурсынов, Миржакип Дулатов, Магжан Жумабаев, Мухамеджан Тынышпаев, Мухтар Ауэзов, Жакып Актаев и др. Среди детей Азимхана Кенесарина можно назвать и Натая Кенесарина — известного ученого, геолога, прославившего республику Узбекистан замечательными открытиями в области геологии. Натая Кенесарин, как один из виднейших геологов своего времени, был избран членом-корреспондентом Академии наук Узбекистана. В то же время он сохранял хорошие отношения с соседней республикой — Казахстаном. Другой сын Азимхана, Мадияр Кенесарин, закончивший Московский государственный университет имени Ломоносова, также стал в советское время известным геологом. В связи с гонениями на Бекмаханова и интеллигенцию в целом немало досталось и семье Кенесариных. В результате Натая уехал из Казахстана в Узбекистан, а Мадияр Кенесарин — в Москву. Так в детях продолжилась фамилия Кенесариных и так они прожили свою жизнь.

Из поколения в поколение передавался дух борца и воина Кенесары. Один из потомков батыра — Моисеевский — стал в советское время генерал-майором. Так сложилась судьба, что появилась и русская ветвь в генеалогии хана Кенесары. Среди потомков Кенесары видную роль сыграла Напуса Азимхановна Кенесарина. С детства познав лишения как дочь врага народа, она сохранила дух великого предка. По ее инициативе в 1992 году было организовано поминание Кенесары и проведена научно-теоретическая конференция. В последующие годы она издала книгу «О деятельности Кенесары-хана по царским документам». Будучи профессором Казахского аграрного университета, она как активный пропагандист деятельности Кенесары Касымова создала общественный фонд Кенесары, выступает на различных конференциях. Назовем и других потомков хана Кенесары. Это Раушан Кенесарина, дочь Натая Кенесарина, профессор Казахского национального университета имени Аль-Фараби; Анатолий, сын Мадияра (назван в честь боевого друга отца); Искендер, тоже сын Мадияра; Тауке Азимханович Кенесарин, известный ученый; в Шымкенте живут Батыршаевы, есть также потомки Кенесары и в Ташкенте, и в Алматы. Так продолжается род Кенесариных. Но это уже другое повествование.

This file was created

---

with BookDesigner program

---

bookdesigner@the-ebook.org

19.04.2013
